

AGATA RAT

ПРАВО НА
ЛЮБОВЬ

— Давай не упирайся! — пихал меня в машину друг моего бывшего. — У Риккардо к тебе вопросы имеются!

Он вышел из тюрьмы?! Когда? Ему же лет десять впаяли.

— В щель твоего Риккардо и тебя туда же! — сопротивляясь кричу я.

Но руки Хуана клешнями вцепились в меня. Ещё и какой-то козёл у него на подхвате. Всё пытается за мои брыкающиеся ноги схватить. Вот упёртый! Уже раз десять по морде пяткой получил и никак не угомонится.

— Ну всё! Достала!

Прохрипел Хуан и со всего размаха толкнул меня в машину. Я тут же обернулась и, заметив его нависающий кулак, инстинктивно зажмурилась.

— Эй, пацаны, чё так грубо с девкой, а?

Офигеть! У чёрта на куличках слышу родную сердцу русскую речь! И не просто поток приятных мне слов, а настоящий мужской голос.

Он сидел в каком-то дешёвом кабаке и запивал таким же пойлом (другого здесь и не было) сегодняшней провал. Надо было подойти к ней как-то помягче, что ли. Почву подготовить. Тем более, что Княгиню он слишком хорошо знал ещё с той прошлой жизни. Резкая и хитрая бабенка. Но, твою мать, какая красивая, что прям зубы от желания сводит. Её даже очередная беременность нисколько не изуродовала. Обычно бабы в её возрасте растрачивают всякую сексуальную привлекательность для мужика, но не она. Княгиня ещё больше расцвела за эти пять лет семейной, сука, жизни! Бледноватая, правда, немного.

Кастет как увидел её, так и обомлел. Слова сказать не мог. Только смотрел на Княгиню и ловил себя на мысли, что надо было её ещё тогда бросать в машину и увозить подальше от этого плодовитого мальчика. Вот, бля, кролик! Второго его даме сердца заделал! А ведь ребёнок мог быть его. Его... Кастета. И та малая, что Княгиня тут же за дверь отправила, как только знакомый из прошлого зашёл в дом.

Сука, даже не улыбнулась. Отступила к кухонному столу и уже через секунду, как тогда в зоне отчуждения, держала Кастета на мушке.

— Чё надо? — говорит, а сама с предохранителя пистолет снимает. — Помнится, мы с тобой рассчитались. Долгов на мне нет.

Да. Перед братвой долгов нет. Перед Хозяином тоже. А вот перед Кастетом наберётся с вагон и малую тележку. Не то чтобы он мелочный гадёныш. Просто с таким предложением идти бывшему партнёру по чёрному бизнесу больше не к кому. Да и Княгиня не новичок в этом деле. С копарями зналась. И её сопливый муженёк от дел не отошёл. Всё так же промышляет кладами, но только уже на островах. Испанский кораблик ищут. Кастет справки наводил.

Только хитрая тварь и слушать не стала. Выставила Кастета за дверь, пригрозив в следующий раз яйца отстрелить. А она может. И в этом бывший партнёр не сомневался. Вот и сидел в местном кабаке, попивая ром и обдумывая план Б.

У Княгини есть сынок и тоже по кривой дорожке втайне от маман гуляет. Малой даже преуспел в этом деле и в некоторых кругах известен как Князь. Ну, бля, где Княгиня там и Князь! Так что ничего удивительного, что сынок титул мамочки себе присвоил. С ним бы встретиться и обмозговать сто пудов беспроектное дельце. Кастет мог и со стороны кого позвать, но свои люди лучше. Надёжнее, что ли.

И, опрокинув обжигающую жидкость в глотку, уже хотел было уйти, как глазами зацепился за вертлявую задницу в центре кабака. С такими длинными ногами, да с такой коротенькой юбкой девчонка сегодня точно не останется без мужского внимания. Да ещё, двигая бёдрами в такт латинским мотивам, малышка явно испытывала своего ангела-хранителя на прочность. Судя по сидящему за столиками контингенту, джентльменами здесь и не пахнет. В общем, искала девка приключений на свою аппетитную задницу.

Оглядевшись по сторонам, Катет прищурился, как вышедший на охоту хищник, и решил остаться. Уж больно девка понравилась. К тому же, огромный жизненный опыт подсказывал бандиту, что сегодня благодарность девчонки не будет иметь границ. И по фиг языковые барьеры! Секс, вообще, универсальный разговорник.

Глава 1

Солнце, море и песок... Нет, это не слова песенки. Это моя скучная жизнь и я её ненавижу.

Ненавижу всё, что связано с этим чёртовым морем. Бескрайняя синяя гладь, слепящая глаза миллионами бликов, когда смотришь на неё. Слепит так, будто режет скальпелем по главному яблоку. Орать хочется ни столько от боли, сколько от безысходности. Куда не глянь, везде море. Может, для кого-то это предел мечтаний жить на берегу моря, но не для меня. Я не грезила о такой беззаботной жизни.

Вот уже каждый день на протяжении пяти лет я хочу проснуться от стука проливного дождя по окнам, укутаться в пуховик и, выйдя на улицу, обязательно промочить ноги в первой же луже. С такой невосполнимой для меня душевной потерей я вспоминаю любимую мной и мерзкую для всех витебскую осень.

Как же мне не хватает этого пронизывающего до самых костей порывистого ледяного ветра, затянутого серыми тучами неба и густого тумана. Не хватает людей, которых я знала и которые просто прошли мимо меня, праздно гуляющей по набережной Двины. Не хватает Трёх штыков и Вечного огня. Я часто под символом нашей победы грела замершие ладошки и, смотря на красные всполохи, мечтала как принесу к нему свой свадебный букет, а потом скажу тихое, но твёрдое: «Спасибо!».

А ещё день ото дня с терзающей тоской вспоминаю Тимофея. Первый год вынужденного изгнания мой мозг ещё воспринимал яркие картинки нашей любви, как прошедшую реальность, но потом они поблекли, стали серыми и неживыми. И я уже сама не верила, что когда-то мы были вместе. Даже фотографии на телефоне не возвращали мне переживаний первой любви.

Странно, я вроде бы похоронила прошлое, но так и не смогла сделать шаг в будущее, а всё потому, что не могу обвыкнуться в гнетущем меня настоящем. Я пытаюсь жить в чужом для меня мире, но постоянно с надеждой оглядываюсь. Вдруг кто-то там высоко услышит мой срывающийся в хрип шёпот и вернёт меня домой. В мой родной город... К моим истокам... Тяжело вздыхаю, понимая, что я не моя мать и за звонкую монету не могу продать душу. Да и как я бы продала то, что с рождения принадлежит краю тысячи блакитных* озёр, быстротекущих рек и непроходимых болот?

Моя душа принадлежит моей Отчизне. А здесь, на островах, я схожу с ума от съедаемой меня обиды. На кого так обижена? На мать. Задери её медведь. Жаль, что на Карибских островах бурые медведи не водятся. А то бы, как Троекуров, бросила её к мишке. Особенно сейчас, когда мамка на старости лет решила сходить за вторым ребенком. И от кого? От своего ненаглядного студента!

Нет, мамин муж, конечно, не студент. Просто это я так его называю. А как по-другому мне называть его, когда у них разница в десять лет? И на минуточку, когда он потащил мою мать в койку, она была замужней женщиной. Да, пусть у них с отцом были некоторые разногласия, но лезть под юбку к чужой бабе — это перебор. Ещё больший перебор приделывать детей моей матери в её-то годы! Маме уже сорок! А она всё молодится для сопливого мужа.

По-началу я думала, что мамин загул сам собой пройдёт. Ну разгонит последний всплеск гормона и вернётся в семью. К нам с братом. Но нет. Мама родила Мирославу.

Мирку я люблю. И как бы не относилась к отчиму и маме, никогда не перестану радоваться, глядя на мою младшую сестрёнку. Она так похожа на меня. Ну прям вылитая! И характером в меня. Такая же хитрая капризуля. Наверное, поэтому я прикипела сердцем к Мирочке и уже смирилась, что у мамы другая семья. Как вдруг мои серые будни сотрясает ещё одна новость о пополнении. Мама решила сходить за вторым ребёнком от муженька!

Как всё было? А вот так!

Прихожу домой и нахожу свою мать сидящую возле унитаза. Рвёт её не по-детски. Первое, что пришло в голову: мама отравилась. Но тут она, вытирая ладонью рот, радостно сообщает:

— Рита, я беременна!

И всё в моих глазах темнеет от злости на Студента. Какой я тогда устроила скандал, что даже соседи вывалили наружу и приклеились ушами к забору. И путь эти зайцы ни фиги не понимали по-русски, но на всякий случай вызвали полицию. Потом долго пришлось объяснять местным копам, что это семейные разборки и не их собачье дело почему мы так громко сотрясаем воздух. Но не суть. Главное вот что.

— Вы дебилы?! — кричу на мать и отчима. — Ладно, она на старости лет в маразм впадает, а ты?! Ты чем думал, когда ещё одного ребёнка маме делал?! Ей сорок! Сорок, Олег!!!

Отчим, как ни в чём не бывало, в ответ:

— Рита, это наше дело сколько нам рожать детей.

— У тебя ещё не спросили разрешения! — поддакивает психованная мать.

— И Оля сама так решила, — с видом обкумаренного йога снова подаёт голос Олег.

Его спокойствие бесит ещё больше. Хочется наброситься с кулаками на опротивевшую слащавую рожу отчима. У него всегда на всё находятся ответы, но эти ответы никогда не устраивают меня. А ещё я его ненавижу!

Ненавижу, что мама из всех мужиков, подходящих ей по возрасту, легла под этого студента. У них, бля, семья! Даже Слава вписался в эту семью лучшим другом. Я только не могу найти место в их блевотной идиллии. И это они вынудили меня пойти на крайние меры. Как говорится, разбавила их бочку мёда ложкой дёгтя.

Я хотела показать маме какой её Олеженька на самом деле. Ну не верю я, что молодой мужик может искренне полюбить женщину в возрасте. Маме уже сорок, а ему только исполнилось тридцать. Да, мама выглядит моложе своих сверстниц, но дай ей ещё лет десять и всё, развалина. Пятидесятилетняя тётка! Сморщенная курага! Вот, что останется от её красоты, а наш Студент будет в самом расцвете мужской привлекательности. Ведь мужику седина в висках придаёт солидность, а вот для женщины каждый прожитый год приближает уродливую старость.

Когда Олег вернулся из очередной морской экспедиции, разделась и залезла к нему в постель. Мама в то утро готовила завтрак на кухне, напевая какую-то лирическую муть. Мирослава играла во дворе со своим подарком. Милый папочка подарил ей щенка. Так что времени сорвать маску благочестия с морды Олега у меня было предостаточно. К сожалению, всё пошло не так, как я планировала.

Только мои руки пробежалась по спящему отчиму, как тот сонно промычал: «Оленька, моя ненасытная кошечка», и повернулся. В одно мгновение на его лице сменились и ужас, и удивление, и страх, и смятение. Но потом он быстро сообразил, чего я добиваюсь и, подскочив с постели, схватил меня под локоть. Олег выволок кричащую меня из спальни в

коридор. А там буквально через мгновение на меня уже в упор смотрели режущие разочарованием глаза матери.

Боже, сколько боли в них было. Даже тогда, когда отец поднял на маму руку, она выглядела бесстрашной, а тут стояла посреди коридора, с трудом сдерживая накатившие слёзы. И Олег тоже хорош! Бросился к маме с поцелуями, умоляя выслушать его.

— Оленька, милая моя! Я всё объясню! — шепчет он, а руки дрожат.

Отчим испугался, что его драгоценная Оленька сделает нелицеприятные для него выводы и выкинет из своей жизни без вины виноватого мужа.

— Не надо, Олег, я и так всё поняла, — замогильным голосом прерывает она попытки мужа оправдаться.

Хотела их рассорить, но в итоге поставила мать перед самым тяжёлым для неё выбором: дочь или муж. И судя по тому, как чернели материнские глаза, этот выбор был не в мою пользу.

«Доигралась», — молнией пронеслось в моё мозгу, и тут же из глубин похороненного когда-то здравомыслия эхом донеслось. — «Теперь придётся отвечать по-взрослому, ведь залезть в постель к женатому мужику совсем не детские шалости».

— Мама, я..., — прячу глаза, не выдерживая её остекленевшего от боли взгляда. — Я просто...

— Молчи! — обрывает она меня, не давая выговориться. — Я знаю, чего ты хотела! Не получилось, доченька?

Доченька... Сказала, как бросила комок льда. И мне впервые стало стыдно за всё то, что плохого я сделала матери. Даже вспомнила соль, специально высыпанную в суп, чтобы спровоцировать отца на скандал с ней. За час до этого мама отшлепала меня за матерные слова на детской площадке. Вот я и отомстила за горящую от ремня жопу.

— Мама.

С волнением шепчу я, поднимая на неё мокрые глаза, а в ответ слышу:

— Пошла вон!

Мама сделала свой выбор и от этого мне стало ещё противнее. Пыталась сорвать маску лицемерия с Олега и сама не заметила, как добровольно сняла свою. А под моей маской избалованной дочери скрывалась физиономия злопамятной и мстительной стервы.

Как не безумно это звучит, но я мстила матери за её безграничную любовь ко мне. Она прощала избалованной дочери абсолютно всё и только Олега простить не смогла.

Затянув соплю обратно в нос, я ушла как когда-то в детстве, придавая своему вынужденному бегству оттенок незаслуженного унижения.

Только ушла я не просто в никуда, а к Риккардо Мартинесу. Местному бандиту. Опять же хотела позлить мать. Мол, мама одумается и прибежит возвращать меня домой. Но пришла не та, которую я с надеждой ждала больше месяца. Пришёл мой брат Слава. Он начистил рожу Риккардо, а потом они стали вроде бы лучшими друзьями. По крайней мере, мне так казалось, пока моего любовника не посадили в тюрьму. Кто-то сдал его и я догадываюсь кто. Потом брат, в прямом смысле этого слова, схватил меня за шиворот и притащил домой. Извиняться за прошлые пакости мне не пришлось. Моя семейка сделала вид, что ничего существенного не произошло. Ну может, так и лучше, а то снова бы поссорились. В этом я пошла в мать. Вот, хоть убейте, не умею признавать свои ошибки. Лучше ошетилюсь, как дикий зверь перед нападением, чем скажу: «Прости».

И вот вроде бы всё шло своим чередом. Я почти смирилась с браком мамы. Старалась

наладить свою жизнь. Встретила вполне хорошего парня. А тут, как гром среди ясного неба! Мама снова беременна! И эта беременность проходит очень тяжело. Токсикоз её совсем замучил. Исхудала так, что стала похожа на сушеную воблу.

Я волнуюсь за неё, места себе не нахожу, а Олеженька, грёбаный оптимист, пророчит розовых единорогов. Конечно, что ему? Только в плюсе будет. Переживёт жена роды — отлично. Ещё больше привяжется к нему. Это же двое детей, считай по рукам и ногам спутал её! Не переживёт — не беда. Богатый вдовец. И на минуточку, ещё и свободный. Местные охотницы за лёгким баблом облепят его, как мухи говно.

Как не крути, мамин муженёк в выгодном положении при любом раскладе. А я со Славиком в жопе. И самое обидное, я это понимаю, а вот мой брат слеп, как котёнок, и всё потому, что мамин муженёк для Славы больше друг, нежели отчим.

Приобщил, так сказать, пасынка к своим делам. Уже пять лет как рыскают по морю в поисках испанских кладов. И вполне удачно. Два года назад Олег, Слава и Стеф (друг отчима) нашли у берегов Гаити затонувший галеон с золотом для испанской казны. находка стала настоящей сенсацией. Кто только не предлагал археологам-любителям сотрудничество в поисках затонувших кораблей. Долго отнекиваться не получилось, и Олег, посоветовавшись с друзьями и мамой, принял предложение одного американского мультимиллиардера. Теперь для богатея ищут некую посылную каравеллу «Flecha de medianoche»*. По воспоминаниям какого-то идадьго на борту этой каравеллы находился золотой трон ацтекского царька. Тайная взятка одного губернатора другому, чтобы их тёмные делишки так и остались тёмными.

На днях, кстати, собираются в очередную экспедицию. Уже, правда, поднимать останки каравеллы. Стеф должен вот-вот прилететь.

Стеф... Здесь уж точно правдиво утверждение: «Скажи кто твой друг и я скажу кто ты!».

Чёртов бабник этот Стеф! Обрюхатил мою крестную и слинял в закат, а та постоянно плачет маме, чтобы о её сыночке, не дай бог, свободолюбивому папаше не обмолвились. Я, конечно же, могла ляпнуть гаденьшу, но из уважения и любви к тете Свете молчу.

Да и хорошо, что они расстались. У крёстной муж очень хороший. Генерал в отставке. Так любит жену, что готов в попу целовать! Не то что этот спермотоксичный кобель. В Витебске всех баб перетрахал и здесь пипиську свою в штаны не успевает убирать. Ко мне только не лезет. Я для него табу. Олеженька, заботливый «папочка», запретил даже пальцем трогать непутёвую «доченьку». Ну так он меня и не трогает. Слюни только пускает и на этом его интерес ко мне заканчивается.

Блин, а Стеф, не смотря на подмоченную репутацию, всё-таки пушистый кролик. И как же я не хочу, чтобы этот кролик снова расхаживал в одних шортах по нашему дому. Тело у Стефа загляденье. Татушки так и притягивают мой изголодавшийся взгляд. Вот сорвалась бы! Ей богу, сорвалась! Но вспоминаю тётю Свету и понемногу остываю.

«Неа... не надо», — сжимается где-то в области солнышка, представляя Стефа снимающего свои шорты. Вот симпатичный гад! Даже в мысли мои лезет. Встрянув головой, чтобы привести свои девичьи грёзы в порядок, я не заметила как рука сама потянулась к сумочке за пачкой сигарет.

Не курю. Так балуюсь. И в основном, когда нервничаю. Тут, правда, нервов нет. Просто вспомнила накачанное тело спешащего к нам гостя. Алехандро тоже ничего, но уж слишком ласковый. Замучает своими лобзаниями так, что и трахаться расхочется. В общем, после

Риккардо я голодаю по хорошему сексу. Вот он-то умел завести!

Чиркаю зажигалкой и втягиваю в лёгкие дым. Кайффф... Кайф утреней тишины. Домочадцы ещё спят. Это я ранняя пташка, нет, скорее, сова. Спать не ложилась. Только пришла из клуба. Всю ночь так танцевала, что ног не чувствую. Вытягиваю их до приятной ломоты в мышцах, медленно сбрасывая туфли. Это ещё больший кайф, когда твои ступни могут пошевелить пальцами, и никотин негой расплзается по телу. Я почти впадаю в Нирвану, как слышу голос матери. Сто пудов несётся ко мне со всех копыт. Она и раньше истеричкой была, а теперь и вовсе раздражается по любому поводу.

Так что, сделав ещё одну затяжку, мысленно готовлю себя к очередному скандалу. Я же, бля, провинилась! Опять не ночевала дома, а ещё курю и пью. А, забыла! С мужиками тоже сплю. Правда, это под настроение. Вчера его, кстати, не было.

— Рита, ты куришь?! — вопит она, врываясь на веранду.

Вот прям не знала? Сколько раз я приходила домой вся окутанная табачным амбре, а мама, приняхиваясь, делала вид что не замечает этого. Наверное, сама себе это объясняла, что надышали на доченьку. А перегар? Так это тоже... Ну, с Алехандро целовалась, а он пиво пил. Только мамин фаворит в зятя не пьёт и по клубам не шатается. Он животинку лечит. Скучный, в общем, парнишка. И у меня с ним уже месяца два как тайм-аут. Бросить не бросила, но и встречаться с Айболитом больше не тянет.

Итак, мама кричит, прикрывая ладонью рот. Снова замутило. И в этот раз причина: запах дыма. То бишь, виновата опять Я.

— Курю, — спокойно отвечаю я и демонстративно делаю ещё одну затяжку.

Мама зеленеет, резко отворачивается, пока рвотный рефлекс делает своё дело, оставляя её скудный завтрак на веранде. Сама бы присоединилась, но за восемь месяцев привыкла к таким приступам. Поэтому выдохнула и посмотрела на скорчившуюся в спазмах мать. А её всё выворачивает и выворачивает. И прям по нарастающей.

Не выдерживаю и, потушив сигарету об стол, иду на кухню за водой.

— Мам, попей. Легче станет, — вернувшись на веранду, пихаю ей стакан.

— Нет, не станет, — задыхаясь, говорит она. — Пока не рожу, не станет. С тобой так же было. Далась ты мне, и этот дастся.

По интонации понимаю, что сказано не в обиду мне, а так, для уточнения. Но всё равно становится как-то не по себе. Извелась мама за эти восемь месяцев. Сердце сжимается, когда её вот такой разбитой вижу.

— И всё равно попей, — настойчивее пихаю стакан.

Она уже не сопротивляется. Взяв у меня из рук стакан, делает несколько маленьких глотков и снова блевать.

— Мам, может, кесарево сейчас сделать? Всё лучше, чем вот так ещё один месяц мучиться?

Спрашиваю, а сама уже заранее знаю её ответ. Откажется. У матери какое-то патологическое стремление к самоистязанию. Сначала с отцом страдала, теперь с беременностями этими изводит себя. И всё из-за какой-то безумной любви к вчерашнему студенту!

Бля, какой на фиг любви? Была бы это любовь, то Олег любя запретил бы ей так себя мучить. Но нет же! Рожай, родная! Рожай! Это твой выбор! А я тебя поддержу, только отъеду на месяц другой в экспедицию. А ты здесь не скучай!

Какое скучай? Мама с этим токсикозом уже забыла когда в последний раз жрала

нормально, да спала сладко!

Вот что бесит меня в отчине, так это его бесхребетность и полное подчинение жене. У них какая-то странная семья. Олег вроде и принимает какие-то решения, но только после одобрения властной супруги. А маму заносит и порой заносит так, что краёв не видит. Как и с этой беременностью. Захотела Олеженьке наследника родить. Вот и родит. И не важно, что врачи были категорически против. Но мама на причинном месте вертела всех дипломированных специалистов. Сказала: «Хочу и буду!», а Олежа покорно поддержал очередную мамину блажь. Теперь вот блюёт, подыхает, но не признает, что очередная беременность в её возрасте явный перебор. И, быть может, роковая ошибка, мать твою! Ещё неизвестно как всё сложится.

— Нет, я дохожу как положено! Я не старая, как ты думаешь! — срывается она на мне и выпрямляет спину. Только новый желудочный спазм возвращает её обратно в позицию раком.

— Нет, мам, ты не старая! Ты глупая! — уже психую я и, схватив сумочку со стола, прежде чем уйти, со злостью цежу сквозь зубы. — И блевотину свою убирай сама! Достало уже с тряпкой бегать!

В доли секунды срываюсь с места, но вовремя торможу. В дверях стоит Мирочка. Сестрёнка бережно прижимает к себе поскуливающего Булю (нашего чихуашку) и нервно подёргивает подбородком, готовая вот-вот заплакать. Бедненькая тоже переживает за маму, а тут я ещё воплю ни свет ни заря и нехотя пугаю её.

— Мамочке опять плохо? — пищит Мира и слёзки потоком накатились на глазки.

— Нет, что ты, милая, — присев на корточки, успокаиваю и сестрёнку, и скулящего пёсика. — Маме скоро станет лучше. Просто маме что-то не пошло.

— Как Буле, когда он объедается? — поглаживая пухленькой ладошкой собачку, спрашивает немного притихшая Мирочка.

— Да, как Буле.

Наш пёс страдает обжорством, отрывивая излишки пищи, а я потом за ним убираю. Вот прям везёт мне!

— Мира, солнышко, иди ко мне.

Отдышавшись, подала голос измученная мать. Но вместо младшей дочери на её зов пришла я. Обнимаю маму за плечи и осторожно прижимаю к себе. Мы так редко говорим друг другу о своих чувствах и переживаниях, что порой проявляя их, шарахаемся, словно в испуге. И мать не стала исключением, вздрагивая от моих прикосновений. Наверное, такие нежности между нами были лет сто назад. И, смутно что-то припоминая, заставляю свой мозг собрать воедино яркие пазлы счастливого детства. Да... тогда я ещё на горшок ходила, а мама целовала меня, называя умницей. Тогда ей было не важно, что я порезала ненавистное мне платье, порвала Славкину раскраску с человеком-пауком, и вылила кисель папе в портфель. Я была маминой девочкой. Любимой маминой девочкой. И пусть эта девочка давно уже выросла, но всё ещё нужна своей мамочке. Особенно сейчас, когда мама так беспомощна в своём теперешнем положении.

— Мам, не надо ребёнку на это смотреть, — кивнула я на грязный пол. — Иди лучше в дом, а я уберу. Ладно, мам?

— Я люблю тебя, Рита. Очень люблю, — сказала устало мама.

— Знаю, — улыбнулась я в ответ, разжимая свои объятья.

И она, прогнув неестественно спину, шатаясь из стороны в сторону, побрела в дом. А я

ещё с минуту смотрела как она идёт и шёпотом проклинала Олега. Вот зачем такие жертвы?! Неужели здоровье любимой женщины ничто перед желанием иметь сына? Она ведь совсем сдала за эти восемь месяцев. Как же страшно наблюдать, как родная мать с каждым днем тает, словно снежная баба. Если так пойдет дальше, то от некогда цветущей женщины останется только тень, и та только на фотографиях.

— Сволочь ты, Олег! — хрипела во мне тихая злость. — Вот где твоя задница, когда ты ей нужен? Где? Ты, тварь, поехал встречать своего грёбаного друга! А потом сольёшься на яхте в закат к своим очередным морским гнилушкам!

Но долго проклинать отчима сомнительное удовольствие. Не дай бог, что с ним случится и мама ещё быстрее себя изведет, да и веранду надо было всё-таки помыть. Гостя же дорогого ждём из Беларуси.

Шумно вздохнув и метнувшись за ведерком с тряпочкой, я в сотый раз примерила на себя шкуру Золушки. Ну кому ещё, как не мне, содержать в чистоте этот дурдом? Мама временно сошла с дистанции.

*Блакитных — голубых

*Flecha de medianoche — Полуночная стрела

— Рита, ну поговори с братом, — ноет в трубку Мегги. — Пожалуйста, Рита. Я же люблю его, а он...

И снова всхлипы, резко переходящие в противнейшей вой.

Магдалена Санчес моя подруга здесь и очередная влюбленная дурочка в Славу. Вот как ей объяснить, что моему брату на неё плевать с высокой колокольни? Не любит Слава её и вряд ли когда-нибудь полюбит. К женщинам мой брат хоть и относится с галантностью джентльмена, но использует исключительно по их первостепенному назначению. То есть просто трахает. И всё. А чего ещё они хотели? Любви, как в лядских романчиках? О, нет! Это не про Славика. Мой братишка типичный представитель ласковых подонков из разряда «поматросил и бросил». Слезливая подружка не первая и далеко не последняя в сомнительном списке интимных побед Вячеслава Верещагина.

Правда, теперь у моего брата, как и у нас всех, другая фамилия. И всё из-за мамы и её муженька. Напортачили дома так, что приходится скрываться и от бандюков, и от ментов. В общем, от всех, кто спит и видит мою милую семейку в гробу или каталажке.

Да я и не жалуясь. Просто этот плач Ярославны уже порядком подбешивает. А послать Мегги прогуляться в дальний поход не могу. Подруга как-никак и единственная в этом солнечном захолустье.

— Ладно, не реви, — успокаиваю её и чисто машинально подхожу к окну посмотреть, что там за машина притормозила.

Вроде для возвращения отчима и Стефа рановато. Тяну за шнурочек и, по мере того как раскрываются жалюзи, офигиваю!

Прямо у нашей веранды припарковался внедорожник-кабриолет бордового цвета. Из него выпрыгивает мужик и размашистой походкой чапает к дверям. Походочка у него ещё та! Сразу видно, на чём он вертел весь этот мир. Я аж присвистнула, когда незнакомец чуть сбавил шаг, чтобы расстегнуть единственную застегнутую пуговку на рубашке. Даже со второго этажа я рассмотрела кубики пресса на его животе. А ещё раздуваемые ветром края рубашки раздразнили мои глаза кусочком открывшегося тату на его груди.

— Ух, — сорвалось восхищенным стоном с моих губ.

Вот это мужик! Ошибся адресом, наверное? И так удачно для меня. Я уже больше месяца на голодном пайке.

— Рита, где ты? Что со связью? Какие-то помехи. То хрипит, то шумит, — психует Мегги, поскуливая в динамик.

Да, теперь мне не до плаксивых проблем подружки. Щас я себе похожие устройю. Только в отличие от Мегги, я в радужных единорогов не верю. Возьму быка за рога, а потом уже по нужному ему адресу отправлю. Ну вот на сто процентов уверена, что заблудился красавчик в наших трёх соснах. Сразу видно, не местный и недавно здесь. Кожа ещё не приобрела бронзовый оттенок под палящими лучами Карибского солнца. Так даже лучше! Приглашу на пляж мужика, а там вдоволь налюбуюсь его притягательной татушкой. Подозреваю, что она у него не одна.

Ух! Какой красавец! Так что до очень не скорой встречи, Мегги!

— Я перезвоню!

Швыряю мобильник на кровать и со всех ног шлепаю в гостиную встречать

сексапильного гостя. Но только ступив босой ногой на прохладный кафель первого этажа, до моих ушей долетает шипение матери. Она всегда так говорит, когда её распирает от злости, а сделать ничего не может.

Гостя прогоняет, что ли? Молнией пронеслось у меня в голове, и, подкравшись на цыпочках чуть ближе, я приоткрыла дверь.

Мама спиной пятилась к кухонному столу, а на её лице какой-то неестественной маской застыл настоящий ужас. Как будто она увидела призрак из прошлой жизни. И, похоже, именно от этого призрака они с отчимом уже несколько лет спасались бегством. Только все их попытки оказались бессмысленными. Он всё-таки настиг ушлую парочку в самый неподходящий момент. Бежать в мамином положении уже некуда, да и сил больше нет.

— Зачем ты приехал? — шипела змеею мама, а сама шаг за шагом отступала к столу.

Там среди кухонных ножей лежал пистолет. Иногда втайне доставая его и вертя в руках, я задавалась вопросом «зачем?» и вот сегодня получила на него ответ. Оружие было вынужденной мерой, на случай, если кто-то из маминого прошлого захочет её навестить. Похоже, сексуальный незнакомец не ошибся адресом, а целенаправленно припёрся к нам в гости. Невероятный обломчик для меня.

— Княгиня, да я мимо проезжал. Дай, думаю, навещу старую знакомую, — явно хитрит гость и, подняв руки вверх, пытается успокоить, показывая, что безоружен. — Ну чё ты опять психуешь? На старую обиделась? Так это я к слову сказал. Ты... Твою мать, Княгиня, ты всё такая же секси! Аж задохнулся, как тебя увидел, — продолжает отвечать моей маме своеобразные комплиментики.

Меня бы они уж точно завели. Да какое там завели?! Я уже плыла, прикованная к его мощному торсу. А рубашечку-то он для маман моей расстегнул. Вот самоуверенный кобель! Но какой?! С таким мужиком башню напрочь сносит. Маме он бы подошёл. Опять же по возрасту, не то, что этот сопливый Студент. От Гостя прям разило тестостероном. У меня от него бабочки не только внизу живота запорхали, я сама запорхала и чуть не рванулась вперёд, как слышу:

— А мама сказала, что подсматривать не хорошо.

Мирка! Вот маленькая зараза!

Оборачиваюсь и вижу лисью улыбочку на личике сестрѐнки. Так, зная Миру, как облупленную, я уже готовлюсь к переговорам в силе самых прозорливый торгашей. Вот, честно, сама такая вредная была. Вечно задирала старшего брата, потом получала от него и бежала с жалобами к отцу. К маме было бесполезно. Сверху ещё могла получить. А папа всегда был на моей стороне. Это касалось и шантажа. Теперь вот младшая использует все мои приемы из счастливого детства. Так что если сейчас не отвлеку сестру, то сдаст она меня со всеми потрохами. Для непонятливых, закричит: «Мама, а Рита подсматривает!». И всё! Катастрофа... Перед понравившимся мне мужиком я предстану какой-то дегенераткой, приклеившей уши к двери. Что там будет чувствовать мать в момент моего разоблачения, мне, конечно же, плевать. Мирку пусть воспитывает, а я уже взрослая!

Да, взрослая... и по-взрослому стою за дверью. А ещё буду торговаться с пятилетней девочкой за право дальше втихаря стоять за этой дверью.

— Мира, а я разве подсматривают? Я просто стою здесь.

Сестрѐнка приподнялась на цыпочках и заглянула за мою спину в дверной проем. Быстренько оценила обстановку и говорит, но уже шѐпотом, как заправская заговорщица.

— А просто хочу помаду.

Вот смышлёная! Прямо не нарадуюсь, глядя на неё. Вся в меня. Помнится, ещё в детском саду я так выторговала у Раисы Викторовны особое отношение к своей скромной персоне. Воспетка подсекала за заведующей и новым рабочим, а тут я выбежала из группы ябедничать. И так удачно! Последний год в детском саду я провела, как в лучшем санатории. Так что мне относительно повезло, что у моей сестры пока ещё приземлённые желания. Всего какая-то помада!

— А какую? — спрашиваю и тут же в голове делаю ревизию косметички.

— Розовую в синеньком.

Есть такая. Блин, и моя самая любимая. Но чего не сделаешь ради собственного спокойствия.

— Бери, солнышко.

— Ой! — вполголоса обрадовалась Мира и всплеснула руками.

Так, минус одна помада. Но Мирка не уходит. Хлопает ресничками и опять чего-то ждёт. Как я понимаю, торг ещё не окончен. Есть ещё что-то нужное этой маленькой жопе.

— Ещё помаду? — с осторожностью задаю вопрос, зная, что лучше не называть новые вещи, чтобы они автоматом не попали в хотелки шантажистки.

— Розовую жужалку, — огорошивает сестрёнка.

А фен-то ей зачем? Ладно, надо уступить, иначе громких последствий не миновать.

— Бери. Только в розетку не вставляй.

И тут замечаю как глаза моей точной маленькой копии округляются до невероятных размеров. Так, похоже, я ей какую-то Америку открыла, сказав про совмещение фена и розетки. Ну да ладно. Там вилка туго входит. Сил вставить малой не хватит. Сама с трудом пихаю. Но для закрепления ещё раз говорю:

— В розетку не пихать!

— Ага, — кивает она головой, а сама уже мысленно в моей комнате размазывает помаду по губам и долбает феном по столу.

Так, минус розовая жужалка. То бишь мой фен. Проводив грустным взглядом вприпрыжку поднимающуюся по ступенькам Мирку и со вздохом похоронив помаду с феном, я пулей к двери. А там... а там! Я всё просрала, пока торговалась с младшей сестрой. Мама тычет в гостя пистолетом, а он, подняв руки, ретируется спиной к выходу.

— Ещё раз тебя здесь увижу, убью на хрн! — орёт она ему вдогонку.

Ну что я могу сказать по этому поводу? Мама, как всегда, в своём репертуаре. Добрая и милая она только со своей семьёй, кроме меня, конечно. А вот все остальные знают мою маму, как властную и бескомпромиссную женщину, в чём-то даже очень жестокую. Похоже, гость из её прошлого знаком лишь с одной её ипостасью и не самой лучшей. Было видно, что пистолет в её руках мгновенно смыл ухмылку с лица, а в глазах поселил опасения, что из этого дома его вынесут вперед ногами и завёрнутым в ковер, который, кстати, уже будет им испорчен. Мама не промахнется. Видела, как она стреляет. И мужик этот стопудово тоже лицезрел её меткость.

Когда внедорожник гостя пропал из маминого поля зрения, она схватила мобильник и, набрав номер, срывающимся на крик голосом затараторила в динамик:

— Олег, здесь только что был Кастет! Да нормально всё! Он ушёл! Но вернётся! Мать твою, жопой чую, что вернётся! Жду тебя!

Значит мужика, которой приходил к маме, зовут Кастет. И это не имя, а прозвище. И судя по тому, как мама его приняла, этот Кастет опасный тип. Но чёрт возьми, какой он

зашибательный! Особенно, его татушка. Я её всю, конечно же, не рассмотрела, а жаль...

В общем, люблю парней с тату. К отчиму это не относится. У Олега тоже зачётная татуха, только меня ни он, ни его языческие символы не вставляют. Слащавый мальчик, а не мужик. Вот этот Кастет маме бы подошёл... Такой весь из себя властный и... И тут ловлю себя на мысли, что будь он моим отчимом, я сошла бы с ума от желания прикоснуться хоть кончиками пальцев к его скалящемуся волку на груди. Нет, в койку к нему я бы точно прыгнула без коварного плана, а потому что между ног, ох, как свербило. Жить под одной крышей с таким мужиком и оставаться к нему равнодушной вряд ли у меня получилось бы. Так что впервые в жизни я обрадовалась маминому выбору. Малахольный Олеженька ей подходит на все сто процентов. А этого Кастета я оставляю себе. И пусть у нас нет никакого будущего (всё-таки мама его выгнала и он бандит), но хоть временно поселю его в своих эротических фантазиях.

Ох, вздохнув, я пошлепала обратно в свою комнату, а, открыв дверь, чуть не приземлилась на жопу от накрывшего меня прозрения. Розовая жужалка... Так вот что такое розовая жужалка. Моя младшая сестра копается не только в косметике и комоды с нижним бельем, но и в прикроватной тумбочке. В самом дальнем её углу. В самой закрытой коробке.

Вот, блин, хрюндель малый! Добралась до моего стыдного секрета!

Подруга посоветовала. Сказала, что можно тоску-печаль разогнать, если уж слишком заскучаешь. И вообще, просто супер, а не вещица! Купила, попробовала и поняла: к особо скучающим дамам я не отношусь. Ну или пользоваться этой женской радостью не умею. Чё-то не вставляет меня ни стильный дизайн, ни регулировка интенсивности скоростей, ни плавные изгибы... Да, если честно, не моё это всё.

Вот с тех самых пор разочарования в современных феминистических альтернативах живому общению с сильной половиной человечества розовая жужалка и валяется в дальнем углу тумбы. Иногда используется не по прямому её назначению, а в качестве антицеллюлитного массажера. И, кстати, отлично справляется с этой функцией. Кремом бёдра намажу, а потом по ним жужалкой пройду. Эффект не хуже, чем от рук профессионального массажиста.

И всё бы ничего, но малая запустила свои загребущие ручонки в святая святых! В мою прикроватную тумбочку. А там и других секретиков хватает, но, похоже, те конвертики её пока мало интересуют. Жужалка же розовая, а у Мирки сейчас период такой в розовом цвете. Её прям тянет к оттенкам pink*.

— Мирочка, а что это ты делаешь? — спрашиваю, не делая акцента на розовую жужалку в её руках.

Сестра сидит напротив туалетного столика и гладит ей по волосам. Потом тяжело вздыхает, будто бы я задала ей наиглупейший вопрос, и, повернувшись ко мне с видом профессора, отвечает:

— Что, что? А разве не видно? Укладку, — и снова отворачивается к зеркалу любоваться самым сногшибательным makeup*-ом.

Сногшибательным, потому что одной розовой помадой Мирка не ограничилась. Размазав всю её по губам, добавила чёрной подводки на глаза, ещё румяна смешала с пудрой и получилось аля-панда страдающая диатезом. Красотища — одним словом. Вот та самая красотища, обладающая страшной силой и каком-то Макаром спасающая мир. Смотришь на неё и спрятаться хочется. Желательно под кровать, чтобы больше не лицезреть такую красоту, от которой лишаешься дара речи и долго не можешь прийти в себя, потому что

первая твоя мысль в голове — это как её отмыть. Подводка для глаз водоустойчивая.

Эх, мама убьёт меня. Хотя..., может, ограничится молчаливым порицанием? Ей сегодня точно не до меня и шалостей Миры. Как-никак прошлое нагрянуло в гости.

— Мирочка, так ты неправильно укладываешь волосы, — подходя к красоте, говорю я.

— А как? — мигом отвлекается сестрёнка, уставив на меня свои удивлённые глазенки.

— А так, — беру из её рук жужалку и изображаю негодование — Ой, Мирочка, а она же сломалась. Не греет совсем.

— Я её в розетку не пихала и она туда не лезет, — хлопает ресницами малышка и сдаёт сама себя с потрохами.

Пихала... Откуда же тогда такая осведомленность, что не лезет? Но играем дальше досаду из-за поломки.

— Да она давно уже барахлила. То грела, то не грела. Так что я лучше выброшу её, — и оглядевшись по сторонам в собственной комнате быстренько нашла временное пристанище для жужалки. Потом, сто пудово, выброшу на фиг ненужную игрушку. И со словами, — вон туда, — кидаю жужалку на шкаф.

Там Мирке точно не полазить. Очень высоко. Но тут сестрёнка просто добивает меня своей сообразительностью.

— А, может, папу попросить починить?

Теперь уже я округляю глаза, представив, как мамин муженёк вертит в руках мою розовую жужалку и офигивает от игрушек падчерицы. Потом мама читает мне очередную нотацию, что в доме маленький ребёнок и я могла бы быть более осмотрительной, когда покупаю себе такие вещи. Ну и конечно, эта новость не обойдет стороной старшего брата, а он не упустит момента, чтобы подколоть меня. И Стеф будет тоже в курсах. И... Твою мать, лучше сразу сдохнуть!

Так, похоже, временное пристанище отменяется. Сегодня же выброшу его, а то Мирка сдаст меня со всеми потрохами. И самое главное, сделает это по своей детской наивности. Для неё же эта вещичка не что иное, как разновидность плойки, ну или, на худой конец, утюжка для волос.

— А знаешь, милая, не надо ничего делать. Не понравилась мне эта плойка. Рекламы много, а толку нет, — и улыбаюсь, поправляя взъерошенные волосы сестры.

— Вот и мама всегда говорит, что хорошим вещам реклама не нужна.

— Даааа, — тяну я с сарказмом, — мама всегда права. Ты только маме такой красивой на глаза не попадайся, а то расстроится, что доча совсем большая стала.

Малая хихикнула и побежала делать всё с точностью да наоборот. Вот вся в меня эта маленькая вредина! А у меня сегодня планируется насыщенный день. Первостепенным делом избавлюсь от вибратора, а потом прошвырнусь по магазинам с Анжеликой. Ещё одна моя подруга, но из категории «хорошая знакомая, с которой только тусить». Вот с вечером запарка. Выбор невелик, либо на яхту к Родриго, либо в стриптиз клуб, либо бухать с той же Анжеликой.

Ладно, походу дела определюсь где и с кем провести вечер. Благо, сегодня маме точно не до меня. С отчимом будут обсуждать некого Кастета и решать как жить дальше: оставаться на обжитых островах или бежать на новое место. Вот чую жопой переезд не за горами, и ждёт нас дальняя дорога. Только бы подальше от экватора.

Pink * — розовый

Makeup* — макияж

Глава 3

Вечер... Солнце красным шаром медленно ползёт к горизонту. Но я не люблю эту красоту. Сидя на террасе самого дорогого ресторана карибского захолустья, я листаю социальную страничку своей единственной подруги из прошлой жизни Ангелины. Как же мне её не хватает. Особенно задорного смеха. Вот кто умел развеселить и разогнать печаль! Только вот сегодня Аля вогнала меня в беспросветную депрессию, разместив фото кулончика-половинки и написав: «Где бы ни была вторая, она всегда в моём сердце!».

Сегодня ровно пять лет, как мы распрощались с Гелей. Я обещала написать ей, когда всё уляжется и дать свой новый адрес, но мама запретила любые контакты со школьными друзьями. Даже с такими близкими, как Ангелина. Сказала: «Десять лет за одной партой — это не повод для доверия!». Как-будто у неё подруги не со школьной скамьи?! Тётю Свету и тётю Нату она поставила в известность, где искать её горемычную задницу, а мне, видите ли, нельзя.

Бесит! И бесит ужасно. Прямо до нервной колотушки. И с этой же злостью я тыкаю пальцем по дисплею, набирая текст сообщения в директ: «Привет, Геля! Не пугайся бородатого араба на аватарке.) Это я — Ритка. Вторая половинка сердечка у меня. Скучаю!». И фотку кулончика на руке сбрасываю ей.

Вот пусть теперь мама рвёт волосы у себя на голове, а мне плевать. Всё-равно уже нет никакого смысла сидеть тише воды и ниже травы. Какой-то Кастет нас нашёл. А если он смог, сомневаюсь, что для других это станет проблемой.

Как говорится: помирать так с музыкой. Хотя с лучшей подругой напоследок пообщаюсь. У них там столько всего интересного случилось за эти пять лет. Выпускной, экзамены, институты, армии, свадьбы и даже тюрьма. Один из наших одноклассников в двадцатом сел за драку с брутальными мужчинами в касках.

И всё это я наблюдаю инкогнито в социальных сетях. А хочется быть с ними. Быть рядом. Ведь, не смотря на некоторые споры и разногласия, у нас был самый дружный коллектив. Вот как приучила нас Анна Георгиевна с первого класса помогать друг другу, так и её науку во взрослую жизнь. Читала посты про Тишкову. После автоаварии ей собрали деньги на реабилитацию в Германии. Я тоже поучаствовала и опять инкогнито. Гарику искали адвоката. Нашли. Сидит половину срока, а могли и по полной впаять. У Березкиной парень погиб, а она беременная была. До тошноты порядочные родители выгнали. Так наши не оставили. И комнату нашли, и с вещами помогли, и с роддома встретили. В общем, Березкина институт в этом году уже окончила, и на работу выходит. Малой у неё вылитый Димка. Видела парня Березкиной, когда он приходил к ней в школу. Жалко её, конечно, но судя по фоткам, чёрная полоса сменилась белой. Баринов частенько там мелькает. А он во второй раз своего не упустит. Пробивной пацан. Тогда только в сторону отошёл. С Димкой тягаться было бесполезно. У того помимо красивой мордашки были наглая харизма и крутой байк. Зато теперь однокласснику все карты в руки. Любимая девушка — мать одиночка, да ещё и благодарная по гроб жизни за помощь. Действуй, Барин, действуй!

У Ангелины новый ухажёр. По фоткам старше её где-то на лет двадцать или тридцать. Так сразу и не поймёшь, какой десяток он разменял. Седина на висках, да и морщинки у глаз, но выглядит очень солидно. При деньгах мужик. Ангелину по миру катает. И, похоже, свадьба не за горами. Позавчера выложила фото с очень заметным колечком на безымянном

пальчике.

Эх! Скука-то какая на этих чертовых островах! У друзей там жизнь кипит, а здесь... Здесь я сижу в ресторане и делаю вид, что слушаю бубнёж Анжелики. Ей, кстати, до барабана моя кислая и безучастная мина. Главное, выговориться, рассказать всё, что я вчера пропустила, в очередной раз забив на работу.

Я особо не нуждаюсь в деньгах и работаю из-за скуки. Чего не скажешь об Анжелике. Вот она-то пашет дай боже! На её хрупкие плечики камнем давит забота о двух сестрёнках и братишке. И Лика далеко не сирота. Просто она местная, а у местных здесь жизнь тяжёлая. Вот и приходится ей пахать с утра до ночи и с ночи до утра, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. А ещё у Лики мамка бедовая баба. Мало того, что слабая на передок, так ещё и в башке вместо мозгов маргарин и тот расплавленный под Карибским солнцем.

Со слов мамы Анжелики, её отец моряк дальнего плавания и по национальности шотландец. Так что Лика в него пошла таким гордым и упёртым характером. Ну и цвет кожи у неё посветлее будет. Отцом двух её сестёр близняшек был некий турист из Германии. Девчонка родилась с редким для эти широт цветом волос. Блондинистые. И глаза, кстати, голубые. Только папаша скупой бюргер смотал свои удочки ещё до первых признаков беременности и знать не знает, как наследил на Карибах. Но мамаша Лики не особо переживала по этому поводу и, родив, скинула малышей на старшую сестру. А сама хвостик распушила и по новой гулять. Через три года (Лике тогда было пятнадцать) принесла в подоле уже мальчишку. У этого хотя бы был отец и относительно недалеко. В соседнем квартале. Папаша малого местный коп, но женат. Он пару раз провёл с мамашей Лики в камере следственные действия. Её, кстати, тогда задержали за наркоту, но следственные действия, которые были проведены полицейским, ничего противоправного не выявили. Так что бедовая многодетная мать уже пять лет, ничего не опасаясь, гуляет на свободе. Иногда разрешает дотошному копу проводить ночные обыски в своей комнате, ну а он за примерное поведение своей подопечной подкидывает им честно заработанных держат. Ну и устроил ненасытную любовницу горничной в отель. Всё же лучше, чем гадость всякую без присмотра туристам на улице распространять. Хотя я очень сомневаюсь, что с такими данными и опытом в сфере интимных услуг мамаша Анжелики там только убирает. Да и коп не снабжает её чем-то запрещённым, чтобы гости острова насладились всеми преимуществами местной вольницы. Здесь же, как и у нас, главное — знать нужных людей и будет тебе счастье.

Только вот у Анжелики этого счастья нет. Да и вряд ли в ближайшем будущем предвидится. Денег всё равно не хватает, а то, что даёт добрый дядя коп крохи со стола коррумпированной элиты островка. Вот и пашет девчонка, что тягловая лошадь. Днём разводит туристов на деньги, вечером крутит попой в стриптиз баре, а ночью за некоторую сумму готова выехать с клиентом на его территорию для оказания приват услуг.

Если честно, то до сих пор удивляюсь, как при таком образе жизни Анжелика не повторила судьбу своей непутёвой матери. Та уже в восемнадцать родила своего первого ребенка. То бишь, Лику. Мозгов что ли больше? Или контрацептивы доступнее стали?

А знаете, как мы с ней познакомились? Как, вообще, девушка из благополучной семьи с огромным достатком связалась с такой, мягко говоря, аморальной личностью? А очень просто. Помимо меня и Мирки, у моей матери есть ещё и Славка. Мамина гордость. Пример для подражания, мать твою!

Так вот, год назад я в очередной раз поругалась с мамочкой и, прихватив кое-какие

вещи, решила пожить у брата. Он уже четыре года, как живёт отдельно. Видите ли, ему, как парню, необходимо личное пространство, а я ещё не доросла. Мне двадцать один и я не доросла!

Ладно, это не суть истории. Это мои обиды. А суть вот в чём.

Заваливаю к брату и с порога кричу:

— Славик, я у тебя перекантуюсь?!

Тишина. Поднимаюсь на второй этаж. Открываю двери и теряюсь от бесстыжей наготы. В кровати моего брата, развалившись, как Хавронья на свежем сене, дрыхнет девка. А Славика нет. Что, кстати, странно. Мой брат у себя на ночь никогда девок не оставляет. Отлюбит их как следует и за дверь. В лучшем случае, вызовет такси. А тут я даже приофигела! Девка спит. И я её никогда прежде не видела.

Не порядок, думаю и подхожу ближе. Беру край одеяла, что она обняла длинными ногами, и со всей силой резко тяну на себя.

— Какого хрена?! Ты кто ещё такая?! — ору во всю глотку.

Девка подрывается. Ничего не понимая, хлопает ресницами, оглядываясь по сторонам. Явно в поисках того, с кем кувыркались всю ночь. А его нет! Зато есть другая девка и с виду не очень дружелюбная.

— А ты кто? — спрашивает, уже обдумывая варианты своего бегства.

Она-то подумала, что я девушка того чела, который привёз её сюда, а сам утром свалил. Даже не разбудил, гаденьш! А так как у Анжелики уже были похожие ситуации, когда приходилось в одном только negligee сигать в окно и, прикрывая руками голую жопу, бежать куда глаза глядят, она не особо напрягалась, обдумывая другие способы сохранить товарный вид своему фейсу. Перетягивать простыню Лика не стала, отползла мягким, но горящим местом к краю постели и уже приготовилась делать отработанный до мелочей прыжок в сторону окна.

— Слышь, — говорит, отвлекая мое внимание от своих приготовлений, — я проблем не хочу. Разбирайся со своим парнем. Он мне про тебя ничего не говорил.

И тут я в смех. Прямо пополам сложилась! Видела бы Лика тогда себя со стороны, сама бы по полу каталась. Такой идиотский видок у неё был!

— С братом, — хохочу, еле слова выплёвывая. — Слава мой брат!

— Фу! — летит до меня её вздох. — У тебя очуметь какой брат! — и плюхается обратно жопой на кровать. — Бля, как мне сегодня повезло!

И здесь мы уже засмеялись вдвоём.

Вот так мы и подружились с Анжеликой. Это, кстати, она посоветовала мне купить вибратор. Мужиков у Лики вагон и малая тележка на прицепе, но никогда и ни с кем она не испытывала столько удовольствия, как с моим братом. С её слов, она, вообще, ни с кем не кончала, кроме него.

А как-то даже призналась мне: «Они — это работа. Никаких чувств, понимаешь? — с грустью говорит после ночи со Славиком. — А Лав (Слава у неё плохо получалось выговаривать) это другое».

И вот это «другое» Лика гордо держит на расстоянии, оправдываясь, что к хорошему быстро привыкаешь, а её жизнь сплошное дерьмо, и ей в этой зловонной жиже ещё долго плавать.

Знаю, что Лика иногда спит со Славиком, но никогда не говорит о нём. Никогда не спрашивает. Никогда не клянчит. И никогда ничего не просит. И вообще, Анжелика

слишком реалистка, чтобы мечтать о каких-то там розовых единорогах, скачущих к ней по радуге с рыцарем на спине. Наверное, поэтому мы и нашли с ней общий язык. Общаемся уже год и никто из моих родных об этой дружбе не знает. Моя маленькая тайна. Тайна, которую я скрываю даже от Славы, потому что уверена на сто процентов: он не одобрит местную шлюхузд в качестве моей подруги. Это ему можно возиться с далеко не примерными девочками. Он мужчина! Пусть ещё и молодой, но всё же мужчина. И плохие девочки Славу нехорошим вещам не научат. Сам в состоянии учить всякой гадости. В любом случае, мама во всем доверяет старшему сыну, поэтому давно отпустила поводок, дав ему полную свободу.

Как-то спросила у Лики, что так привлекает девчонок в моём брате? По мне, он слишком холодный и непробивной на эмоции циник. А она мне в ответ:

— А в постели ураган!

М-да... Таким Макаром, может, и Олег для мамы не слащавый подлизун, а огонь в койке?!

По-видимому только мне одной с мужиками не везёт. И, похоже, дело во мне самой...

С Тимом я не испытывала оргазма. В первый раз было жутко больно и неприятно. Тим обещал, что потом будет просто супер. Но и потом, и в последующие разы было не очень. Тело реагировало на ласки, а вот сам процесс терялся. Ничего не чувствовала кроме его движений внутри себя. И как все несчастные на моём месте, я, конечно же, изображала бурный оргазм со всеми звуковыми сопровождениями. Охи-вздохи как надо быть! Порноактрисы нервно курят в сторонке, если что.

Мой первый оргазм накрыл меня с Риккардо. И было это после ночи безудержного секса. Бля, вот он тогда меня отодрал! И это определение подходит больше всего, так что мне не стыдно его употреблять. Под утро мой бандит устал, но всё равно хотел меня так сильно, что не мог успокоиться. И загнал меня наверх.

— Давай, детка, попрыгай немного, а я отдохну! — возбуждённо прохрипел Риккардо, усаживая меня на своем члене.

Попрыгала. Не раз была в позе наездницы, но тогда впервые испытала какой-то скользящий кайф. Он только раздражил меня, а не насытил. Потом постоянно лезла наверх за новой порцией физического удовольствия и, получая его, радовалась, как ребёнок в отделе сладостей. Но, судя по довольному мурлыканью Лики, мой оргазм не имеет ничего общего с тем удовольствием, которое она испытывает с моим братом. После Славика Анжелика ещё несколько дней покладистая, как охочая кошка. Улыбается, смеётся и глупо шутит. А на вопрос: «Как дела?», протяжно отвечает: «Зашибись!». Ну хоть у кого-то в этом деле всё так славненько.

С Алехандро всё печально... У пацана по венам бежит взрывоопасный коктейль из латинской крови, а в постели он полный ноль. Съездил в штаты поучиться и привёз оттуда вредную для размножения болезнь под названием «Мужская психологическая кастрация». Первым никогда не лезет, а если и проявляет интерес, то спрашивает: «Не хочешь сегодня заняться сексом?». Если сначала меня это прикалывало, то теперь бесит, и как-только слышу: «Не хочу ли...», резко отвечаю: «Нет!».

А толку с ним трахаться? Облизет всю, как конфету, а потом тычется пиписькой, и с каждым толчком так знаете ли участливо интересуется: а хорошо ли мне? А, может, скорость сбавить? (Биовибратор хрнов!) Или ещё приласкать? В общем, писец! Одним словом.

Да какая тебе разница, как мне там под тобой?! Любишь? Люби и побыстрее. Да так.

чтобы я хоть как-то ощущала, что у тебя член есть и он сейчас где надо.

В общем, с Алехандро у нас не вышло новомодного харассмента. Он, кстати, был моим начальником, если что. Теперь вот бывший во всех смыслах.

— Рита, как думаешь, соглашаться?

Спрашивает Лика, а я ни сном, ни духом не врубаюсь о чём это она. Потерялась в собственных мыслях.

— Чего? — переспрашиваю, отрывая глаза от фоток подруги из прошлого.

— Ну, с янками этими соглашаться на тройничок? Они обещали хорошо заплатить.

— Порвут, как Тузик грелку, — говорю, а сама даже представить себе такое не могу. Хотя на фантазию не жалуясь.

— Не поняла? — насупилась Лика.

— Ну, это присказка такая русская, — поясняю я.

— Аааа... — тянет подруга.

— Ну порвут на британский флаг твою эту, — и киваю на то, что у неё между ног.

Вопросительное мгновение на её лице сменяется задумчивостью. Похоже, смысл сказанного мной начинает доходить до адресата. То бишь, до мозгов Анжелики. Она хлопает ресницами, в попытке сбросить красочные картины своей порванной пещерки, и окончательно добивает меня правдой-маткой:

— Не, нормально всё будет. Корейцы же не порвали, а их трое было.

Я присвистнула офигев.

— Это же корейцы, Лика. Ну что у них там в штанах? Три за один сойдёт, — и убираю мобильник в сумочку.

Интимная жизнь подруги уже поинтереснее фоток в нете.

— Ага! Три что один! Там ого-го было! — и хохочет, как заведённая.

Явно истерический смех. Даже страшно подумать, что эти извращенцы с ней там вытворяли. Любой нормальной девушке после такого психолог понадобился бы. И не один! А два. Нет три! Психиатр тоже лишним не будет. А эта хохочет, а слёзы на глаза наворачиваются. Блестят, как капли утренней росы и катятся по щекам.

Ну вот что за жизнь у неё такая собачья? Сколько там так протянет? Год? Два? Десять? Потом, как и все девчата её профессии, окончит свои дни от болячки стыдной или от рук писюкатого клиента.

Жалко подругу. Жуть, как жалко. Надо бы вытащить её из этого болота. И хоть она сама никогда об этом не попросит, так я сама предложу. И говорю ей, глядя прямо в мокрые от слёз глаза.

— Анжелика, давай я с братом поговорю. На работу тебя нормальную пристроит. Знаешь, у них экспедиция намечается. Может, ассистенткой какой пойдешь, а?

Моё предложение решило бы все её проблемы. Опять же спонсоры платят хорошо и не скупятся, хоть и американцы. Поработала немного, глядишь и выбилась бы в люди. Может, нашла бы кого в этой морской экспедиции. Нормального мужика, а не больного на голову секс-туриста.

Но Анжелика, смахнув ладонью выступившие слёзы, гордо так заявляет:

— Нет! Не надо.

У меня только от её отказа осадок камнем лёг на сердце. Такое чувство, что я перед ней вот прям сейчас в чём-то провинилась. Как будто не работу ей предлагаю, а милостыню на паперти подаю.

— Лика, я же просто хочу помочь, — оправдываюсь, сама не зная за что, но оправдываюсь.

— Ты мне поможешь, если будешь просто подругой, а не меценатом, — буркнула она, отвернувшись лицом к закату.

Ну вот ничего такого предосудительного не сделала, а обидела. Я хотела быть ей подругой, такой же близкой, как и Ангелине, но Лика держала меня на расстоянии. Вроде дружим, а вроде и нет. А всё наше общение сводится к тусовкам и обсуждениям её приключений на пятую точку. Лике весело сквозь слёзы, а мне тошно. В этот раз помимо приступов дурноты, меня коробила ещё и жалость к ней. Похоже, это чувство Лика почуяла на каком-то подсознательном уровне, вот и отшила мою попытку помочь. Может, я действительно предлагала её с видом зажавшейся барыни? Хотя кто знает, что там у Анжелики в мозгах творится? То плачет, то смеётся, то любит, то ненавидит. Девушка настроения она. Единственное, что неизменно в ней, — это гордость. Вот ей Лика кичится, как самым дорогим подарком, доставшимся от отца. В глаза папашу не видела. Знает только, что родитель из Шотландии, а живёт какой-то надеждой, что когда-нибудь его корабль снова зайдёт в их гавань. Реалистка во всём, но только не в том, что касается мифического папы.

Ну что её за шиворот к Славику тянуть? Упирается будет. Да и уверена я, что мой брат Лике уже нечто подобное предлагал. Отказала, как и мне.

Лучше сдохнуть бедной, но гордой! Девиз Анжелики.

— Мы здесь весь вечер сидеть будем? — сменила напряжённую для неё тему подруга, откинувшись на кресло.

Глазки снова горят. Губки в уголках тянутся. Всё. Лика отошла и готова к новым приключениям. У неё сегодня вынужденный выходной по физиологическим причинам. Танцевать ещё может, а интим под запретом.

— Есть предложения? — спрашиваю я, догадываясь, куда она меня позовёт.

В этом захолустье есть только одно более менее приличное место для танцев. Где, кстати, чужаков почти нет, а местные в курсе, что к нам свои яйца лучше не подкатывать. За мной стоит с некоторых пор лучший друг нашей семьи — губернатор Мартинесу, а за Ликой покровитель её мамы начальник полиции капитан Карвальо. Оба дядечки здесь самые уважаемые и очень опасные сеньоры. Они власть, с которой необходимо дружить. Желательно шуршащими зелёными фантиками. Мы дружим и местные об этом знают, поэтому в нашу сторону лишних выпадов никогда не бывает. Вот с приезжими немного сложнее. Им приходится объяснять, почему слово «Нет» это не скрытое «Да». Правда, это уже не мы объясняем, а мужики в форме и с дубинками.

А сегодня действительно стоит развлечься!

— В «Каракатицу»? — спрашиваю я.

— Ага! — хитро улыбается Лика и одобрительно кивает.

И, схватив сумочки, мы поспешили на окраину островного городишки. Всё веселье там как раз-таки начиналось после заката. Домой я сегодня точно не приду! Если только с рассветом...

Не скажу, что прям очень люблю бывать в «Каракатице». По мне, так местная быдлопивная, где одна часть посетителей неудачники, променявшие свою жизнь на бутылку, а другая — мелкая шпана, гордо именующая себя бандитами. Одни бухают, другие бычатыся.

При любом раскладе ни те, ни эти не самая лучшая компания для двух девушек. Но Лике здесь нравится. Как она говорит: «Моя стихия!». Здесь есть абсолютно всё для того, чтобы расслабиться. Полумрак, звон бутылок о рюмки и, конечно же, музыка в латинских мотивах. Ну и, ко всему прочему, это территория капитана Карвальо. Ухажёра её маман.

— Для начала накидаемся! — довольно взвизгнула Лика, пихая меня перед собой в направлении барной стойки.

— Может потанцуем? Потом уже выпьем? — с неохотой ступаю в толпу качающихся под музыку тел.

Как-то странно многолюдно сегодня в «Каракатице». Обычно и двадцати заливох не наберётся, а тут все три десятка попой крутят, ещё два сидят за столиками с понурыми рожами и догоняются до нужной кондиции, то есть «в хлам».

— Да ладно тебе! Пьём, Рита, пьём! А там как пойдёт! — кричит она мне на ухо и, заметив бармена, уже машет ему рукой, перекрикивая музыку. — Лукас! Лукас! Нам как обычно!

Как обычно, это бутылку ямайского рома. Так себе перспективка на вечер: наклюкаться и упасть. Если я ещё устою на ногах и сама доберусь до дома, то Лике до кровати подбросит кто-нибудь из наших знакомых. Тот же Лукас, например. Хозяин «Каракатицы». И будет это после закрытия бара. То бишь, с рассветом.

И всё равно весело! Ловлю ритм и маневрирую в толпе, а тут, словно из ниоткуда, выпрыгивает Сальма. Она больше знакомая Анжелики, чем моя.

— О! И вы на днюху Мигеля?! — вопит самкой орангутанга, едва не вешаясь на меня.

Глазки у Сальмы бегающие, зрачки расширены, а сама будто энергетиков цистерну всадила. Похоже, девка не только под шафе.

— На днюху! На днюху! Танцуй отсюда, Сальма! — отдирает от меня шатающуюся знакомую Лика, выпроваживая её в сторону.

Та делает несколько шагов и вклинивается в целующуюся пару. Всё, прицокала на своих шпильках Сальма. Девчонка, не разбираясь, вцепилась ей в шевелюру и давай мутузить.

— Упс! — слышу я за спиной весёлый голос Лики и тут же ощущаю толчок ладонью. — Рита, иди! Или хочешь к ним присоединиться?

Да нет... Не горю желанием ни драться, ни разнимать раскрашивающих друг друга подвыпивших девчонок. Лучше пойду рома выпью. И шагаю дальше за Ликой, а она бесцеремонно распахивает впереди себя гостей некоего Мигеля. Кто таков? В душе не ЕБ... не знаю кто, но денег у него прилично, для местного. Вон какую тусу замутил. Повезло Сальме. Правда, не долго будет праздник на её улице. Как говорит Лика: «Лучше бы она деньги с них брала, а не у них брала!». Поматросят в очередной раз Сальму и бросят. Девка хоть и красивая, любой супермодели форы даст, а доступная, как песок на диком пляже. Горстями загребай. Только на кой чёрт он тебе нужен? Так и с Сальмой.

И мне её не жалко, потому что жалко у пчёлки, а пчёлка на елке. Но какого-то лешего я обернулась. В потасовку девчат уже влезли парни. Выпятив грудь колесом, с видом

гамбургский петухов, мерились физическим превосходством.

— Диас! Диас! Разберись, твою мать! — орёт Лукас охраннику, заметив наклёвывающуюся драку.

Я, кстати, только подошла к барной стойке, а виновник торжества и кредитор сегодняшней пьянки продолжил веселье за дверями высококультурного заведения. Диас лично сопровождал агрессивный квартет к выходу.

— Ром и вся выпивка бесплатная! Тот дебил оплатил! — кивает Лукас на дверь, наливая нам с Ликой.

— Это мы удачно зашли! — игриво пищит подруга и тянется за рюмкой.

Я делаю то же самое, но бармен резко наклоняется ко мне и чуть ли не сипит мне на ухо:

— Тебя Хуан искал.

Хуан?! С чего бы это вдруг? Наши дорожки давно разошлись и я уже более года ничего про него не слышала. А тут прям искал. Странно... Может, дело в его друге Риккардо? И, пожав плечами, говорю бармену:

— У меня с Риккардо всё по нулям, Лукас. Так что если у него вопросы, пусть задаст их Мартинесу.

Специально приплетаю имя губернатора. По его прямому указанию Риккардо посадили, а Хуана попросили убраться с острова. Моя роль и моего брата в этом деле минимальная, но по глазам Лукаса понимаю, что дружок бывшего другого мнения на этот счёт.

— Рита, а если этот отморозок всё же успеет спросить с тебя? — бубнит хозяин «Каракатицы», явно больше опасаясь за свою жопу. Ведь случись что со мной в его кабаке, то люди губернатора на ремни порежут. — Ты бы лучше в этом районе не мелькала, пока с Хуаном не разберутся, — советует он и доликает мне ром.

Пришлось выпить. Всё-таки чувство самосохранения никто не отменял. Но для хозяина бара продолжаю играть девицу со стальными нервами.

— Лукас, Хуан шестёрка и очень трусливая шестёрка. Так что мне ничего не угрожает.

— Ну смотри, я предупредил, — и отвернулся от меня к подошедшему клиенту.

Я и раньше-то не особо шарахалась Хуана, а после того, как ему дали понять, что в этом городе у него будут крупные неприятности, если вовремя не свалит, так и вовсе ходила на расслабоне.

— Ну что, ещё по маленькой? — спрашивает на чёрт знает какой рюмке Лика.

Ей хорошо. Музыка играет, парни скучают, поглядывая на яркую девчонку за барной стойкой. Это про Лику, если что. Я сегодня одета поскромнее. Обычное серенькое платьице, но очень коротенькое. Так что если на меня и пялится кто-то, то уж точно я этого не замечаю. Народу много, да и девок здесь предостаточно. Сегодня спиной буравящий мужской взгляд сложно поймать и ощутить как он скользит по телу.

— Не, подруга, — отказываюсь от выпивки, — если я ещё выпью, то скопычусь прямо здесь. Так что я пас.

— Тогда танцевать! — взвизгнула Лика, потащив меня за собой.

Не знаю сколько мы кривлялись под музыку, но алкоголь, выпитый подругой, попросился наружу и она свалила в направлении туалета. Правда, попросила дождаться её. Ждала около получаса, вытанцовывая знакомые мне латинские па. И пока крутила нижней чакрой, троих нагловатых пацанов отшила. Ещё одного великовозрастного деда тоже послала по известному всем адресу. Благо седовласый капитан дальнего плавания оказался поляком и

понял русский мат быстрее английского. Извинился и ретировался обратно к себе за столик.

И вот танцую, танцую. Кручу попой мамбо, а Лику, похоже, засосал унитаза. Нигде нет! Даже у барной стойки ни разу не мелькнула. И только делаю шаг в сторону туалета, как мою талию обнимают чьи-то наглые лапищи. Идиот, что ли? Оборачиваюсь, чтобы вклеить по морде. Так, кстати, делают все приличные девушки. А я жуть какая приличная.

Упс! Чувствую, как мои глаза округляются до размера свиных. Морда-то до тошноты знакомая! Только вот непривычно поросшая многодневной щетиной с хитреньким прищуром, под которым глазки так и мацают меня, заглядывая в декольте. А ещё довольная улыбка перекосила эту мордашу, обнажая выбитый год назад моим братом зуб.

— Привет, Рита! — шепелявит Хуан, сильнее сдавливая мою талию в потных ладонях.

Хорошо, что платье серое, а то бы эти отпечатки сразу оставили жирные следы.

— Пока, Хуан! — передразниваю его и пытаюсь отпихнуть.

Мало того, что он потный, как салом обмазанный, так ещё и воняет приторной кислятиной. Нос прям сам от него воротится в поисках более-менее пригодного для дыхания воздуха. И, ска, ничего не выходит. Ни подышать, ни лапы убрать. Крепко присосался, гад! Пиявка болотная! Одно радует. Брат, как узнает о сексуальных домогательствах этого ничтожества, ещё один зуб выбьет.

— Я смотрю голливудская улыбка это не про тебя? — ерничаю я, напоминая про его последний вечер в городе.

Он, сосав воздух через дыру между зубами, наклонился ко мне и зло просипел:

— Я с твоим братцем махаться больше не буду. Я его просто, — отодрав пятерню от моей талии и сложив её в виде пистолета, приставил к моему лбу. — Пиу, — изобразил выстрел губками бантиками, как противный парнелюб.

Ага, пиу! Щас. И я со всего размаха отвечаю ему на это пиу коленом прямо в пах. Судя по уплотнению где надо и выпученным глазницам, я попала в цель.

— Извращенец! — кричу и вывернувшись бегу к барной стойке.

Там на случай буйных посетителей у Лукаса винтовка. А Хуан сегодня не только буйный, но и на голову отмороженный. Хотя, скорее всего, здесь правильнее будет «расплавленный». Мороза на Карибах нет. Солнце тут шпарит круглый год.

Делаю всего пару рывков через толпу танцующих и влетаю в дистрофичный торс ещё одного расплавленного на солнышке идиота. По радостным воплям которого понимаю, что это новый подхалим скулящего и складывающегося пополам Хуана. Но и он не долго прыгал от избыточной услужливости Хуанчику. По яйцам я ему не врезала. Промахнулась. За то саданула пяткой под колено. Он аж присел на него, едва не снеся своим цыплячьим весом чью-то девушку. Заслуженно поймал кулак её взбешённого кавалера и полетел до дверей хороших метра два, выбив в конце страйк из десятка людей. Я с надеждой оглянулась на пытящего к заварушке амбала Лукаса. Так сказать, условное спасение бежало бодренько, распахивая возбуждённых дракой посетителей, но, подковылявший откуда-то из кучи людишек, Хуан скрутил меня в бараний рог, взвалил на плечо и поволок из бара, а так не вовремя очнувшаяся дохлявая сволочь у дверей ринулась ему помогать.

Капец! Во попала! А Славика, как на зло, рядом нет!

— Давай не упирайся! — пихал меня в машину друг моего бывшего. — У Риккардо к тебе вопросы имеются!

Он вышел из тюрьмы?! Когда? Ему же лет десять впаяли.

— В щель твоего Риккардо и тебя туда же! — сопротивляясь кричу я.

Но руки Хуана клешнями вцепились в меня. Ещё какой-то козёл у него на подхвате. Всё пытался за мои брыкающиеся ноги схватить. Вот упёртый! Уже раз десять по морде получил и никак не угомонится.

— Ну всё! Достала! — прохрипел Хуан и со всего размаха толкнул меня в машину.

Я тут же обернулась и, заметив его нависающий кулак, инстинктивно зажмурилась.

— Эй, пацаны, чё так грубо с девкой, а?

Офигеть! У чёрта на куличках слышу родную сердцу русскую речь! И не просто поток приятных мне слов, а настоящий мужской голос. И, похоже, я его уже где-то слышала.

Открываю глаза. Мамин знакомый вразвалочку идёт к нам и с явным чувством полного превосходства рассматривает нависшего надо мной Хуана. Дыхлявого подхалима он, вообще, не берёт в расчёт. Даже глазом не моргнул, когда тот запрыгал на месте, демонстрируя некие навыки бокса. Лишь лёгкая едва заметная ухмылка оценила эти убогие трепыхания. До чемпиона WBA сдыхлик определённо не дотягивает и никакой угрозы не представляет. Единственное, на что он годится это получить от меня пяткой в глаз. Даже я с таким без особых проблем справилась, если бы дружка бывшего не оказалось поблизости. Вот Хуан проблемка. Для меня проблемка... Для знакомого мамы, похоже, и эта восьмидесятикилограммовая туша ни о чём.

А этот, как там его, Кастет чертовски красив! Только пуговички на рубашке уже застегнуты. Маман же поблизости нет. Не оценит. А я бы оценила, но нет, так нет. Эх, как жаль... Я не прочь еще раз полюбоваться его торсом и скалящимся волком на груди.

Да, в принципе у него всё гармонично. Мне нравятся когда у парней очень короткие стрижки. Вот прям фетиш какой-то на лысые черепушки. На парня с пасмами даже внимания не обращаю, будь он хоть трижды сказочным плейбоем. А у красавца моей мечты волосы настолько короткие, что можно их просто мокрой тряпочкой протирать и вуа-ля помытые. И лицо у него настоящее мужское с высокими скулами, от чего глаза кажутся слегка прищуренными и хитрыми. Смотрит, как рентгеном изучает. Чё там у вас внутри, товарищи? Нос прямой, правильный. Вот сомневаюсь, что с таким родом занятий, как у маминого знакомого, бедный носик не ломали, но следов силового воздействия на него в упор не замечаю. По крайней мере, пока не замечаю, а там видно будет. Всё-таки ночь уже и только один еле мигающий фонарь освещает самопроизвольную стоянку у бара. И наконец изюминка на торте в моём представлении о мужской неотразимости — широкие челюсти с квадратным подбородком и сексуальной ямочкой по середине. НО не массивным подбородком, как у вымерших неандертальцев, а довольно аккуратным. И этот подбородок приподнят вверх: мол, смотрите, шавки, я здесь власть! Остались, наверное, самые противоречивые и не вписывающиеся в образ альфа-самца слегка полные губы. Которые он, кстати, поджимает, от чего они кажутся тонкими, словно нити. Не помню, но где-то читала, что поджатые губы это желание скрыть свои эмоции от окружающих. А ещё характерный признак того, что происходящее здесь его раздражает, злит и бесит. И кто-то сейчас отгребет

по-полной.

Мои глаза с лица падают чуть ниже. Бесцеремонно же рассматриваю своего намечающегося спасителя на этот вечер.

Бля, да у него и руки в карманах! Вот прям демонстрация превосходства во всём. Мне бы трястись от испуга, ведь Хуан до сих пор не опустил кулак, а я, как томная девица, пускаю слюни на мужика вдвое старше меня. Бегаю по нему изучающим взглядом и в какой-то момент понимаю, что плевать я хотела на Хуана, Риккардо и этого прыгающего рядом имбецила. Всё равно им недолго осталось портить этот прекрасный мир своим существованием. Санитар человеческого леса уже здесь, клацает клыками, выбирая, кого первым дисквалифицирует.

— Иди мимо, дядя! Туристов здесь не жалуют! — пищит на маминого знакомого дыхлявый боксёр и, как кенгуру, подпрыгивает ближе.

Тот ухмыляется, рассматривая типо устрашающего агрессора, и, кивая на него, спрашивает у Хуана:

— Твоя охрана?

— Чего? — кривится друг моего бывшего, повернувшись к любопытному туристу. — Чё он только что сказал?

Вопрос мне. Кастет говорил на русском и эти остолопы его, конечно же, не понимали.

— Он сказал, что вы гамадрилы, — сходу соврала.

А как ещё? Мне же конфликт очень выгоден. Особенно, сейчас. Ведь в планах замелькало продолжение вечера в компании сексапильного спасителя. Ну, а чё? Не мечтать же о нём одинокими тёмными ночами? Вот подфартило мне сегодня, так подфартило! Хватайся обеими руками за его явно устремлённый на меня якорь и тяни как можно ближе.

Ну, про якорь вы поняли, надеюсь, правильно?

— Кто? — набычился Хуан, услышав не совсем известное ему слово.

Он же школу явно не окончил. Да, и те три класса, что в ней числился, уроки по биологии не посещал. Так от куда ему знать, кто такие гамадрилы? А я-то знаю и быстренько поясняю:

— Это такие обезьяны. У них ещё морды бывают раскрашенные и жопы красные.

— Чего?! — выпучив глазища и, наливаясь краской, будто тот самый гамадрил, приофигел от наглого бесстрашия туриста Хуан.

Да, и соображал он довольно долго, а вот дрыщ с воплем: «Кто обезьяна?!», дёрнулся на мужика. Одно резкое движение руки из карма, блеск чего-то металлического на её костяшках, и горе-боксер падает на песок в глубоком нокауте. До десяти можно не считать. Там минимум час надо, чтобы вернуть в реальность отъехавший мозг объемом с орешек.

— Нервный он у тебя какой-то.

Без единой эмоции, говорит мамин знакомый и поправляет кастет, а у меня с губ срывается восхищённое русское «Круто!».

Па-бам! Моё инкогнито раскрыто. На лице Кастета уже море эмоций сменяются со скоростью света, но одна мелькает чаще других. И это приятное удивление. Хотя, нет. Скорее, радость. По улыбке понимаю, что Хуану сейчас будет очень плохо. Русских девочек обижать нельзя. Особенно тех, кого для себя присмотрел этот мужчина. А тут ещё такой мега-бонус, как полное отсутствие лингвистического напряжения в общении. Соотечественники, одним словом.

Хуан, конечно, соображал с некоторыми опозданием. Пока до крошечного мозга дойдёт

зрительная информация, пока произойдёт оценка рисков для жизни и только после этого последуют какие-то действия. В это раз друг бывшего решил, что лежать в отключке рядышком со своей охранной обезьянкой он не настроен. Опять же Риккардо расстроится и будет плакать благим матом на несчастного Хуана, что тот не притащил нехорошую Ритку в гости. А он, ох, как не хотел обижать друга. Наверное, поэтому достал настоящее не из пальцев сложенное «пиу», и направил его на злого дядю туриста.

— Ну, всё ты труп! — пропыхтел Хуан.

Пропыхтеть-то пропыхтел, и даже успел помахать пару раз пистолетом, но недолго. Всего-то несколько мгновений, а потом каким-то мудрёным приёмом рукопашного боя мамин знакомый выхватил у Хуана оружие и ударом рукоятью по темечку свалил его прямо к моим ногам. Потом разрядил пистолет, вытащив из него обойму. Протер краем рубашки, я так понимаю, отпечатки своих пальцев на оружии, и швырнул его куда подальше. И всё это Кастет делал со знанием дела. Так, знаете, неспешно, но чётко, как будто вся его жизнь это одно сплошное оружие. Часами играет с убийственными железками, собирая и разбирая их. По мне прям холодком повеяло, наблюдая за всем этим. Похоже, чувство самосохранения так не вовремя стало включаться, но я его тут же задвинула на второй план. На первом я уже говорила, что у меня.

К черту благоразумие с нравоучениями мамочки! Если сейчас упущу ЕГО, то потом буду жалеть всю оставшуюся жизнь.

— Тааак, — тенет он, улыбаясь глазами, — а теперь говори честно. Ты мои слова дословно переводила или чего от себя добавила?

— А то! Слово в слово всё, что вы сказали, — лгу и даже не краснею.

Блин, а если и появился горящий румянец на щеках, то точно не от чувства стыда. Я ещё в детском саду освоила науку искусной лжи. Здесь главное верить во всё, что ты говоришь и твёрдо стоять на своём.

— А ты маленькая врушка, — раскусил он меня и, наклонив голову набок, широко улыбнулся.

Руки снова засунул в карманы. Демонстратор невербальных сигналов! Моё внимание он привлек ещё сегодня утром, так что мог уже так не распинаться, показывая свой интерес. Но к сожалению, или к счастью, Кастет об этом не знал. Вот и рисовался. Но рисовался не как спермотоксичный мальчишка, а как мужчина уверенный в своей неотвратимой власти над женщинами.

Делаю такой же шаг навстречу ему, и улавливаю едва осязаемый аромат одеколona. Приятный парфюм, а главное притягивает к себе, а не бьёт по ноздрям резкой плёткой, что хочется тут же отпрыгнуть. Этим же запахом хочется дышать, жадно поглощая его лёгкими, подходя всё ближе и ближе к источнику пьянящего аромата.

— Это друзья моего бывшего, и они такие же неадекватны, как и он.

Говорю, а голос дрожит. Не от страха. От чего-то необъяснимого. Чего-то абсолютно нового для меня. Но эти заражающие во мне чувства прекрасны. Нет! Они настолько безумны, что дурманят мой разум. И я уже готова на всё, лишь бы этот мужчина стоял вот так рядом..., а я дышала его парфюмом, как потерявший реальность токсикоман.

— А чего такая красивая девочка встречалась с таким мудаком?

— Молодая, да глупая была.

Сказала первое что пришло мне в голову и тут же поняла, какую чушь сморозила. Ну, какая молодая? Сейчас, что старая?! Ну, какая глупая?! Подумает, что я какая-то там зелёная

малолетка и свалит подальше от проблем. Ему девка на ночь нужна, а не сопливая школьница. А я именно так себя сейчас и веду! Ну, прям как дура!

Дура, дура, дура..., ругаю себя мысленно, а сердце колотится, что отбойный молоток. Ладони даже вспотели. Ну чего так нервничаю? Он же просто мужчина.

Мужчина, который нравится мне.

— И давно ты повзрослела и поумнела?

Его голос стал тише, приятнее, а глаза медленно прошлись по мне, остановившись на дышащей с перебоями груди. Оценил, и судя по приподнятым уголкам рта, уже мысленно примерил к ладони. Подходит. Поместится. Пора переходить в наступление. Но мамин знакомый почему-то всё медлит. Смотрит на меня, чуть ли не облизываясь, как кот, и всё не решается задать самый главный вопрос. Сто пудово для начала ждёт моего ответа, дающего ему карт-бланш на воплощение в реальность всего того, что он уже мысленно проделал со мной. И судя по непроизвольному и совершенно незаметному покачиванию бёдрами, он уже страстно отымел меня в своих мечтах не один раз. Но ждёт... Ждёт с выдержкой опасного хищника, уже жадно блуждая глазами по моему телу, нарочно избегая лица. Ведь если наши глаза хотя бы на мгновение соприкоснутся, то не поможет ни какой самоконтроль. И будет уже не важен ни его вопрос, ни мой ответ, ни красные линии очерченные обществом. Мы просто не сможет натянуть поводки на вырвавшийся из клетки человеческой морали животный инстинкт. Залюбим друг друга до смерти.

Мне нужно ответить, а я не могу. Грудь сдавило. Дышать тяжело. Опустила глаза и молчу. Жду своей участи, как загнанная хищником лань. Набросится или отпустит? И вдруг он спросил:

— Тебя подвести домой?

Правда, в тембре его голоса я уловила напряжение, а, может, даже и некое разочарование в сорвавшихся планах на бессонную ночку. Кастет меня отпускал, но при этом благородно предлагал подвести до дома. Только я не уйду. Сама наброшусь с неистовством дикого зверя! Я так решила. Я так хочу. Пусть потом горько пожалею, но это потом! А сейчас я до дрожи в коленях и до бабочек в животе хочу этого мужчину, как никогда ни кого не хотела.

— К вам домой, — выдыхая и поднимая глаза прямо на него, говорю я.

— А восемнадцать есть, чтобы ко взрослым дядям в гости ездить?

Ну, что ж, бескомпромиссный вопрос требовал такого же ответа. Но я не я, если не поехидничаю. Тем более, что за едким сарказмом я всегда скрываю неловкую стыдливость. Вроде и лезу сама на рожон, брызгая ядом, как заправская кобра, но всё это лишь мои нехитрые попытки защиты в обществе, таких же как и я, лицемеров и лжецов.

— Лукас детям не наливает! — фыркаю, специально для большей солидности называя имя хозяина «Каракатицы».

А глазки-то у нас опять загорелись. Похоже, предвкушение секса накрыло ещё с большей силой, чем несколько минут назад. Тогда же взрослый дядя, приходя на выручку попавшей в неприятность девочке, даже мечтал о таком с осторожностью. А тут выходит можно всё!

— Ну поехали, красивая, кататься. Давно я тебя поджидал, — ликующе оскалился он и словами из песни указал на свой темно-бордовый внедорожник.

Здесь много отелей. Как говорится, на любой вкус и цвет. Но самый дорогой только один. И судя по маршруту мы ехали именно туда. У маминого знакомого губа не дура, и это чувствуется во всём. Даже в выборе средства передвижения. Тяжёлый, но маневренный внедорожник. Машина под стать Кастету.

Мой спаситель переключает передачи, входя плавно в извилистые повороты узких улочек старого города, а я медленно скольжу взглядом по его сильным рукам. Не юнец. Давно уже не юнец, но вот тело подтянуто, словно струна. Нигде нет провисаний. Похоже, физическая нагрузка для него норма, как и для моего брата. Каждое утро начинается с отжимания от пола, ну, и ещё с десятков силовых упражнений.

Не прилично дорогие часы на руке, поблескивают в свете ночных фонарей. Почему я решила, что они дорогие? Мама в прошлом году подарила такие же отчиму. А вот мужёнок ей преподнёс букет цветов и какую-то круглую хрень покрытую зелёной столетней патиной. По мне так себе подарочек, но мама ревела в три ручья, называя эту какашку настоящим искусством когда-либо сотворенным руками человека.

Да, всё-таки у нас с мамой разные представления об отношениях с мужчинами. Вот ему бы, этому Кастету, я бы подарила носки, а себе бы требовала брильянтовое кольцо. И, вообще, природой так заведено, что сильный пол должен добиваться расположения слабого, чтобы поучаствовать в продлении своего рода. Поэтому они дарят нам подношения. Если в древности это были клыки убитых тигров и медведей, как демонстрация своих навыков выживания, то с развитием цивилизации подарки мужчин становились более увесистыми и значимыми. Опять же демонстрация того, что получит женщина, выбрав именно этого мужчину. По логике вещей мама получала древнюю какашку, ведь её избранник копался в этой самой древности. Я вот хочу кольцо с бриллиантом, дом в три этажа, машину, яхту и ещё кучу всего, где места похожей какашке точно не хватит. И судя по тому, какие часы у него на руку, все мои желания он вполне способен удовлетворить. Ну, не вышедшая в тираж седовласая бабенка подарила бандиту часы? Сам их купил. Или отобрал? А вот это уже для меня не важно. Главное, добыл! Смог и если понадобится ещё сможет принести в семейную копилку. Куда-то я не туда вырулила. До семьи нам ещё далековато ехать.

Так с часами разобрались. Ползу глазами от них выше по руке. Татушкой ВДВ не люблю. Рукав рубашки ерзая туда-сюда только дразнит. Ещё выше... На мгновение задерживаю взгляд на пульсирующей артерии. Боже, как она бьётся! Уже по одной ей могу сказать, что сердце у моего спасителя мощное. Поднимаюсь ещё выше и замечаю тонкие, но глубокие полосы, лучиками расходящиеся от глаз к вискам. На морщинки не похоже... Шрамы. Так вот почему кажется, что он щурится. Это не из-за высоких скул, и даже не отпечаток времени на его лице. Во всём виноваты шрамы. Блин, а вдали были так похожи на морщинки. И всё равно ни морщины, ни эти шрамы его не портили. Я думаю, что и огромный шрам через всё лицо только придал бы Кастету ещё больше мужского шарма. Такого мужчину всего изрешети, а женский глаз всё равно будет цепляться за особую красоту. И называется эта красота — сексуальная харизма. В нём столько тестостерона, что дуреешь даже мимо проходя.

«Вот как мама устояла? А, может, и не устояла...» — призадумалась я, остановившись на шрамах. Даже как-то грустненько стало, что после мамки подбираю.

— Автограф одной дикой кошки, — говорит он, заметив мой пристальный взгляд.

— Что? — чисто машинально переспрашиваю, всё ещё в раздумьях о секундхенде плаваю.

— Девка одна расписалась на глазах. Теперь на заднем сидении вас не вожу*, — и подмигивает, хитро улыбаясь.

— Наверно, было за что.

Тут же подхватываю тему для разговора, а то сев в машину, мы будто проглотили языки. Да, и мысли всякие меня уже замучили. Всё почему-то сходится к маме! Вроде, по сегодняшним событиям они злейшие враги, а меня всё равно колотит от думок: вдруг поэтому между ними столько неприязни. Ведь так часто бывает, любили друг друга, а потом резко возненавидели. Нет... он-то маму до сих пор любит. Видела, как смотрел на нее с благоговением, как фанатичный адепт на богиню. На меня же с простым мужским интересом. Даже как-то обидно. Я моложе и красивее.

И снова это натянутое молчание... Вроде так весело всё начиналось, а теперь...

Мамин знакомый не спешит опровергнуть мои слова. Лишь тяжело вздохнул, будто вспомнил тот день, когда едва не лишился зрения. Судя по шрамам девчонка боролась с остервенением тигрицы. Так сражаются только за жизнь. И только подумав об этом, мой мозг заполонили страшные картины этого сражения, сея где-то в глубине души сомнения. А правильно ли я поступила, сдавшись так быстро? Может, всё-таки стоило убежать от него? Ведь он бандит. Убийца. Не зря же мама так боится этого человека. А зная свою мать, я могу с уверенностью сказать, что страх у неё не частый гость. Мама боец, а Кастета испугалась. Да ещё за оружие схватилась. Здесь есть над чем призадуматься, но я опять поспешила. Снова пошла наперекор здравому смыслу и чувству самосохранения. Бросила вызов госпоже Удаче. И похоже, проиграла. Она сегодня капризная дама. Впрочем, как и я.

Смотрю, не отрываясь, на Кастета, и ловлю его беглый косой взгляд на меня. И в нём тоже сомнения. Похоже, он жалеет, что не отвез меня домой. За полчаса нашего знакомства, я уже несколько раз ему соврала. Вот и гадает мужик: а на счёт возраста это правда или... тоже враньё? Веры в его глазах мне нет. Надеюсь, в отеле он не потребует документы, чтобы развеять так напрягающие его законопослушность сомнения. Ведь если потребуется... это станет грандиозным провалом! И ещё неизвестно, каким боком это выйдет для меня. То, что бандит воспользуется такой удачей это факт. Дочь самой Княгини у него в лапах. Теперь можно рассчитывать на положительный исход любых переговоров. Мама будет только головой кивать в знак согласия.

Какая же я дура! Как только запахло жареным начинаю включать мозг. А вот где был этот мозг, когда я флиртовала с незнакомцем и прыгала к нему в машину? Вот где он был? Правильно, в заднице! Ведь думала я тогда именно этим местом.

Капец! Мама распылит меня на атомы, когда узнает, что я сделала! Домой лучше, вообще, не приходите. Стоп! После просмотра моих документов, я домой вернусь частями в целлофановых пакетах. Во попала, а, всего лишь, захотела мужика. Опасного мужика. Лучше бы с Хуаном к Риккардо поехала. Тот меня и пальцем не осмелился бы тронуть. Так покричал для устранения, и в кровать потащил бы. Потом, конечно, получил по роже от Славика. Сел в тюрьму. На этой драматично-веселой ноте мы бы и разошлись. А теперь что? Теперь я труп! Но сначала мама нищеводкой станет.

— Да была причина, — запоздало напомнил о себе мамин опасный знакомый, а я уже собственные похороны представлять начала. — Я пошутил, а она не оценила шутки. Вот с

тех пор не шучу.

И, повернувшись ко мне, улыбнулся в тридцать два зуба. Правда, это улыбка больше походила на оскал, чем на выражение ни к чему не принуждающей добродушной эмоции. Разрядил, так сказать обстановку.

— Со мной тоже так пошутите? — немного отстранившись, спрашиваю я.

Кастет бросает быстрый взгляд на мои руки, и прищуривается. Ай, как врезались в память девичьи коготки на наглой морде.

— Не осмелюсь, — и отвлекаясь на поворот к отелю, — маникюр у тебя красивый.

Сама от себя такого не ожидала, но эту шутку мамино знакомого я оценила сдержанным смешком и улыбкой. Нет мой труп сегодня точно отменяется. Может, он и убийца, но уж слишком для меня притягательный. И даже сама на себя нагоняя жути, я не испытываю никакой опасности рядом с ним. Наоборот, меня словно изнутри наполняет чувство защищённости. А ещё с первых минут нашей встречи, мне кажется, что я знаю этого мужчину тысячу лет.

Мужчина, имени которого я даже не удосужилась спросить, привёз меня к отелю. Вышел из внедорожника, обойдя его, открыл дверцу, подав мне руку. Ну, прям истинный джентльмен. В глазах только хищные огоньки пляшут чертиками.

— Меня, кстати, Рита зовут.

Прежде чем вложить свою ладонь в его, первая исправила я наш пробел в знакомстве. Всё-таки мы приехали к нему не книжки читать. Разве что Камасутру. Если она, конечно, у него есть. В чём я очень сомневаюсь. С такой харизмой всё познаётся с практикой.

— Паша, — прошептал он, наклонившись ближе ко мне.

Его губы почти коснулись мочки моего уха, защекодав горячим дыханием. Ещё чуть-чуть и... эти бархатные губы скользнули бы к моим губам. Но тут так не вовремя подбегает лакей.

— Господин, Волков, добрый вечер! — и тянет руку не то за ключами от машины, не то за чаевыми, которые пока не заслужил.

— А, валет**, здорово! — оторвавшись от меня, говорит уже знакомый мне Паша. — Чё деньжат подкинуть? — и суёт лыбящемуся мужику сотку баксов с ключами.

Тот чуть ли не прыгает от радости. Видно, не впервой получает такие чаевые от щедрого постояльца.

— Спасибо, господин! Спасибо! — кланяется в благодарном экстазе.

Ещё пара таких подаяний и запоёт: храни, Господи, этого добрейшего человека!

— Я так понимаю, вы совсем английский не знаете? — спрашиваю я, подав ему свою руку.

— На хр мне какой язык. У меня универсальный разговорник зелёного цвета, — говорит он, беря мою ладонь. — А ещё в мобиле есть переводчик. Только ска часто в стопоре от моих речевых оборотов.

— Логично, — усмехнулась я.

С чувством юмора у Паши бандита проблем нет! Правда, шутки у него на любителя. Наверно, поэтому та девушка их и не оценила.

Как-то я подслушивала маму. Она разговаривала по телефону с тётёй Светой. Так вот мама рассказывала моей крёстной, что она почувствовала, когда их руки с Олегом впервые соприкоснулись. Мои ощущения другие. Никакой томной неги. Никакого тепла, медленно ползущего по телу. Когда моя ладонь оказалась в руке Паши, я почувствовала силу. Его силу.

Он вроде нежно сжал мои пальцы, но они будто намертво вклинились между его пальцами. Этаким замком. Дёргай сколько хочешь, а выбраться не удастся. Капкан, в который я сама запихнула свою руку. И так я шла за ним, пока двери его апартаментов не закрылись за моей спиной.

Знакомый номер. В нём жила мама с отчимом, пока наш новый дом ломали под мамины представления об уюте. Мне и Славе достались апартаменты поскромнее. Тогда я психовала, считая, что так нечестно. За какие такие заслуги Студент должен спать на огромной кровати в стиле семнадцатого века, да ещё и с красными балдахинами. Теперь же осторожно захожу в номер и робко бросаю неловкий взгляд на ту самую кровать. Сегодня я буду спать на этой кровати, и узнаю про эти самые заслуги ещё немножечко больше. Это мой не первый опыт, но почему-то нервно потряхивает. С ровесниками как-то проще. Те бросались, словно голодные псы, и с нетерпением брали своё. А он...

Он прошёл в гостиную. Открыл бар и, откупорив две бутылки, разлил по бокалам. Себе, я так поняла, налил крепкий коньяк, а мне напиток по легче. Винишко, в общем. И протянул бокал.

— А если я тоже хочу коньяк? — запротестовала я, плюхнувшись на кресло и проигнорировав предложенный виноградный компот.

— Тогда налью тебе минералки, — с серьёзностью отца заявил Паша, и поставил мой бокал на столик. Сам сделал небольшой глоток обжигающей жидкости, и устроился на диване напротив. — Есть хочешь? — спросил он.

Правильно, сначала девушку нужно накормить, а потом уже на полный желудок любить. Мы же все недоедаем, поэтому такие тощие до брака. Это потом жопу отрачиваем на убойной кормёжке наших мужей.

— Я сюда не жрать приехала, — ерничаю, уставившись на ухмыляющегося довольного Пашу.

— Вот так быстро? А поговорить? — специально испытывает моё терпение взрослый дядя.

— О чём? — округляю я глаза, изображая удивление.

Вроде, и так всё понятно зачем мы приехали к нему в отель. А он будто нарочно тянет время. Поговорить ему захотелось. Вот честно, со мной такое впервые. Как-то мои бывшие, а их у меня целых три, оставшись со мной наедине особо не разговаривали. Да, и сам Паша, вот по глазам вижу, что в мыслях отлюбил меня во всех позах, а воплотить в реальность сладкие грёзы не спешит.

— О жизни, например, — предлагает он и делает ещё один глоток.

Игра такая у него, что ли? Сначала поиграем, а потом позажигаем. Опять же, где-то читала, что у мужчин после сорока с этим делом не всё так просто. Надо разогреть. Ладно, примем его правила. О жизни, так о жизни.

— Ок! Хотите расскажу о вашей жизни? — и по-лисьи ухмыляюсь.

Я же знаю о нём кое что. Так что удивлю любителя разговорных прелюдий.

— Валяй, — откидывается на спинку дивана Паша и прищуривает глаза, уверенный, что сейчас от души посмеётся.

— Вы очень состоятельный человек, — начинаю я и так с очевидных вещей. Кастет ухмыляется ещё больше, ничего нового я ему пока не сказала. — Часы у вас на руке очень дорого стоят. У моего отчима такие же. Даже успешный бизнесмен себе такие позволить не может. Значит, вы намного круче бизнесмена, но до олигарха немного не дотягиваете.

Татуировка ВДВ говорит о том, что у вас военное прошлое. А ещё то, как вы справились с друзьями Риккардо и с оружием, тоже из той же оперы про армию, — от каждого сказанного мной слова, улыбка на лице Паши сменяется задумчивым удивлением. Сразу видно такой наблюдательности от вчерашней школьницы он не ожидал. А я продолжала. — Теперь про ваш бизнес. Смею предположить, даже не смею, а уверена, что судя потому, как вы избавились от отпечатков на пистолете, род ваших занятий имеет криминальный характер. А ещё этот кастет в кармане. Часто дрались на бандитских стрелках? И сюда вы приехали не отдыхать, а по этому самому делу. Долги взыскиваете с должников русской мафии?

— У тебя отчим сбежавший прокурор, что ли? — цокнул он, и залпом осушил бокал с коньяком.

Даже не поморщился. Видно, я попала в самую суть.

— Нет. Просто, я много читаю.

— А, по тебе так сразу и не скажешь, — сказал Паша, поставив стакан на стол, и достал сигареты из кармана. — Для справки: на стрелках в рукопашную не махались. Там оружие посерьёзнее было. А кастет, так привычка со школьной юности.

Нервничал. Но вида не подавал. Не каждый день тебя сопливая девка, как по нотам, читает. Вот и дополнил недостающие пробелы о себе.

— Ну что ж, а сейчас я расскажу о тебе. Вот так и познакомимся поближе, а то, знаешь, не сплю с незнакомыми девками.

— Мама не разрешает? — давлю на вскрытый нерв.

— Папа запрещает, — парирует без злости он и закуривает сигарету. Потом вытягивается, словно валяжный кот, выдыхая клуб дыма. — Ты избалованная избытком девчонка. Золотая, твою мать, молодежь. Родители вместо того, чтобы драть тебя, как сидорову козу, в розовую попку целовали и откупались подарочками, поэтому ты выросла такая наглая. Но, семья у тебя не быдло, спиздвшее у каких-нибудь дольщиков бабла и вовремя свалившее за кордон. Есть кто-то из интеллигенции, кто вбил в твои мозги говорить со старшими и незнакомыми на вы. Не батя. Да, и не отчим. Это мамашина заслуга. А вот батя тебя баловал. Доча-то любимая. Как понял? — хмыкнул он, сам себе задав вопрос. — Так по ручкам нежным с длинными ноготками, — дались ему мои ногти, сказал и глаза на них опустил. Опять затянулся сигаретой и продолжил мой разбор по косточкам. — В жизни своей ты никогда не работа, и знать не знаешь, что это такое. Шмотки на тебе недешевые. Я знаю. Девкам своим покупал в чертовых бутиках. Макияж не броский, потому что уверенная в себе. Мужиков же привлекать не надо. Деньги опять же не нужны. Мамка даст. Ну или отчим подкинет, чтобы к ним по привычке в отношения не лезла. Единственная самая дешёвая безделушка на тебе — это китайская подвеска. Пацан подарил, первая любовь и всё такое. На большее у него видно денег не хватило. Значит, училась в обычной школе и была там ещё той занозой в заднице всех одноклассников и учителей. И ещё, походу, мамань строит свою личную жизнь и ей насрать на тебя с высокой колокольни. Тебя это бесит, вот и шляешься по значным местам в поисках приключений на своё мягкое место. Только вот что я тебе скажу, малая, — выдохнул он дымом, и затушил сигарету об стеклянную пепельницу на столе. — Сегодня тебе повезло. На меня напоролась, а я не отмороженный на всю башку беспредельщик. Силой не возьму, не порежу, не изуродую. Но это сегодня. А завтра? Завтра на кого нарвешься, девочка?

Такие слова обычно говорят на эмоциях, выпучив глаза и повысив голос. Так, по крайней мере, делает моя мать, когда читает мне нотацию, почему я не права, а моё

поведение отставляет желать лучшего. Кастет же говорил всё это с железным спокойствием и со знанием дела, будто не бандит какой-то, а декан в университете жизни. Так знаете ли, доходчиво объяснял своей предмет. В моем случае, Паша ясно дал мне понять, что будет со мной, если я не перестану чудить и испытывать судьбу на прочность. А ещё он тысячу раз прав: я избалованная папина дочка. Единственное, в чём ошибся. Это в кулоне. Не парень мне подарил. Но не менее близкий мне человек. Моя подруга.

Мой задор в этой откровенной игре немного притух. Не знаю почему, но смотреть ему в глаза стало как-то стыдно. Поэтому я постаралась скрыть свои особенные чувства и потянулась за пачкой сигарет, лежащей на столе. Его рука тут же её отодвинула.

Нельзя? Серьезно?! Он что весь вечер будет играть в строго папочку?

— Выпить не наливаєте. Курить не даёте. А еть вы меня сегодня, вообще, будете? — психую я, скрывая досаду за развязной пошлостью.

— Твою мать, она ещё и культурно матерится! — выругался со сдавленным смешком Паша, отведя взгляд в сторону спальни.

Видно, моя наигранная пошлятина возымела у него абсолютно иную реакцию, нежели ту, на которую я надеялась. Думала, его задеть, а получилось насмешить. Мне только вот не до веселья. Всерьёз он меня точно не воспринимает, и когда отсмеется, выставит за дверь. Ну, и ладно! Домой поеду. Тоже мне блюстителю нравов, бандит чёртов. В молодости так нагрешат, что мама не горюй! А потом ближе к старости ханжами становятся и других с фанатичным рвением учат жить. Вот как мамка моя! Эту хлебом не корми, дай поучить. А у самой рыльце в пушку. Мужу изменяла. Контрабандой занималась. Оружием торговала. И этот, похоже, с того, её веселого прошлого. Сам не лучше! А мне сигареты пожалел. Жмот.

Сижу, психую, а Кастет смотрит на меня и улыбается. Нет, не прогонит. Женщин у него, конечно, было много, но таких бесшабашных и наглых, как я, он ещё не встречал. Поэтому так искренне, по-мальчишечьи улыбался. И в глазах уже не чертики плясали, а почти отцовское тепло.

— Давай на ты, а то чувствую себя стариком, и прыгай сюда, Змейка, — с хрипотцой прошептал он и похлопал ладонью по колену.

Змейка... Это, значит, змея подколодная, да? Ну, гад! Я ему это припомню, но потом. Не сейчас. А сейчас, я послушно поднялась и подошла к нему.

Мамин знакомый протянул открытую ладонь. Я неуверенно коснулась ее пальцами, как он сжал их и, аккуратно рванув меня на себя, заключил в объятия.

*Эпизод «Право на измену», где Оля (мать Риты) убила Красного пилочкой и вцепилась в лицо Кастета.

Валет** — от английского valet слуга, камердинер, работник гостиницы.

Глаза в глаза, как мгновения затишья перед бурей. Он просто смотрит на меня, а теряю связь с реальностью, погружаясь в его синее, как глубины океана, глаза. Никогда прежде я не видела таких выразительных глаз у мужчин. Они манили, притягивая словно магнитом, и с какой-то гипнотической силой погружали всё глубже и глубже, на самое дно расширяющийся от возбуждения чёрных зрачков.

Кастет не обычный мужчина! Он демон! И я сама добровольно пошла за ним, забыв про строгие наказания матери. Я забыла абсолютно всё, беспомощно плаваю в синем омуте глаз.

Его ладонь плавно сползает вниз, оставляя за собой горящий огнем след. От такого прикосновения таю, как пушистый снег в лучах весеннего солнца. Закрываю глаза, наслаждаясь неспешным ласкающим движением ладони, и сильнее прижимаюсь к нему. Даже сквозь тонкие слои наших одежд, я ощущаю напряжение стальных мышц и бьющееся в груди мощное мужское сердце. С каждым ударом которого, я трепещу от нахлынувших на меня чувств. Вслушиваюсь в шумное дыхание Паши, щекочущее мне шею. Вдыхаю терпкий аромат его кожи, впитавший в себя дым сигарет и ночной бриз соленого моря. И вся эта сводящая с ума ароматическая смесь приправлена нотками дорогого парфюма. Невозможно устоять! Но я даже и не пытаюсь. Всецело отдаюсь его рукам...

Такого со мной никогда не было. Я сижу на коленях у мужчины и едва не теряю сознание от переполняющих меня эмоций. Давно не девочка, но голова идёт кругом. А ведь Паша меня пока ещё не целовал. Он, всего лишь, прошёлся ладонью по моему бедру и, достигнув края платья, остановился.

Господи, пусть продолжает! Пусть ласкает дальше, иначе я закричу, требуя сорвать с меня всю одежду и любить лишь одними руками.

Психую из-за его заминки там, и сама льну к дразнящим меня губам.

— Шшшш, — шипит Паша и, ловко уходя от моих губ, целует мою шею, едва её касаясь. — Не спеши, Рита. Не спеши, Змейка.

Я спешу? Да. Спешу, словно беговая лошадь, наперегонки с вихрем из эмоций и желаний. Змейка... Даже это прозвище из его уст теперь звучит, как самый лучший комплимент. Наслаждаюсь своей чувственной зависимостью в руках маминого знакомого и понимаю, как я ещё неопытна. И парни, что были у меня лишь блёклые тени настоящих мужчин. Такие резкие, эгоистичные и нетерпеливые. А он... Он ласковый, как мартовский кот. Ему осталось только замурчать мне на ушко, чтобы окончательно лишить меня рассудка.

И вот губы Паши наконец-то добрались до моих. Я замираю, затаив дыхание, пока его рот нежно терзает нижнюю губу, потихоньку пропихивая свой язык. Я отвечаю и, приоткрыв рот, встречаю его язык своим.

В его поцелуи не было напиральной страсти, её с лихвой заменяла неторопливая нежность. До Паши я была твёрдо уверена, что знаю о поцелуях всё и ничего меня уже не тронет. Но, играя с его языком, я разлеталась на атомы, не в силах собраться вновь. И только, когда его губы отрывались от моих, я приобретала так легко утраченную целостность. Он снова целует, и я снова разлетаюсь на мелкие частички.

Я растворяюсь в его нежности... В его желании... И в своём невыносимом вожделении. Прижавшись к нему как можно теснее, обнимаю его за шею и закатываю глаза от

удовольствия. Ладонь Паши уже ползёт между моих бёдер, продвигаясь всё ближе и ближе к трусикам. И, когда кончики его пальцев вот-вот должны были коснуться меня там, я резко сжала ноги от стыда. Со мной такого ещё никогда не было! Всё моё естество просто источало влагу. Я так сильно возбудилась, целуясь с маминым знакомым, что мои трусики насквозь промокли.

Сжимаю бёдра и кусаю губы, уткнувшись ему в плечо. Щёки горят! Ещё мгновение и Паша узнает, как сильно я хочу его. Я, вообще, не люблю, когда я такая мокрая!

— Рита, ты же не..., — шепчет он мне на ухо.

— Нет! У меня были мужчины! — резко отстранившись, мышью пропищала я и отвела в сторону глаза, лишь бы не встретаться с ним взглядом.

Стыдно от собственной глупости и ещё эти горящие щёки, так кричаще меня предают. Парни то у меня были, но вот такого со мной ещё не было. И если честно, рядом с ним я чувствую себя какой-то размазней. Дурехой сопливой! Вот заплачу, а ноги не разожму!

— Мальчишки у тебя были, а не мужчины, — усмехается Паша, возвращая меня обратно. — Но мы это сегодня исправим. Да?

Киваю в ответ, и с неохотой развожу колени, позволяя ему ласкать меня там. Его губы снова на моих губах, а язык танцует танго с моим, давая мне привыкнуть к его близости там. И только, когда я отвлеклась на поцелуй, погружаясь в уже привычные мне ощущение, пальцы Паши касаются самой сокровенной части моего тела. Ласкающими движениями надавливают на клитор, срывая с моих губ тихий стон, соскальзывают под трусики и...

Ещё одна заминка. Только уже Кастет отстраняется, и в недоумении смотрит вниз.

— А ну-ка встань, — с улыбкой до ушей говорит он.

Я вскакиваю. Пашины руки тут же тянутся к моему платью и задирают его. Я даже не успеваю возмутиться, как его начинает распирать от умиления. Он не смеётся, нет! Кастет улыбается, рассматривая мои хлопковые трусики в розовые сердечки. А я готова провалиться сквозь землю от такого конфуза. Поехать к мужчине с одной единственной целью переспать и так опозориться! Но, с другой стороны, я же не планировала эту встречу. Всё произошло случайно, да и желание возникло спонтанно. И, вообще, у меня все трусы такие! Я же не шлюха, чтобы в секс-шопе себе бельё покупать. И, всё равно, так неловко, будто в общественном месте громко пукнула.

Но ничего. Все мы знаем, что лучшая защита — это нападение. Трусы, как трусы. Главное, чистые, а не грязные с недельным запахом. Так что, люби меня такой, как есть, а не в стрингах Аля-Съела-Жопа.

Складываю руки на груди и с вызовом спрашиваю лыбящегося Пашу:

— И что?!

— Я такие трусы видел на Машке, однокласснице своей, когда после дискотеки завалил её, — и уже посмеивается, вертя мои бёдра.

Я не теряюсь.

— Ну, значит, твоя Машка одноклассница, была единственной нормальной девкой у тебя, а все остальные из категории женщин с низкой социальной ответственностью!

Вот так вот, туше привередливый бандит. Трусы ему мои не нравятся. И губки надуваю, совсем как в детстве. По привычке, так сказать. Осталось только ножкой топнуть и убежать в слезах. Но я этого не сделаю. Во-первых, не хочу. Во-вторых, Паша хоть и посмеивается, рассматривая девичьи трусики, но держит крепко.

— Насчёт Машкиной социальной ответственности я бы усомнился, — иронично

добавляет он, и начинает с довольной рожей стаскивать мои трусы.

Я возмущаюсь, хватая его за руки. Не то, чтобы передумала, или накал страстей приутих, просто слишком яркий свет и глаза Паши как раз на уровне моего лобка. Хорошо, хоть там всё в порядке. Только вчера сходила в салон на депиляцию. Вот как чувствовала, что надо!

Улыбка с лица маминого знакомого сегодня не сходит. Он даже в моём протесте нашёл над чем посмеяться.

— Рита, давай снимем этот детский сад, а то я себя чувствую каким-то дядей извращенцем, — и снова тянет их вниз.

Я держу. Ещё и ноги сжала.

— А что на сердечки у тебя не встаёт?! — ехидничаю, сама не понимая почему всё время с ним стопорю.

— Ну, всё, Змейка, доигралась! — шутливо злится он и, вскочив с дивана, подхватывает меня на руки. — Сейчас я их порву, а потом и тебя!

Ему понадобилось всего несколько шагов, чтобы ворваться в спальню и осторожно положить меня на кровать. Расстегнуть свою рубашку и бросить её на пол, демонстрируя мне и так уже знакомый накачанный торс. Ну, вот ему уже почти ничего не мешает, разве что шорты, служат преградой для направленного на меня члена. Да, с «не встаёт» я погорячилась, конечно. Там всё, ох, как встало, что ОГО-ГО! У меня прям дыхание перехватило, когда я увидела чуть ли не рвущуюся ширинку. А тут ещё Паша наклоняется ко мне и продолжает то, на чём остановился. Бесцеремонно стаскивает с меня трусы и швыряет их куда-подальше.

— Ээээ! Они мои любимые, между прочим! — просто чтобы ляпнуть хоть что-нибудь, возмущённо пишу я и спешу прикрыть свою наготу там платьем.

— Потом найдёшь, — прохрипел мамин знакомый, нависая надо мной и принимаясь за платье.

Оно ему тоже очень мешало. Правда, в этот раз я уже не возмущалась. В глазах Паши замелькали бесовские огоньки, когда съехавшее до талии платье, оголило мою грудь. И тут же его рот припадает к ней, по-очереди жадно всасывая в себя соски. Играет с ними, осторожно покусывая зубами. Эти страстные поцелуи, разлетаются стонущей болью по всему моему телу, заставляя выгибаться ему навстречу. Паша ещё не вошёл в меня, а я уже задыхаюсь от возбуждения.

Я ожидала, что всё будет, как обычно. Привычно для меня. Сейчас он запихнуть в меня свой член, несколько движений, и всё. Всё! Мне останется лишь нега от прелюдий, и ноющая пульсация внизу живота, как напоминание, что этого так мало. Потом, если повезёт, я пойду наверх и там уже оторвусь, доведя себя до слабенького оргазмика. Только Паша не мои мальчишки. Он с каким-то неспешным наслаждением ласкал моё тело, словно изучая каждую его впадинку, каждую округлость А, может, и не изучал. С его-то опытом все женские эрогенные точки давно не секрет.

Не член первым входит в меня, а его палец. Так медленно, осторожно и невыносимо приятно... Ласкающими движениями во мне он надавливает на верхний свод влагалища, повторяя это до тех пор, пока я не сжимаю ноги от пронзившей меня, словно током, дрожи. Почти оргазм! Почти, но не он. А так остро, что я выгибаюсь навстречу проникающему в меня пальцу, желая продлить это новое для меня ощущение. Я даже и не знала, что помимо клитора, у меня и там есть кое-какая чувствительность.

Прижимаюсь к Паше, обнимаю его плечи, и развожу, как можно, шире бёдра. Только бы он не прекратил меня там ласкать. Но мамин знакомый останавливается, осторожно взгромождается сверху и медленно проталкивает в меня член. Вот он уже ощутим! Особенно, эти осторожные движения. Туда-сюда... туда-сюда... Приятно до безумия!

Я по-привычке начинаю дико стонать. Ну, как в порно фильмах девки орут, когда их трахают сантехники. Моим парням эти возгласы нравились, а мне не очень. Но приходилось изображать страсть, чтобы в очередной раз не услышать обидное: «Ты чё бревно?». Как-то Тим, сказал, что раз я ни до чего не дохожу, то это со мной не всё в порядке. С ним все девки кончали. Назвал меня фригидной и обиделся. Неделю со мной не разговаривал. Вот с тех пор, я предпочитаю изображать оргазм. Так спокойней парням, и мне по самооценке не бьёт.

Но, похоже, Паше такие брачные вопли пришлись не по нраву, и он остановился.

Открываю глаза, а его губы растянуты в усмешке. И у меня в мыслях мелькает обидный вопрос: «Я опять что-то сделала не так?». Вот поехала со взрослым мужиком на свою голову. Теперь всю ночь будет учить, как правильно трусы выбирать и как ноги раздвигать, призывно постанывая.

— Ну что опять?! — не выдержав насмешливого взгляда, буркнула я.

— Ты уже кончила? Так быстрого? — изображая удивление спрашивает он, и наклонившись к уху шепчет. — Рита, со мной этот театр не проканает. Давай по чесноку, ладно?

— А если я...

— А если, — перебивает Паша, приподнявшись на руках, и, посмотрев на меня, как на провинившуюся школьницу, говорит, — это не твоя проблема, а того мудака, что трахаться не умеет.

— А ты, значит, умеешь и не мудака? — стыдно, но продолжаю испытывать его терпение, задавая тупые вопросы.

Мне бы кивнуть, соглашаясь, и продолжить получать удовольствие. Так нет же! Надо позлорадствовать. Только все мои слова не находят должного отклика у маминого знакомого. Всё, что бы я не сказала Кастета веселит. И на этот вопрос умудрённый опытом мужчина лишь ухмыльнулся, закинув горделиво подбородок.

— Рита, мудака. Ещё какой мудака, но не в этом вот деле, — намекает он на секс, обнажая в усмешке идеально ровные зубы.

Глазки Паши загорелись как раз таки мальчишечьим озорством. Про это вот дело вспомнил и сделал осторожный толчок вперёд, потом ещё один, ещё один... и так не сбавляя тихий темп, пока я не простонала от нарастающих во мне безумно приятных ощущений. И этот мой всхлип был уже не наигранным, а настоящим отголоском охватывающей меня эйфории. Для Паши это стало сигналом: хватит нежности, пора переходить к страсти. Тем более, что на редкость терпеливый любовник слишком долго контролировал себя, давая мне возможность привыкнуть к его далеко не стандартному размеру. Член у маминого знакомого едва помещался во мне. Мои бывшие парни нервно курят в сторонке. Даже Тим так гордившийся своими девятнадцатью сантиметрами уступал Кастету минимум сантиметра три.

Паша, одним рывком перевернув на живот, продолжил неистово вторгся в меня, но уже сзади. Моё тело тут же пронзала череда резких спазмом, заставляя громко вскрикивать и поддаться вперёд, спасаясь от охватывающих меня острых, почти болезненных ощущений.

Но после каждый такой толчок во мне расходился по телу пульсирующей негой, а наполненные остервенелостью движения Паши сменялись уже привычной мне медлительностью. Он специально давал мне отдохнуть, а потом снова, снова и снова с какой-то звериной страстью драл, как тузик грелку.

Ничего прежде я не испытывала! Я потерялась в собственных чувствах, ощущениях, эмоциях. Всё моё тело дрожало в его обжигающих кожу руках, а внутри меня разгорался настоящий пожар, заставляя двигать ягодицами в этом безумном темпе. Ещё мгновение... ещё... ещё... ЕЩЁ! И я на вершине экстаза! Разлетаюсь на миллионы атомов, чтобы вновь собраться и снова взорваться, как сверхновая в бескрайней вселенной. Нашей вселенной на белых простынях отеля.

Да... Я уже никогда не буду прежней. Ведь до Паши я не знала, как это безумно прекрасно! А насчёт моих парней он прав. Всё они были конченные мудаки, не умеющие трахаться!

Самый лучший мужик, мой гуру секса, скатывается набок рядом со мной.

— Ну что ты там живая, Змейка? — и, задыхаясь, шлёпнул меня ладонью по заднице.

— Ай!

Подаю я признаки жизни, лёжа на животе и уткнувшись лицом в скомканное одеяло. Даже говорить сил нет, не то чтобы приподняться и посмотреть на его довольную физиономию. А он доволен. Слышу по срывающемуся дыханию и хриплому голосу.

— Живая, — подтаскивает меня к себе. — А ты страстная штучка, Змейка.

Его губы целуют моё плечо. Так приятно, но ужасно жарко. И откатиться сил тоже нет. Да, и позлорадствовать надо, чтобы не зазнавался.

— А читала, что заниматься любовью в такой позиции это неуважение к женщине.

Да, читала! И если честно, только сейчас подумала об этом. Он трахнул меня сзади. Совсем не романтично! Чёрт, какая романтика?! Он бандит. Но такой охренеть какой секси бандит.

Он переворачивает меня набок лицом к себе.

— Ну, во-первых, мы не любовью занимались, а так перепихнулись по обоюдному согласию, — и подмигивает мне, мол, сама же настаивала. — Во-вторых, ты хоть и не девственница была, но до женщины тебе далековато. А в-третьих, вот что я тебе скажу, — проводит большим пальцем по моей щеке, убирая прядь волос, потом медленно ведёт ладонью вниз. А глазки-то синие хитренько прищурились. — Это кстати, в твоих книжках не напишут. Оставь я тебя на спинке лежать, ты бы опять за старое принялась. Пищала бы изображая страсть. К тому же думала, а красиво ли пищаешь? Или, может, губки прикусывать для разнообразия? В общем, ни хра бы не расслабилась. А так у тебя, моя хорошая, мозг отключился и это место думать стало, — и как щипанет меня за задницу.

Я прям подпрыгнула. Больно.

— Дурак, что ли?! — взвизгнула я и погладила горящие место.

А ведь прав дядя. Всегда об этом думаю, когда с парнем. Всё представляю себя со стороны, и кривляюсь, чтобы поэротичнее выглядеть.

— Дурак, Змейка. Какой я дурак! Вместо взрослой бабы вчерашнюю школьницу в койку затащил, — шутя сетует Паша, похлопывая меня чуть выше бедра. — Чёрт возьми, мне понравилось! Здесь пахать и пахать, и до нужных размеров ещё долго не распашешь.

Так это он сейчас о чём? О том, что я там для такого мужика слишком узкая? Сама это ощутила, когда его член пытался полностью во мне поместиться. Или о том, что я такая

неопытная и со мной ещё работать и работать? Но в любом случае, меня это задело. И нахмутив бровки, я на попе стала отползать от хитро ухмыляющегося Паши. А тут ещё мои глазки зацепились за наливающийся хотением член, ну, очень опытного мужчины. Вот неугомонный какой! Где-то я читала, что после сорока мужиков можно смело переводить в категорию «однопольчанин». Это когда их хватает на один раз за ночь. А тут прям Паша рвёт в ключья всю возрастную статистику. С тестостероном у него всё отлично!

— В правильном направлении отползаешь, Змейка, — уже с хрипотцой говорит он, и кивает за мою спину. — Там в тумбочке презик возьми.

Презик, так презик. Поворачиваюсь полу боком, чтобы дотянуться до тумбочки, и в мою ягодицу тут же впивается его рот. Жадно покусывая, Кастет поднимается вверх к пояснице. Я от предыдущего раза ещё не отошла. Тело горит огнём. Особенно, шея и плечи. И только сейчас до меня доходит, отчего такая жгучая боль. Мамин... нет уже мой знакомый, кусал меня там с упоением кота, покрывающего охочую кошку.

— Ммм, — простонала я, выгнув спину под ним, и потянувшись рукой до тумбочки.

Открываю её, но среди шуршащих упаковок случайно нащупываю ствол пистолета. Другая бы на моём месте, схватила презик и сделать вид, что ничего не нашла. Но это та, у которой чувство самосохранения зашкаливает. Со мной только всё иначе. Где нужно бежать, я стою. А где нужно молчать, я нарываюсь на откровенную грубость своим острым языком. И что я делаю? Правильно. Вытаскиваю вместо презерватива пистолет. Ну, не дура ли?

— Вау! — мой восхищённый возглас железному оружию в моих руках, а не тому, что горячим тараном ткнулось в промежность. — ПМ! Макарушка! У брата такой же!

Кастет отсаживается и с невозмутимым видом забирает у меня пистолет. Но по резко ставшими тоненькими щелочами глазам понимаю, что я ни сколько разозлила, сколько его удивила. Особенно, то, что у него с моим братом одинаковые предпочтения в игрушках для очень взрослых дядей.

— Я те чё сказал достать? Презервативы. А ты чё достала? — ровным, но властным тоном спрашивает Паша.

— Пистолет, — отвечаю, бросив беглый взгляд на оружие в его руке.

Застрелить он меня не застрелит, но моя глупость бесследно не пройдёт. И вот надо было мне ещё про брата ляпнуть. Дура!

— И кто у нас брат? — ожидаемый вопрос.

— Боксёр, — честно вру.

Ну, как боксёр? Слава хоть и ушёл из бокса после нашего бегства из страны, но продолжает заниматься любимым делом. Участвует в полупрофессиональных боях без правил, а ещё с отчимом бороздит моря в поисках затонувших кораблей. Ну, и бизнес у братика тоже имеется. Только мама про это не знает, потому что если бы знала, то прибила бы любимого сыночка. Там риски измеряются не тюремными сроками, а девятью граммами свинца в лоб и за борт на корм акулам. Студент тоже не в курсе тёмных делишек пасынка. И этому Кастету я тоже не скажу, а то вдруг в конкуренты братца запишет.

— Боксёр с макарычем. Это интересно, — отсев ещё дальше от меня, и доставая патронник, задумчиво произнес Паша. Потом переводит свой взгляд с пистолета на меня, и уже, натягивая улыбку на хмурое лицо, спрашивает. — А у отчима случайно Беретты нет?

Упс! Приплыли! Беретта! Мама сегодня в него целилась из неё. Кастет не дурак, и сто пудово начал сопоставлять некоторые факты. На острове не так много русских, да ещё с таким весёлым прошлым, как у моей семьи, где с пистолетами на «ты», но с огромным

уважением.

Врать так врать! И желательно, чтобы от правды эту ложь невозможно было отличить. Да, и как он проверит? Никак. Тем более, я знаю ещё семейку русских на острове. Гладковы. И у них тоже есть сын и дочь. Кстати, именно выкрутасы сыночка стали причиной их грандиозного переезда. Мишку под кайфом и с оружием больше часа гоняли полицейские по городу. Даже ролик про это есть в интернете.

— Откуда? — смеюсь я. — Мой отчим трусливый хлюпик, да ещё и жмот. Денег пожалел пасынка от ментов откупить. Теперь вот сидим в этой дыре, потому что дома Мишку посадят.

Глаза у Кастета повеселили. И мне даже показалось, что он выдохнул с облегчением. Конечно, чего не порадоваться? Он же не дочку любимой Княгини только что поимел, а сеструху какого-то столичного придурка. Мамка ему там Береттой М9 ничего не отстрелит. Так что можно продолжать распахивать до нужных размеров понравившуюся девку.

— Нравится оружие? — как-то странненько задаёт вопрос взрослый любовник и, вставив обойму в патронник, передёрнул пистолет.

— Возбуждает.

Не лгу и, наверное, впервые говорю правду. Мне всегда нравилось оружие, а ещё после того, как Славка дал пострелять из своего ПМа, я просто свихнулась на эротичной почве. Какие только страстные сценки я себе не фантазировала с этим пистолетом. И в моих эротических мечтах всегда был мужчина. Только лица его я не могла представить. Так размытые очертания мужского силуэта, но меня прям трясло от фривольных картин на грани явно нездорового желания. А тут ещё Паша спрашивает нравится ли мне оружие. Нравится! Я его обожаю!

— Возбуждает, говоришь? — и, сняв пистолет с предохранителя, подтаскивает меня за ногу к себе поближе.

Мне не страшно, но я дышу через раз, когда железное дуло касается моего виска и ползёт вниз ко рту. Такого странное ощущение, будто стоишь над пропастью и от падения тебя отделяет лишь один неверный шаг. А Паша глазами настоящего хищника наблюдает за каждой эмоцией на моём лице. И то, что он видит приводит его в восторг. Страх нет. Одно неистовое, лишённое всякого контроля животное желание.

— А ты не такая уж и простая девка, какой кажешься на первый взгляд, — шепчет его рот, искривлённый в волчьем оскале.

Согретое моим теплом дуло замерло на моих приоткрытых губах. В горле пересохло от возбуждения. Я пытаюсь сглотнуть слюну, и тут же пистолет проникает мне в рот, упираясь в нёбо.

— Не дура, ты не дура, Змейка — уже хрипит Кастет.

Сам возбудился так сильно, что грудь разрывает глубокое тяжёлое дыхание. Дыхание, обжигающее мне лицо. Он шепчет, а я слышу его голос пульсирующими потоками крови в моих ушах. Я даже закрыла глаза, чтобы полностью погрузиться в нарастающее возбуждение, что бурлит и клокочет в самом центре моего естества. Ещё немного я кончу с пистолетом во рту!

— Книжки какие-то там читаешь, — продолжает шептать опасный любовник. — Только вот что я тебе скажу, девочка. Жизнь не в книжках. Жизнь — она здесь. И ты попала, Змейка. Попала, — прохрипел Кастет, вытаскивая пистолет из моего рта и прокладывая влажным от моих слюней дорожку вниз.

Лежу не двигаясь. Не боюсь. Нет. Я наслаждаюсь смертельной лаской. Мои чувства в этот опаснейший момент это танго похоти и безумия. Я на грани! Но молю лишь об одном, только бы он не прекращал так меня услаждать. И Паша, словно слышит мои безмолвные мольбы, сначала обрисовывает пистолетом по кругу мою грудь, а на ставшие малюсенькими камушками соски чуть надавливает и полностью насаживает на них дуло. Он и на этом не останавливается, спуская ствол меж ложбинкой к животу, а там уже и к лобку. Я невольно дёрнулась, когда тёплый ствол пистолета упёрся мне в клитор, но стоило давлению перейти в ласкающие движения, как с моих губ сорвался сладострастный стон. Я шире развела бёдра, сама подталкивая Кастета на такое безумство, как ввести в меня заряженный и снятый с предохранителя пистолет.

Одно неловкое движение, дёрнувшийся палец на курке и я труп. Но, чёрт возьми, эти ощущения того стоят. Я просто задыхаюсь, как хочу этого! Хочу! И совсем забыв об осторожности, накрываю своей ладонью руку Паши с пистолетом, указывая где конечная остановка этого слишком острого маршрута.

— Ска, — хрипит теряющий контроль Паша. — Да ты сумасшедшая!

И резким движением просто всадил в меня ствол до самого упора.

Хотела?! Получай!

Разрывающий изнутри кайф срывающей быстрой пульсацией накрывает всю меня с ног до головы. Рукоять пистолета больно бьёт по промежности, но то что я испытываю там не подаётся никакому описанию. Это и нестерпимая боль, и расслабляющая истома, и набухающее возбуждение, и колющее наслаждение. Ощущения такой силы, что моё естество плотно смыкается вокруг вторгнувшегося в него железа. А я крепко до хруста в костяшках пальцев, сжимаю простыню. Да так, что мои ногти рвут тонкую материю. Хочу кричать, но горло сдавливает учащенным дыханием, и единственное что я могу это выдохнуть нечто подобное на приглушённый всхлип. Ещё несколько жестких фрикции пистолетом и моё сознание теряет связь с реальностью, полностью подчиняясь самой тёмной и от того пугающей меня звериной сущности, так долго спавшей в потаённых уголках моей души.

Я пришла в себя под тяжестью мокрого от пота мужского тела. Паша лежал на мне и пытался привести в порядок сбившееся дыхание. Пистолет был зажат между нашими ладонями. Смутно помню, что было после наисильнейшего оргазма в моей жизни. Только малюсенькими обрывками вспыхивают в мозгу расплывчатые картинки, как Кастет вытащив пистолет из меня, продолжает уже традиционным способом, но с таким сумасшедшим напором, будто бьётся молотом об наковальню. И вроде, он тоже кричал. Нет. Рычал, впиваясь жадными поцелуями в мою шею, плечи, грудь. А потом... А потом, слава всему сущему, он всё-таки сохранил остатки самоконтроля и кончил не в меня. Пьянящий запах мужской спермы дразнил моё чуткое обоняние. К тому же, она ещё и смешавшись с нашим потом, послужила естественной склейкой, которую так не хотелось нарушать. Хотелось вот так и лежать, вдыхая дурманящий запах наших обессиливших от страсти тел.

Мокрые, липкие и счастливые. Мы стали безумным открытием друг для друга. Кто мог подумать, что простой перепихон с незнакомцем в отеле выпустит на свободу наших порочных демонов? До него я только мечтала о таком, боясь саму себя и того, что когда-нибудь извращённая фантазия воплотится в реальность.

Уже час как мы лежим обессиленные. Я прижимаюсь к нему, вслушиваясь в ровное биение сердца. Оно, как колыбельная, успокаивает, но почему-то не убаюкивает меня. Паша курит. И курит вторую сигарету. Молчит, глубоко затягивая в лёгкие терпкий дым. Потом выдыхает и снова делает затяжку, тяжело вздыхая. Мы даже в душ не пошли. Вот так лежим в тишине и пытаемся осознать, что это было? Страсть? Безумие? Мы оба сошли с ума? А может, и были такими без царя в голове? Просто до встречи друг с другом об этом даже не догадывались.

Господи, как же меня гнетет эта тишина и эти роящиеся мысли в голове! Не могу так больше. Не могу. Ещё пять минут такой шипящей его дыханием в моих ушах тишины, и я закричу. Её нужно нарушить. Надо что-то сказать. Что-то, что вернёт мне Пашу до того, как он жёстко трахнул меня пистолетом.

Нужно было что-то сказать, и я ляпнула такую глупость!

— Ты что-нибудь слышал о пассивном курении?

Спрашиваю, пробегая ладошкой по его груди. Обрисовываю копчиком пальца линии скалящегося волка, и повторяю это до тех пор, пока он не замирает, выпуская клуб дыма.

— Что? — отрешённо переспрашивает, будто все это время дремал.

— Пассивное курение намного опаснее активного, — поясняю, уже описывая кончиком пальца его сосок. — Вот ты куришь, а страдаю я.

— Это ты в книжке прочитала? — затушив сигару в пепельнице и поставив её на столик, спрашивает Паша.

— Нет, это нам ещё в школе рассказывали.

— Чёрт, школа! — простонал он, уткнувшись носом в мою макушку, и, втянув ноздрями запах волос, виновато зашептал, спускаясь губами. — Что же ты сделала со мной, Змейка? Я ж никогда так с девками не делал. Даже со шлюхами ласков был. А ты... Ска, что ты делаешь со мной? Ты хоть понимаешь, что могло бы произойти? Ствол заряжен. Посмотри на себя, девочка. На тебе живого места нет, — и взвыл, как волк, осторожно прижав меня к себе, и покрывая поцелуями моё лицо. — Девочка моя. Маленькая. Змейка.

— Мне не больно, — солгала.

Всё моё тело горело огнём, а между ног так пульсировало и свербело, что, сжимая бедра, хотелось самой себе успокаивающе прошипеть. Будто магическое «шшш» ещё с безмозглого детства универсальное заклинание от всех ран. Но моя рана не кровоточила. Она напоминала мне, что бывает, если следовать самым порочным желаниям.

— Лгунья ты, Змейка, — со вздохом сказал Паша, не разжимая своих нежных объятий.

— Почему «Змейка»?

Отвлекаю от душевных терзаний совестливого любовника. Во-первых, из-за простого девичьего любопытства. Всё никак не могу найти подходящую ассоциацию со мной и змеей. Кроме, конечно, вредного характера. Во-вторых, надеюсь, что это хоть как-то успокоит Пашу, а то мужик реально загрузился после того, как жёстко меня отодрал. Такое чувство, что произошедшее перевернуло с ног на голову всю его вселенную. Он-то считал себя нежным и ласковым, а со мной вышло как-то через чур люто. А ещё Кастета удивляло то, что я сама подтолкнула его на такую безумную дичь, как трах с заряженным стволом. Вот и лежал мужик в тишине, пытаюсь перезагрузить свою зависшую в мозгах традиционную

программу размножения: «член плюс вагина равно удовольствию». То бишь норма! А вот «пистолет плюс вагина это???». Это полный капец. Но, чёрт возьми, ему это тоже понравилось!

— У тебя глаза гюрзы, — прошептал он и прошёлся ладонью по моей спине, задержавшись на талии. — Такие же тёмно-серые и холодные, — и снова поднялся вверх, но уже кончиками пальцев, едва касаясь кожи.

Так приятно, что прикрываю веки, как обласканная хозяином ленивая кошка. Не знала, что с самой большой и опасной гадюкой у меня всё-таки есть что-то общее. Холодные глаза. Тёмно-серые. Глаза цвета камня. Мама говорила, что такие же глаза были у её бабушки. Моей прабабки. И вот через два поколения они снова достались мне. У брата просто серые, и тоже холодные. Но холодные, как сталь.

— И где ты смотрел в глаза гюрзе? — почти мурлычу.

Пальцы Паши ползут по позвоночнику вниз. Дойдя до крестца и, нарисовав круг, снова поползли вверх. Он касается моей спины, без какой-либо левой мысли. Просто ласкает... нежно, сладко. А я опять наливаюсь соком, только в этот раз боюсь дышать. Боюсь, что почувствовав на своей коже моё разгоряченное его прикосновениями дыхание, он прекратит.

— Давно. Я тогда пацаном был не старше тебя, а, может, и младше, — с неохотой вспоминал Паша. — Всю ночь автомат не выпускал из рук. Устал, как собака. А тут с рассветом так тихо стало. Батя говорит: «Отбой, пацаны. Днём не пролезут черти! Ночи ждут». Я так за камнями и вырубился. Очнулся от того, что кто-то смотрит на меня. Да, и грудь сдавило. Дышать тяжело. Глаза открываю, а на мне, лежит скрутившись змея и смотрит прям в упор. Язык свой высовывает, по лицу им бьёт. Думаю: «Пздец! Так тупо сдохнуть и где? На войне!». А она посмотрела, посмотрела и уползла. С тех пор ничего не боюсь, Рита. Я в глаза самой смерти смотрел.

— И у меня её глаза, да? — иронизирую я, приподнимаясь, чтобы повторить подвиг змеи.

— Да, — улыбается Паша, и задумчивым взглядом пробегает по мне, будто рассматривает по памяти картинку «найдите совпадения».

Похожая ситуация. В горах Чечни змея лежала груди Кастета и смотрела ему в глаза, и вот спустя двадцать лет девушка с глазами гюрзы упирается ему в грудь и так же смотрит. Ну, не ирония ли судьбы? Та змея забрала с собой страх Паши, а я... Что сделала я? Я вывернула наизнанку его душу, заставив переступить нарисованные им же границы. Между мной и той ползучей гадюкой действительно есть связь. Мы обе изменили его.

И, придвинувшись лицом ближе к Паши, я так же пристально посмотрела ему в глаза, зашептав заговорщицким голосом:

— А, может, это была я, тогда на твоей груди. И я не убила тебя только, потому что захотела встретиться в следующей своей жизни.

Паша изумлённо бегал по моему лицу глазами. Края его губ дёрнула едва заметная ухмылка. Запустив свои пальцы мои волосы, он подтянул меня ещё ближе к себе, и поцеловал. Он целовал меня страстно, грубо, жадно. Целовал так, будто ждал именно этого момента целую вечность и вот он наконец-то настал. Я отвечала ему с такой же напористостью, теснее прижимаясь, и совершенно забыв, как горит огнём всё моё нутро. Закидываю ногу на Пашу и, усаживаясь, чуть ли не взвыла от остроты ощущений. Вот он незамедлительно наступившие отрезвление! Не то, чтобы болит, но... Но такого дискомфорта я не испытывала со времён первого сексуального опыта с Тимом.

Задыхаясь, мы тут же отстранились друг от друга. И, переведа дух, первым заговорил Паша.

— Нет, Змейка, сегодня с тебя хватит, — а сам аж давится от желания.

— Я хочу..., хочу... хочу тебя, пожалуйста, — так же тяжело дыша, отвечаю я, глотая воздух ртом.

Да дискомфортно! Да больно! Да! Да! Да! Но я хочу снова ощутить эти невыносимые прекрасные моменты. Я хочу почувствовать его внутри себя. И не придавая протестам Паши никакого значения, пробегаю ладонью по его быстро дышащему животу к налитому кровью члену. Обхватывают его в кулак. С губ любовника тут же срывается гортанный полный удовольствия стон.

— Что же ты со мной творишь, Змейка, — страдальчески прохрипел Паша, но дотянувшись рукой до столика, достал презерватив и не мешкая надел его на член со словами. — Расслабиться хочу, так что давай сама прыгай неугомонная.

Дважды говорить мне не пришлось. Я без особого задора, потихоньку насаживалась себя на Пашин член и так же с осторожностью двигалась на нём, постанывая от нарастающего во мне блаженства. В этот раз мне даже в голову не пришло ничего симулировать. Я действительно кайфовала, ведь за болезненным дискомфортом пришло настоящее наслаждение. Сначала оно словно капельки ртути разлетелось по всем уголкам моего тела, а потом двигающимся во мне магнитом резко стянуло их обратно. Да так сильно, что я будто взорвалась от переполняющей меня эйфории. Взвизгнула и упала Кастету на грудь.

Всё... Вот теперь с меня действительно сегодня хватит. Тем более, что до нового дня осталось всего ничего, и нам обоим не мешало бы восполнить так сладко потраченные силы.

Но я так и не уснула. Не смогла. А вот мой взрослый любовник прежде чем отлететь к доброму дядюшке Морфею, обласкал меня всю, обнял и, уложив мою голову на своей груди, ровно засопел. Потом в полудрёме перевернулся набок.

Паша спит, а я лежу, скрутившись калачиком за его спиной, и смотрю в окно. Мой взгляд бесцельно блуждает по качающейся от сквозняка шторе, потом так же ползёт вверх и останавливается на краснеющем горизонте. Рассвет... Ещё полчаса и всю комнату заполнит слепящий солнечный свет. Новый день почти наступил, а я так хочу остаться в прошлом. Остаться в этом мгновении, когда мы вот так лежим на кровати. Когда всё просто и ясно, как божий день. Я с ним. Я его. И для меня он Паша Волков, мой герой, а я для него Рита девочка с глазами гюрзы, которую он спас от хулиганов.

Господи, как же я боюсь, что с его пробуждением исчезнет всё это земное блаженство. В лучшем случае, он вызовет мне такси и отправит домой. В худшем, узнает кто моя мать. Я впервые на распутье и не знаю что делать. Вроде все просто. Ну, познакомилась с мужчиной. Понравился. Поехала к нему. А дальше? Что нас ждёт дальше и есть ли будущее у этих отношений? И будут ли они, вообще, эти отношения? Между мной и Пашей огромная пропасть. Огромная не потому что нас разделяют два десятка лет. О, нет! Нас разделяет прошлое моей семьи. И с точность в сто процентов! Мама будет не в восторге, когда узнает что за мужчина появился в моей жизни.

У моей матери патологическая неудовлетворённость моими парнями. Исключение только Алехандро. И то потому что отчасти мама сыграла роль в нашем с ним знакомстве. Итак, уходим от маминого любимчика Алехандро, и подумаем что же так бесило её в моём выборе кавалеров.

Тим. Тимофей. Когда-то школьный друг Славы и соперник на ринге. Парень почти со всех сторон положительный. Родители опять же при должностях. У Тима заманчивые перспективы в будущем. Но, мама категорично сказала нет, когда всё-таки соизволила посвятить меня в свои грандиозны планы по переезду. До сих пор помню, как она кричала, молотя ладошкой по столу:

— Нет! Нет! И ещё раз нет! Ни в какую Америку ты к этому Тиму не поедешь! Он может, и хороший парень, но с ответственностью и постоянством у него явно проблемы! И я, кажется, сказала удалить свои аккаунты в соцсетях!

Почти год я ревела белугой, и тихо ненавидела мать за то, что она испортила мне жизнь. Но зайдя однажды под левым ником на страницу Тима, поняла как мама оказалось права на счёт его непостоянства. У моего бывшего появилась новая пассия, фотки с которой он постил чуть ли не каждый день. Потом появилась ещё одна, потом ещё и так Тим сменил после меня с десятков девок. Особых переживаний от расставаний с девчонками на его странице я не заметила. А коммент от какой-то девки «Ты, мудака, заразил меня букетом ИППП», он поспешно удалил. Так что здесь мама оказать тысячу раз права. Тим безответственный лядун. Но от этого мне не легче.

Я психанула и, кинувшись во все тяжкие, познакомилась с Риккардо. Вот прям назло маме. И что? Ничего из этого не вышло. Когда она узнала с кем я якшаюсь, устроила классический скандал с битьём посуды. Да, да, да! Мама кормила Мирославу бутылочкой со смесью, а тут я домой пришла. Вопрос: где была? Ответ: тебе какое дело? И в меня летит бутылочка. Едва успела пригнуться, но в Миркином молочке искупалась! Капли смеси облепили всё моё платье. Ну и, конечно же, меня. Оказывается мама была в курсе с кем я провожу ночи. И меня снова ждал разбор полетов.

— Ты хоть понимаешь с кем связалась?! — орала мать, орала Мирка на её руках. И я орала в ответ, но не могла их обеих перекричать. — Он же проходимец! Он же бандит! Контрабандист! Эта мразь не только зверюшек в картонных коробках продаёт, так ещё и наркоту толкает! Он и тебя к этому делу приобщит!

— Пошла на хр! Это моя жизнь! Моя, ясно?! — кричала я, убегая в свою комнату, и напоследок со всего размаха ляпнула дверь. Да так, что венецианская штукатурка отвалилась.

И здесь мама оказалась права. После года отношений Риккардо попросил отнести меня стремный пакет в гостиницу. Сам не мог. Мол, знают его там. Рожа примелькалась и охранник не пустит на порог, а вот я другое дело. Не местная. На туристку похожа. Так что флаг мне в руки! В моём случаи — пакет с килограммом порошка белого цвета. Я же любопытная, за угол зашла и посмотрела. Вот тогда и охренела! Мозги на место мигом встали. Брату позвонила. Он проблему решил. Мама до сих пор думает, что Риккардо за контрабанду экзотических зверюшек приняли. А нет. Моего второго бывшего за белый (не стиральный!) порошок закрыли.

И вот мой третий бывший и мамин фаворит — Алехандро. Про него я уже рассказывала. Очуметь какой положительный! Но, бля, какой нудно правильный! Вспоминаю его и ком тошноты горло перекрывает. Не мой вариант, но сто пудово мамин. Студент такой же. Под женские ножки мягкой тряпочкой стелиться. А мне такие не нравятся.

Бееее. Это мне плохо становится. Вспомнила приторного ветврача.

И вот дошла до моего теперешнего фаворита. Паша Волков. Он ж Кастет. Он же мамин знакомый из прошлой жизни. И он же тот мужчина, от которого по мне бегают стада

мурашек, а ещё разлетаются плотные стаи бабочек. Я теку от одного только взгляда на него! Короче, крышу мне снесло окончательно и бесповоротно. Но, уверена на тысячу процентов, мама будет не просто зла, когда узнает о нас, а безумно не в себе. Бутылочкой смеси в стенку здесь не обойдется. Она разрядит в него целую обойму. А потом и контрольный в голову. Меня мама не тронет. Любит. А вот Пашу жалко. Или Паша её? Здесь прям ступор какой-то! Или они объединятся и меня? Мама восполнит пробелы силового воспитания, то бишь ремня всыплет, а Паша контрольный в мою безмозглую голову...

Так чё-то я совсем загрузилась. Начала с того, что мне теперь со всем этим делать, и дошла до воспитания.

Итак итог моих бессонных рассуждений: Паша мне очень нравится и, как всегда, мне начхать на мамино мнение. Я хочу, чтобы он был моим! Моим это, значит, был у меня в единоличном пользовании и делиться таким мужчиной я ни с кем не намерена. А с мамой и подавно! Пусть дальше своего Студента нянчит. Паша Кастет мой.

Осталось самая малость. Это влюбить взрослого мужика в себя. А как это сделать? Психология в помощь! Смотрела как-то влог одной дУже Вумной бабы, где она делилась опытом охмурения мужчинок. Так вот первое, что нужно сделать, это удивить их. Внести так сказать в их размеренную и вполне привычную жизнь некий диссонанс. А, именно, если вы приехали к нему домой, то не ждите, когда он первый предложит вызвать вам такси. Сами валите из его квартиры, но тихо пока он спит. Пусть потом напрягает свои извилины, а что это было? И было ли, вообще? Да, ещё не плохо оставить номер телефона, ну, как закрепляющий эффект после психологической встряски, чтобы у мужика возник раздражитель напоминающий о сказочной ночи с не совсем обычной девушкой. До неё же всех мамзелек приходилось чуть ли не за дверь выставлять, а эта сама сбежала. Не порядок! А там где не порядок, тут как тут представили сильной половины человечества. Потому что вся их жизнь сплошной хаос и только мы, женщины, привносим в неё хоть какое представление о гармонии.

Змейкой сползаю с кровати, а потом на четвереньках ищу разбросанные по комнате вещи. Платье и босоножки нашла, а вот трусы нет. Ну, и хрн с ними! Та баба сказала, что можно и чё-то своё интимное, якобы забыть, чтобы потом, если этот тугодум не позвонит, самой о себе напомнить. Вроде как, по делу. Трусы нужны!

Быстренько натягиваю на себя шмотки. Потом достаю из сумочки помаду и айда писать номер на зеркале. Дошла до последней цифры и что-то не так. Вот прям ощущаю, как атмосфера в спальне сменилась. Паша проснулся! Оборачиваюсь, а этот красавец делает вид, что дрыхнет. Лежит даже не шелохнется. И, как назло, в влоге у этой тётки про это не слово! Вот что делать, когда мужик тоже из себя чё-то там изображает? Типо спит!

— Я вообще-то ухожу! — упёршись руками в бока, громко говорю.

Ноль реакции. Дальше лежит. Нет, реакция всё-таки есть. Приглушённый смешок в подушку. И плечи тоже характерно дёрнулись, что ещё сильнее разозлило меня.

— Я ухожу! — и как в детстве топаю ножкой.

Паша поворачивается на спину и, вальяжно развалившись, улыбается, бегая по мне самодовольным взглядом. А, когда его глаза натыкаются на помаду в моей руку, улыбка чуть ли не расплзается от уха до уха. Самой бы посмеяться над этой нелепой ситуацией, но, увы, не до смеха. Выгляжу я, и вправду, придурковато! А ещё этот недописанный на зеркале номер. Прям сцена из какой-то низкопробной комедии.

— Ну и в чём заминка? — насмешливо задаёт он вопрос.

— Что?! — выпучиваю в изумлении глаза.

Я тут ухожу, а ему всё равно?! То есть всё что между нами было этой ночью, для Паши не имеет ни какого значения? А я, дура, строю планы как его обольстить! Да, он бы и не позвонил по этому номеру. И про трусы уже наверняка забыл, а после уборки горничной им дорога в урну с мусором. Ну, и гад! Гад! И такой милый гад..., когда вот так нахально улыбается. Проводит ладонью по простыне и, похлопав рядом с собой, игриво наклоняет голову набок. Мол, иди сюда и не психуй. Но я уже завелась и не в том контексте, в котором нужно Паше. Меня прям распирает от негодования. Но больше всего я злюсь сама на себя. Так глупо подставиться с этой помадой! Всё на хр этих блоГинь! От их советов только одни неприятности.

Мне бы сдать назад и вернуться в постель к Паше, но, твою мать, я же делаю всё с точностью да наоборот. И продолжаю растягивать муху до габаритов слона.

— То есть тебе всё равно, что я ухожу?! — сжимаю помаду в кулак и ощущаю мягкую кашицу в ладони.

Писец помаде! Испортила её окончательно. И всё зря.

— Рита, я не упырь какой тебя против воли держать. Хочешь уходи, а хочешь оставайся, — спокойно говорит он, но в глазах уже некое недопонимание в чем соль назревающего конфликта.

— Ах, значит, всё равно! — срываюсь на писк.

Паша, оглушенный моим звонким воплем, резко подрывается и усаживается на постели. Ни хра не понимает, чем это так довёл девку до истерики. Вроде всё нормально было. Да и то что ненормально было и то по обоюдному согласию.

В общем, по удивлённой физиономии понимаю, ждёт его мозги в ближайшем будущем ещё одна перезагрузка.

— Рита, ты сейчас о чём?

О чём? А о чём это я? Сама уже не знаю. Но притормозить не могу и, швырнув остатки помады в Кастета, истерично твякваю:

— Мудак!

И пулей вылетаю из номера.

Пока бежала по коридору снесла горничную. Она меня охаяла последними словами. Но, даже это было не так обидно, как то, что я сама испортила такое прекрасное утро. А ведь оно начиналось в одной постели с мужчиной моей мечты.

Вот, дура! Я же номер не дописала! И он теперь уж точно не позвонит.

Неделя. Чёрт возьми, прошла целая неделя, как мы расстались в отеле и Паша даже не попытался меня найти. А с другой стороны, как он найдёт меня? Пойдет по улицам с вопросом: девушки симпатичной с глазами змеи не видели? Так его сразу в дурку определяют. Хотя нет. Принудительная медицина здесь не практикуется. Странного мужика просто будут обходить стороной.

И я тоже хороша! Знаю, где он остановился и носа туда не кажу. Гордость? Неа. Обида. И обида не на Пашу, а на саму себя. Вот, что я ему скажу, когда постучусь в дверь его номера? Ничего. Разве, что ляпну какую-нибудь глупость и мы снова поругаемся. Не мы, а я найду к чему придраться.

Ну почему я такая склочная дура?! Вечно на эмоциях всё порчу. Неделю хожу сама не своя, рвусь к нему всем своим нутром, но стоит сделать шаг в сторону отеля, как меня тут же сковывает по рукам и ногам. Ага, по рукам и ногам! У меня и язык отсыхает! немею.

Ещё и мама устроила из дома настоящую тюрьму строгого режима. Туда не ходи, сюда не ходи и, вообще, сиди дома. Я возмутилась, а она в крик, будто ей хвост дверями прищемили. И Олеженька тут как тут со своими подкаблучными советами.

— Рита, так будет лучше для всех. Побудь пока дома. И нам всем сейчас необходимо держаться вместе.

А чего вместе? Этот подлизун так и не сказал. Опустил подробности маминых фобий. И дома я, конечно, не осталась. Послала свою шизанутую семейку на три весёлых буковки и слиняла в закат.

— Рита! Рита, твою мать, сколько тебя звать?! — орёт на ухо Анжелика и тормозит меня за плечи.

— Что? — ничего не понимая, спрашиваю я.

Громкая музыка долетает и в гримёрку, но не она причина моего глубокого ухода в себя. Это всё Паша. Все мысли о нём. Вот как обухом по голове стукнуло, когда только увидела его. Теперь живу не живу. Дышу не дышу. Да, всё теперь какое-то пустое, холодное и пресное. Даже водка, которую привёз из Витебска Стеф. Дружок мамкиного Студента.

— Что? Что? Рита, твой выход! Вон слышишь, как мужики скандируют? — орёт полуголая Лика, указывая на дверь гримёрки.

Она — то только что свою программу оттанцевала. Теперь моя очередь.

— Марго! Марго! Марго! — накатными басами стучит в моих висках.

Может, сегодня и не следовало приходить, но и дома сидеть уже невыносимо. Ещё ночь семейной идиллии я не вынесу. Свихнусь.

И я вышла на сцену. Мужской ор плавно перешёл в восхищённое сопение, которое я уже не слышала за музыкальным сопровождением. У меня несколько танцевальных программ и все они нравятся посетителям стриптиз-клуба. А для большего разогрева щедрости посетителей я выступаю в черной карнавальной маске, украшенной стразами. Любят мужики таинственность. Из этой же оперы про тайну и мой псевдоним «Марго». Хотя какая тайна? Маргарита моё полное имя, только дома меня никогда никто так не называл. Всегда Рита, ну, или Ритка. Всё зависело от настроения домочадцев и моего поведения. И только здесь среди незнакомцев с закрытым маской лицом я Марго. У меня на это две причины. Первая: мама меня убьёт, если узнает чем я занимаюсь. Конечно, деньги мне не нужны, и

здесь обычное желание покрасоваться, повисить, так сказать, свою самооценку. А ещё мне просто нравится танцевать. Вторая: не хочу огласки. Городок маленький, а наша семья в некоторых кругах довольно известна. Вот поэтому маска и псевдоним «Марго» стал для меня лучшим компромиссом между желанием танцевать и семейной честью.

Теперь я — Марго, Красотка Марго, Крошка Марго. Девочка, которая танцует лишь на сцене и никакого привата. Мой танцевальный стиль сродни кошачьей грации. Ножку вперёд, обхват пилона. Плавный медленный поворот. Прогиб... полукруг ягодицами и прыжок вверх. Потом такой же плавный спуск по хромированному пилону. Мужики тянут руки со смятыми купюрам. Кому-то из них удаётся запихнуть деньги мне в трусики, но тут же здоровенный охранник грубо отпихивает возбуждённых меценатов. У меня договор с хозяином стриптиз-клуба. Чаевые мне не нужны, поэтому всех желающих отблагодарить тактильным прикосновением к моей персоне на хр откидывать от сцены. Пока охрана прекрасно справляется с этой обязанностью. Но мужики не отчаиваются, и если не успели помазать за попу, бросают купюры на сцену. Я не собираю эти жалкие подачки и продолжаю танцевать прямо на их возбуждении в денежном эквиваленте. Танцую до тех пор, пока на мне не остаются лишь малюсенькие трусики.

Сердце рвётся наружу. Всё... ещё несколько мгновений и... музыка прерывается резкой темнотой. Я быстренько скрываюсь за кулисами, уступая пилон следующей танцовщице.

Всё как обычно. Прямо до скуки размеренно. Программу оттанцевала, охрана расквасила носы нескольким перевозбуждённым посетителям, а я ушла обратно в гримёрку, собирать вещи. Шалить сегодня нет настроения. Так что с Ликой бухать не поеду. И домой не поеду. Никуда не поеду. Пойду шататься по ночному пляжу. Может, хоть там приключения на пятую точку найду.

Сижу за туалетным столиком, косметику смываю. Хотя и была в маске, но макияж всегда делаю по всем правилам. И в этом заведении по ярче. Блесточек побольше! Шо б было ДОРОГО-БОГАТО.

— Рита! — влетает хозяин стриптиз-клуба в гримёрку.

Девочки, привычные к таким визитам начальства, не прикрылись. А вот я натянула халатик чуть ли не под самое горло. Танцую полуголая перед десятком незнакомых мужиков, а тут как-то стыдно даже в непрозрачном халатик сидеть.

— Рита, выручай! — с выпученными глазами орёт Жорж.

— Танцевать сегодня больше не буду, — и ухом в его сторону не веду, продолжая стирать ватным диском тени, держа края халатика.

— Рита, милая, пожалуйста! Спаси, старика, — и чмокать мои ручки тянется.

Я отпихиваю его, и без лишних эмоций настаиваю на своём, твёрдо и чётко говоря:

— Нет!

— Рита, мне кранты! Там два мужика сидят в зале. Один самый солидный и, по виду очень злой, мне пятьсот баксов сунул. Тебя требует на приват. Подарок, говорит партнёру, — у Жоржа аж испарина на лбу выступила. Он стер её пухлой ладонью и давай дальше унижаться, едва не бухаясь передо мной на колени. — Рита, я говорил, что ты приваты не танцуешь. А ему всё равно. Он ещё пять соток пихает и намекает, что если не устрою им отдых, то пожалею, — и плюх на колени. — Рита, спаси! Спаси, родная! Вот чую днищем, что с ним лучше не ссориться.

— Своё днище, ты сам прикрывай, — отстранилась я, толкая ногой Жоржа. — Хочешь руками, а хочешь теми лбами, что в твоей охране. Да, и вообще, Мартинесу позвони! Ты ему

за безопасность платишь!

— Рита, так он от губера пришёл! — завопил хозяин. — Тебя хотят! Только тебя! Я уже говорил, что ты девочка с привилегиями. Приваты не твоё, а этому по-барабану. Сказал «Хочу», и всё!

— Я не шлюха, Жорж! Смотри потом, чтобы тебя губернатор на кое-что твёрдое не натянул! — намекаю на намечающийся скандал, если со мной что-нибудь нехорошее в его заседании случится.

— Рита, солнышко моё! Даю слово ничего не будет. Только танец и всё, — умоляет Жорж.

Вот тварь! За моей спиной уже сговорился, раз такими уверенными обещаниями сыплет. И не тысячу ему подкинули за приват со мной. Сумма там сладенькая будет. Не удивлюсь, если этому засранцу за мой положительный ответ ещё тысячи две сверху подкинул человек от Мартинесу. Самой даже интересно стало кто такими деньжищами, как фантиками от конфет, раскидывается.

Но и этого уroda толстого проучить надо. А что у нас Жорж больше всего любит? Денежки и свою никчёмную жизнь. Так жизнь мне его не нужна. Этого дуралея и без меня когда-нибудь кокнут. Уж больно пронырливый гад. А вот по загребущей лапке шваркнуть стоит.

— Пойду, Жоржик, пойду. Только мне все бабки от привата, и даже те, что тебе за суету подкинули, — с хваткой питбуля заявляю я, откинувшись на спинку стула.

Глазки Жоржика расползались до размеров блюдца. А тут ещё и редкие реснички от удивления захлопали. И губки пельмешками переваренными зашлепали.

— Рита, по живому режешь, — забубнил хозяин стриптиз-клуба, до конца не веря моей нескромности в вопросах гонорара за повертеть попой тет-а-тет перед мужиками от губернатора.

— Смотри, моё дело предложить, а твоё, — давлю на самое больное.

Деньги мне на хр не нужны. Это Жорж за доллар удавиться. Вот и сейчас потянулся дрожащей ручонкой к воротничку кислотно-желтой рубашечки. Душно мужичку стало. Сейчас и узнаем во сколько мой танец оценили люди Мартинесу. За одно и Жоржику нервишки подергаем. У него же бедного со всех сторон засада. Не приду потанцевать перед человечками от губера, ему глаз на одно место натянут. Приду, а эти, не дай бог, руки распускать начнут, опять Жоржу боля будет. Я дочь лучших друзей Мартинесу и танцую в стриптиз-клубе, в котором по-определению меня быть не должно. Кто это допустил? Кто виноват, что возникло такое недоразумение с уважаемыми людьми? Опять Жорж!

Усё, Жоржик, хавайся у бульбу, табе хана! * Хрново, конечно, что на Карибских островах картофель не выращивают. Но ничего, плантация сахарного тростника тоже подойдёт.

Жоржик быстренько раскинул мозгами и картины, которые там нарисовались, ему очень не понравились. Надо соглашаться. Всё-таки жизнь всегда перевешивает на весах деньги.

— Хорошо, — кивнул он, и достал из-за пазухи стопку приятно зеленных бумажек. — Вот здесь три тысячи. Всё забирай! Только иди, Рита! Иди!

Последние слова Жорж пропищал, как впавший в истерику мышонок, когда понял, что клыки кошки уже сомкнулись на его горлышке. Бледный! И сыр забрали, и сожрать грозятся.

— Иду, — по-кошачьи ухмыльнулась я, бросая деньги в сумочку и провожая пятящегося

к выходу хозяина этого весёлого заведения.

— Они в VIP! — напоследок пикнул в дверном проёме обиженный Жорж.

Ну, это я и без него знала. Гости такого уровня только в VIP и обслуживаются.

Всё, Жорж, прячься в картошке, тебе конец* — перевод с белорусского языка.

Побыструхе накрасилась. Маску нацепила и пошла к нашим дорогим гостям.

Открываю дверь и впадаю в ступор. Даже не впадаю! А лишаюсь всех приобретённых за двадцать один год навыков. Речь, кстати, отшибает первой. Ну, а потом и всё остальное.

В VIP — комнате сидят два знакомых мне человека. Да, бля, каких знакомых?! Два очень близко знакомых. Один из них мой родной братец Слава. Оделся красавец, как на парад! Рубашечка белоснежная, три верхние пуговицы расстёгнуты. Брючки чёрные и туфли лакированные. Ну, прям классика жанра! Второй Кастет. У того прикид демократичнее, но тоже рубашка белая, пиджак чёрный, а низ он предпочел — джинсы.

Сидят мои хорошие знакомые в полумраке, на столике бутылка дорого алкоголя и закуска. Такое ощущение, что у них деловые переговоры.

Походу, я что-то пропустила, пока здесь танцевала. Мама решила пойти на мировую с бывшим партнёром и прислала поговорить сына. Не... бред какой-то! Мама любимым сыночком рисковать не будет. Скорее всего, мой братец действует сугубо по личной инициативе, и маман, как всегда, не в курсе делишек своих отпрысков. Это, кстати, касается и малой. Наша сестричка Мирослава тоже деятельная тихоня. Недавно вон зверюшку за домом выхаживала. Мамка, сама собой не знала, что её дивный сад на время превратился в лазарет. Если бы мама увидела это летучие чудо в руках Миры, то лишилась бы чувств. Собаководный мышкокрыл это вам не хухры-мухры, а живность очень фактурная.

Мдяя, сейчас будет скандал! Но, для начала я убью Жоржа! Он, тварь, знал, что в VIP — комнате мой братец и всё равно послал меня сюда. На что дебил рассчитывал? Что мы друг друга в плохом освещении не узнаем? Ладно, брат меня не узнает. В комнате, и вправду, царит полумрак, и я в маске. Остаётся фигура. Но, чёрт возьми, я что особенная девка? Нет. Те же выпуклости и впусклости, что и у всех представительниц прекрасного пола на планете Земля. Ну, может, менее габаритные, чем у коренных красоток. А так всё довольно миловидно и не слишком бросающиеся в глаза.

Так ладно, потанчу и слиняю. Лапать меня они не будут. Кастет ещё ладно. Но, Славик! Брррр! Вот лапки братика на своей попе я уж точно не потерплю! Бля, взбрыкну, Слава тут же узнает кто перед ним этим сексапильным задом вертел. Вот засада! Нарочно так не вяпаешься! И звонить — то в этой ситуации некому. Обычно набираю брату решать мои проблемы, а тут он в самой, что не на есть близости. Ручку только протяни... и по заднице от братика получишь.

Неее. Надо валить, пока не поздно.

И только делаю шаг обратно в темноту коридора, как меня замечают. Кастет глазастый кобель, рукой призывно машет:

— Давай сюда, красавица, не обидим! — улыбается гаденыш, забивший на мой номер телефона у себя на зеркале.

Ты-то не обидишь, знаю. А вот брат сомневаюсь. Он меня убьёт! Но, как говорится, перед смертью не надышишься. Рискну здоровьем. Авось обойдется всё. Ну поверчу попой и сбегу в гримёрку. Они, вроде, обещали Жоржу меня и пальцем не трогать. Хотя, с пальцем я только что придумала, для личного успокоения. Брат и Кастет сто пудово сказали этому козлу одно, а сделают другое. То есть будут обижать, но нежно! И всё равно убегу, как-только визуальное наслаждение моим танцем перейдёт в физическое русло.

Так главное, не пищать, не говорить, и, вообще, не издавать никаких звуков, а то меня рассекретят.

— Иди, милая, — это уже мой брат мурлычет, жадно лаская меня глазами.

О, чёрт! А серые глазки Славы уже не холодны, как сталь. В них прям пожаром разгорается желание. Впервые вижу брата таким живым, что ли. Обычно он само спокойствие одетое в плащ из цинизма, а тут в фривольной обстановке, да и под градусом, как с цепи сорвавшийся голодный пёс. Того и гляди, набросится на меня, чтобы облизать кости соблазнительно покрытые где надо мясом.

Мне прям не по себе от этого стало, но я прошла в центр комнаты и, взявшись за пилон рукой, медленно спустила её, имитируя прикосновения к чему-то окаменевшему у них в ширинках. Потом под музыку так же медленно, с эротичной грациозностью двигаюсь, стараясь не смотреть на Пашу и Славу, пожирающих меня глазами и с невероятным трудом сдерживающих себя от клокочущих в их чреслах звериных инстинктов.

Танцую, сбрасывая с себя полупрозрачную накидку, и моя ладонь дразнящим движением ползёт по бедру, к животу, потом к ложбинке между грудей. Ловкость рук, и лифчик падает к ногам. С губ моих мужчин срывается возбуждённых вдох. Паша своё восхищение открывшимися красотами запивает большим глотком алкоголя. Моему же брату этого мало. Стакан давно пуст, зато серые глаза наполнились пугающей меня жаждой. Мне бы отступить в темноту, что я и попыталась сделать описывая полукруг на пилоне, но разгоряченный стриптизом Слава, одним лишь рывком притягивает меня и усаживает к себе на колени.

Писец! Сердце ёкнуло и вроде сдохло! Нее. Ещё подаёт признаки жизни, но так тихо, будто прячется где-то там в районе солнечного сплетения.

— Князь, ну что ты девочку пугаешь? — ухмыляется Кастет, продолжая разглядывать мои вставшие торчком соски. — Нежнее надо.

Советчик, блин! Нежнее! Брат уже и так нежнее не куда, теплой ладонью ползёт по талии. И, похоже, его рука держит путь к моей шее. Мурашки не просто пробежалась по моей коже, они хаотично запрыгали, спасаясь бегством от слишком родных ладоней. Противно? Нет. Но очень похоже на уродливое отражение некоего исступления. А в голове барабанной дробью пульсирует страшный крик души: «Тебя ласкает брат!». И ступор. Полная потеря контроля над ситуацией. Я задыхаюсь от дикого ужаса, быть трахнутой собственным братом! И где? В приват комнатенке стриптиз-клуба!

Брат не спешит, с явным наслаждением, изучая моё тело. Одна его ладонь, сползает по внутренней части бедра, уверенно держа свой путь к стрингам. А вторая нежно убирает пряди волос с моих плеч. Тишина. И в этой тишине Слава на мгновение обжигает кожу на моих плечах своим дыханием, потом резко вскакивает и сбрасывает меня с колен. Кастет тоже подпрыгивает, ни хрена не понимая, таращит на нас глаза.

— Рита! — орёт брат, и уже совсем не нежными руками срывает с меня маску

Рита... Рита. Рита! Секундное, повисшее в гнетущей тишине молчание и перекрёстные взгляды друг на друга. В глазах застыли сотни вопросов, и, самое главное, бешеное возмущение и у брата, и у Кастета. А у меня лишь один вопрос: как он догадался, что я это я? Но этот вопрос я оставлю при себе, потому что ударившая кувалдой по башке память, уже ответила. Родинка в виде ромбика на моём правом плече. Откуда брат о ней знает? Ну так не раз намазывал мне спину солнцезащитным кремом здесь, а ещё мы погодки и часто дрались в детстве. Это потом Слава стал меня защищать, как положено родному брату, а до этого я

получала от него хорошеньких таких люлей. Но и сама в долгу не оставалась, предпочитая пакостить втихаря.

— Твою мать, Рита?! Какого хра ты здесь делаешь?! Что за на хй?! — вопит Славик, и трясёт меня за плечи.

— Ни хра не понял? Ты её знаешь? — пытается вклиниться в наши разборки офигевший Кастет.

— Она моя сестра! — и брат ещё сильнее меня потрянул.

— Ой! — пискнула я, вырываясь из лап разъяренного Славика.

Вот, честное слово, никогда не видела его таким взбешенным. Нет, даже не взбешенным, а потерявшим всякий самоконтроль. Я будто бы наблюдала перед собой абсолютно чужого мне человека. Он так тряс меня из стороны в сторону, что казалось, ещё несколько секунд такой тряски и мои мозги вылетят через все естественные отверстия в голове. А тут ещё Кастет, вместо того, чтобы спасти меня от лап разбушевавшегося брата, просто стоит и наблюдает за происходящим. А нет уже не стоит.

На мой истошный крик в VIP-комнату влетели охранники. Паша вытаскивает оружие и, наставляя его на мужиков, громко рыкнул:

— Стоять!

Знаете, что самое удивительное? Кастет говорил по-русски, но обомлевшие от неожиданности охранники прекрасно его понимали и не дёргались. Да, и брат перестал трясти меня, тут же отвлёкся на мужиков.

— Где этот мудила Жорж?! Сюда эту тварь! — басит Слава. — Я сказал, сюда его! Сюда, живо!

Жоржу надо бы слинять под шумок, но этот тугодум пропищал за спинами охранников, что это недоразумение и он сам был не в курсе кто такая Марго. Дурак. Сам себя сдал с потрохами. Был не в курсе. Не знал. Знал! Накаченные парни из охраны Жоржу не помогли. Во-первых: дуло пистолета смотрело на них в упор, и геройствовать не хотелось. Во-вторых: они прекрасно знали кто такой Князь, и опять же зачем головняки с Мартинесу. Вот шкафообразные амбалы и расползались в сторону, как дверцы того самого шкафа-купе.

Слава швырнул меня диван, и ринулся с кулаками на Жоржа. Брат бил хозяина стриптиз-клуба с такой силой, что его зубы со звоном разлетались по полу, а кровь, будто бы верблюжьими плевками, наносила хаотичный узор на стене. И никто не рыпался в сторону взбесившегося Князя.

Бедный Жорж десять раз уже побывал в отключке, и тут же приходил в себя от нового удара. Охрана стояла, потупив глазки и воротя носы. Кастет, вообще, не подавал ни каких признаков сострадания. Лишь изредка бросал на меня мимолётные взгляды, в которых я читала: «Ну ты даёшь, Змейка!». И только я жалела Жоржика. Да, он гавнюк! Он отличнc знал, что я сестра одного из гостей, но, как говорится, жадность фраера сгубила. Хотел по лёгкому срубить три штуки зелёных, а в итоге ни денег, ни зубов, ни здоровья. На ринге от ударов Князя в глубокий нокаут уходят мужики помассивнее, не то что этот пухляк метр с кепкой. Слава уже отбил физиономию Жоржа в фарш. Так и до коляски с подгузниками недалеко. И я больше не выдержав бессмысленной жестокости, кинулась оттаскивать брата. Он же в порыве гнева, резко развернувшись, занёс свой кулак.

Всего мгновение разделяло меня от много килограммового прилёта в челюсть, и пулей вставший между нами Кастет.

— Остынь, малой, — прохрипел он, схватив моего брата за запястье.

Слава замер, закрыл глаза и, тяжело вздохнув, опустил кулак.

— Сука! Ритка, ты чё творишь, а? — раненым зверем взвыл Слава и, пробежав по мне злющими глазами, расстегнул свою рубашку. — На! Прикройся! — швырнул мне в лицо.

Дважды повторять не пришлось. Только стянула края рубашки на груди, как брат хватает меня под руку и волочет на выход. Сопротивляться и звать на помощь бесполезно. Да, и единственное что меня сейчас волнует, это чтобы Слава не рассказал маме про стриптиз-клуб. А ещё я ужасно испугалась, что брат действительно мог меня ударить, и только заступничество Паши остановило его. Мой близко знакомый мужчина, кстати, шёл позади нас, держа пистолет наготове. На случай, если кто-то из охраны всё-таки решит поиграть в супермена.

Ну что такого я сделала? Танцевала стриптиз. И что? Это же просто танец. Я же не занималась проституцией, как Лика. Вот чего Славик бесится? Сидит на переднем сидении внедорожника Кастета, а я за рёвом мотора слышу, как сопят его широко раздувающиеся ноздри. Сжал ладони в кулаки, и упёрся сбитыми костяшками в панель. Да и аура от него исходит напряжённая. Кажется, вот-вот и брат взорвётся новым приступом ярости. Только в этот раз отгребу я, как виновница его зверски плохого настроения.

Паша тоже хорош. Убрал пистолет за спину, и спокойненько крутит руль. Не чё себе нервишки у бандита. Пряма сталь, а не быстро выгорающие стрессами нейроны.

Про нервы я немного знаю. В книжке читала, если что.

А вот мой братик, похоже, так стрессанул, что в раз лишился миллиона нервных клеток. И все они находились в мозгу. Отвечали за коммуникацию с себе подобными особями. Жоржика избил до полусмерти. А, может, и убил. Когда мы уходили, бедолага признаков жизни не подавал. Меня хотел прибить.

Меня прибить?! Шизик! Ладно, это всё цветочки. Не прибил же. Паше Кастету спасибо. Теперь самое страшное. Не дай бог, Слава заикнется маме, что я работала в стриптиз-клубе. Вот она-то меня убьёт. Нет. Для начала устроит грандиозное скандалище, а потом кинется на меня с яростью питбуля. Даже вовремя забаррикадировавшаяся дверь в спальню не станет для неё преградой. Наверно, для мамы мой стриптиз и расставание с Алехандро станет последней каплей в чаше её терпения. Хотя, нет. Последняя капля как раз сидит напротив меня и хитренько ухмыляется. Вот мой перепахон в отеле с Кастетом маму и доконает. Надо как-то отсрочить эту расправу надо мной, и желательно информацию про мои танцы нагишом тоже придержать.

Но, посмотрев ещё раз на по-бычьи сопящего старшего брата, я с видом паралитика сглотнула слюну. С ним сейчас не резон разговаривать. Сорвётся, не дай бог. Но перспектива скандальчика с мамой угнетает в разы больше, чем оплеуха от Славика. Так и быть — рискну! К тому же, если что, Паша заступится. И наш с братом разговор не скатится до типичного мордобоя.

Какого, блин, мордобоя?! Славик же не тиран какой! И насколько я осведомлена, ещё ни одна девушка не жаловалась на побои. Все друженько вздыхали о его страстной любви, а не о пристрастиях к БДСМ. Слава добрый, хороший и спокойный... сама себя мысленно настраиваю на мышинный писк в сторону брата, и тут же в цепочке из синонимов появляется жирнущая точка «БЫЛ». Мой брат был таким до того, как помацал меня полуголую в стриптиз-клубе. Сейчас милый Славик ядерная бомба с нестабильным детонатором. Любое шуршание с моей стороны и БАМ! Я труп. Но мама хуже...

— Слава, — тихонечко пропищала его имя.

Тишина. Повторяю свою попытку.

— Ну, Славочка. Ты обиделся, да?

Он задерживает на минуту дыхание и, поиграв нервно челюстями, шумно выдыхает. Молчит, будто ничего не слышит. Вот псих! Но, не будем делать резких движений. Продолжим в том же щупающем темпе. Не кричит и то ладно.

— Слава, я плохая, знаю, — почти всхлипываю для большей убедительности своего раскаяния. В зеркало дальнего вида специально не смотрю. Там Паша, просто угорает надо

мною, едва сдерживая булькающие в горле смешки. — Я очень плохая. Очень-очень плохая дочь, но ты только маме не говори. Она расстроится. А ей сейчас нельзя расстраиваться.

— Расстраиваться нельзя?! — резко развернувшись, рывкнул брат и уставился на меня огнемечущим взглядом.

Правда, один глаз нервно подёргивался. В другой ситуации, я бы улыбнулась, но не в этой. В этой меня прям в спинку сидения от страха вжало! Перебор. Надо было ещё немного помусолить тему с моим плохим поведением и не вспоминать про маму. Славик типичный маминькин сынулька. В хорошем смысле этого слова. Мать для него святое! А я гадина вечно расстраиваю маму.

— О матери вспомнила?! А когда голой жопой вертела перед мужиками, вспоминала?! — заорал во всё горло брат, чуть ли не перевалившись на меня через разделяющее нас сидение. — Маме, блядь, не говори?! Тебе, что бабла мало?! Голодаешь, тварь неблагодарная?! Сукаааа! Да у меня встал на тебя!!!

Закричал Слава и, как саданул кулаком в спинку сидения. Прям рядом с моим левым ухом. Меня на мгновение даже оглушило то ли от его медвежьего рёва, то ли от ударной волны. Брат столько злости вложил в этот удар, что в кожаном сидении образовалась вмятина.

— Но, ты же не знал, что это я, — с осторожностью промямлила, хлопая испуганно ресницами, как в лучших ретро фильмах. Ну, где ещё крупным планом глаза в кадре. — Не считается.

— Что? — с растерянным удивлением переспросил брат, округляя глаза. — Ты сейчас серьёзно? Или прикалываешься?

— Слава я...

Открываю рот, чтобы сморозить ещё подобную глупость, но брат, хрневший от предыдущей, медленно возвращается назад на своё сидение.

— Тормозни, я выйду, — говорит он Кастету.

Тот притормаживает на обочине рядом с городским пляжем, и Славик выходит. Я бросаюсь за ним. Хватаю его за руку, а он, ничего не говоря, отмахивается от меня, как от назойливой мухи. Я повторяю свою попытку снова и снова, но брат никак не реагирует и с потерянным видом бредёт к накатывающим на берег волнам. Уже не выдерживая такого пофигизма Славы, наклонившись беру горсть песка, и бросаю ему в спину. Знаю, совсем по-детски. Ну, хоть так привлеку его внимание!

— Вы достали меня! Достали, ясно?! Ты и мать! Теперь ещё и этот сопливый Студент! Вы вечно лезете в мою жизнь! Вечно всё решаете за меня! Я что маленькая?! Я взрослая Взрослая! — кричу замершему на месте брату.

А что ещё мне оставалось делать? Только вопить, как всё достало. Вся моя сознательная жизнь идёт по указке мамы и брата. Ну, как по указке? Мама сказала, а брат поддержал. А я? А я должна подчиниться. Мама хотела, чтобы я изучала углубленно иностранные языки и оплачивала мне репетиторов. О моём желании посещать танцевальную студию даже слышать ничего не хотела.

— Ещё чего удумала?! Танцульки в жизни не пригодятся! — заявила она, когда я предложила компромисс. Три раза в неделю занимаюсь языками, а по выходным посещаю студию.

Потом под конец школы мама с чего-то решила, что мне необходимо поехать учиться в Польшу. Их образование видите ли признаётся в цивилизованном мире, а наше нет. А так

как далеко отпускать меня не хотела, самый лучший вариант — это какой-то Варшавский университет. Там у неё и связи имелись. Так что давай, Рита, собирайся к ляхам*. Не хочешь? А это уже твои проблемы. Мать приняла решение, что лучше для её дочери. Она и кандидатуру Тима одобрила только на время, пока мы были в Витебске. Соберись я за него замуж, мама уперлась бы рогом и сорвала эту свадьбу. Тим был хорош только потому, что у него родители не какие-нибудь проходимцы с голодранцами, а при должностях! А потом Великой Княгине прищемили хвост за её криминальные махинации и наша жизнь круто изменилась. Всё в Польшу не надо, мы едем на Карибы! А ты, Риточка, иди работай в центр помощи морским зверюшкам. Там доктор такой миленький! Вот тебе в самый раз.

Не хочешь?! А что хочешь? Танцы?! Нет! Пошла клизмы черепахам ставить и поносы попугаям лечить!

И брат маму поддержал. Сестре нужно чем-нибудь заняться, чтобы времени на всякую хрень не было.

Достали! Ей богу, как они меня достали! Сейчас я, озверев от собственной зависимости и безысходности, наброшусь на маминого любимчика. Вот у него не жизнь, а сказка! Полная свобода во всём. Вездесущая мать ни разу не запихнула нос в дела Славы. А он, на минуточку, по уши барахтается в дерьме под названием криминал! Где, твою маковку, справедливость?! Где она?! Ааааа! Мысленно воплю белугой.

— Взрослая? — повернувшись ко мне лицом, просипел брат. — Это когда ты стала взрослая, Рита? А, наверно, в те моменты, когда звонишь мне вся в соплях, умоляя решить твои проблемы. Тогда ты взрослая, да?!

— А ты мне теперь всегда будешь вспоминать Риккардо? — всхлипывая, спрашиваю я.

— Пока не поумнеешь! — рявкнул Слава, дёрнувшись чуть вперёд.

Я тут же отскочила. Страшно стало. Брат прям разрывало на части от заново вскипающей ярости. Глаза наливались кровью, когда он смотрел на меня в упор.

— Взрослые люди решают свои проблемы сами, а ты их только создаёшь, но не решаешь! — сипит он, наступая. — Ты хоть понимаешь во что могла вляпаться сегодня? Понимаешь? Танцорка, блть!

Синхронно пячусь от наступающего разъяренного брата и верчу головой. Я же просто танцевала в клубе и ничего плохого не делала. Стриптиз — это не проституция. Это просто танец. Красивый наполненный эротикой танец.

— Мы тебя купили, Рита. Купили не выкрутасы на палке посмотреть! Купили трахнуть! Или ты думаешь, что мужики бабки платят, чтобы на девку голую попятиться в этой вшивой богадельне? Сначала я тебя, — он осекся, словно боясь произнести это страшное теперь для него слово, поджал губы, тяжело задышав. И когда более-менее успокоился, продолжил посвящать меня в тайный мир мужских развлечений. — А потом Кастет, — кивнул брат на Пашу, сидящего в машине. — А, может, и вдвоём. Сразу. Я, вообще, Анжелику ещё хотел, но она уже кому-то в соседней комнатенке отсасывала.

И тут от одного только упоминания о Лике и чем она занималась с посетителем, Славу совсем понесло. Глаза загорелись такой свирепостью, что у меня душа упала в пятки. Отступаю, а ноги свинцовые. Ну, это понятно! В них же душа отсиживается, пока тучи сгущаются над головой. Высоченная и накачанная туша брата нависает, чуть ли не заставляя меня прогнуться мостиком, чтобы не упустить из виду озлобленную физиономию Славы. Это на случай, если он снова замахнется на меня. Попытаюсь не пропустить и увернуться. Паша здесь уже не поможет. Далеко.

Но боковым зрением замечаю, что новый партнёр брата всё-таки засуетился, почуввав неладное. Вышел из внедорожника, устремив на нас свой озабочено-бегающий взгляд.

— Слава, я только танцевала, — трусливо проскулила я, даже не рыпаясь.

— Танцевала, — зловеще прохрипел брат, и схватил меня ладонью за лицо, больно вдавив пальцы глубоко в щёки. — Ты только танцевала, но мы не только смотреть пришли.

— Слава, я всё поняла, — и слёзы потоком хлынули из глаз.

Страшно. Господи, как мне страшно. Впервые, я до нервной колотушки боюсь родного брата. Боюсь так, что желудок готов вот-вот вывернуться наизнанку. А Слава держит меня за лицо, борясь с желанием придушить непутевую сестру.

— Э, Князь!

Летит соловьём в мои уши спасительный голос Паши. Решил всё-таки вмешаться в семейные разборки и так вовремя! Ещё чуть-чуть и моя челюсть треснула бы под прессом жилистых пальцев брата.

— Князь, слышь? Ты это дома хоть прибей сеструху, но при мне девку не тронь! Не люблю я насилия!

Насилия он не любит. Ага, как же! Но на брата подействовало. Славик разжал пальцы и отступил. Щёки тут же закололи огнём от резкого притока крови. Не удивлюсь, если завтра в зеркале замечу сине-зеленые следы от нежной хватки брата.

— Кастет, довезешь Ритку до дома? — всё ещё пристально смотря на меня, спросил у Паши брат, и, не дождавшись утвердительного ответа, прошептал. — А я прогуляюсь.

— Не вопрос! — без особой радости буркнул Паша, смяв только что подкуренную сигарету.

— Слава, — позвала я умоляющим голосом.

— На хр пошла, — рыкнул он в ответ и, поджав зло губы, заиграл желваками, тем самым демонстрируя, что разговор между нами окончен.

Спорить в это раз я не отважилась. Как говорится, я девка рисковая, но не самоубийца. В том состоянии, в котором прибывает мой брат, его лучше лишней раз не раздражать своим присутствием, а то мало ли чем это может закончиться. Ведь реально убьёт. По глазам вижу, что моя жизнь висит на волоске Славкиного изрядно потрёпанного сегодня самоконтроля. Домой, значит, домой. И медленно пятясь спиной к ждущему меня Кастету, я с покорностью восточной женщины опустила глаза.

Доигралась, дура.

Наверно, у каждого мужчины есть грань, которую он старается не переступить. Ведь нарушив её границы, он уже никогда не будет прежним. А я едва не стала для родного брата этой страшной причиной, по вине которой в нём почти пробудился настоящий монстр.

Лях* — поляк.

Мой самый худший день. Нет. Вечер. Меня разоблачили, сорвав так любимую мной маску. Вообще, у человека в социуме сразу несколько масок, которые он примеряет в зависимости от его окружения и ситуации. И я не исключение. До сегодняшнего ЧП у меня была маска роковой красотки Марго. Теперь же я снова стерва Ритка. Младшая сестра удачливого во всём и уважаемого в городе Князя, а ещё любимчика маменьки.

Пфф... брат обиделся и, похоже, серьёзно. От смерти в лапищах разъяренного Славы меня спасло лишь присутствие Кастета...

Кастет... Паша... Мой желанный мужчина стоит возле внедорожника, приоткрыв дверь, и с уже знакомым прищуром смотрит на меня, медленно проползая взглядом с ног до головы. Улыбка сдержанная. Не то полная сарказма ухмылка, не то оскал разочарованного мужчины. Девчонка, с которой он провел незабываемую ночь (я надеюсь), не кто иная, как дочь его обожаемой Княгини. И он пытается скрыть за натянутой улыбкой свою злость на меня, на себя, на Князя, на НЕЁ... Мою мать. Ведь то, что между нами было ещё сильнее отдалило Пашу от любимой женщины. Ни на минуточку не усомнюсь, что мою мать от всё-таки любит. Или любил... Но в любом случае у Кастета остались глубокие чувства к разбившей его сердце Княгине.

А я...? Я была лишь приятным времяпровождением, о котором Паша вспоминает с содроганием. Ведь в отличии от брата, я разбудила в душе Кастета настоящую звериную сущность. И уже не важно, что эта страшная сущность всегда была его вторым Я. Его суперэго. И до встречи со мной Паша с ним был в ладах. Держал под контролем. Со мной же спустил дикого зверя с поводка. Теперь вот пытается переосмыслить всё то, что было между нами, и очертить новые красные линии, через которые, скрепя зубами, постарается не переступить. Но надолго ли хватит его терпения?

Подхожу ближе. Холодный свет луны плохо скрывает истинные чувства Паши даже под толстый слой наигранного равнодушия. Синие глаза уже со знакомым мне прищуром горят вожделием. И какую бы маску он не нацепил на своё лицо, эти зеркала души всегда будут на моей стороне. Хочет. Господи, как же он жаждет меня. А там где есть жажда, будет и утоляющий её родник.

— Ну, что, красивая, поехали кататься? — говорит Паша уже знакомую мне фразу, подавая руку.

Мне бы ответить взаимностью и помочь его желанию вырваться наружу, но я фыркаю и демонстративно прыгаю на сидение внедорожника. Мол, сама могу себе помочь! Я же взрослая. А когда Паша сел рядом, ещё и твякнула, но вполголоса, чтобы брат не услышал:

— У брата встал, у тебя не встал, а виновата я. Да?

Паша поворачивает ключ зажигания и, глубоко втягивая воздух в лёгкие, нажимает на сцепление. Машина плавно трогается с места. И, уже вырывая на дорогу, Паша без злости тихо говорит:

— У меня, Змейка, на тебя и не опускался. Вредная ты, девочка. Ай, какая вредная, — бросает беглый взгляд на меня, который на мгновение застывает где-то в районе лобка. — Так ты у нас Княжна?

По интонации слышу, что вопрос больше для того, что отвлечься от нахлынувших воспоминаний, чем для уточнения моего родства с его ненаглядной Княгиней. И тут же

черная ревность зацарапалась дикой кошкой в груди. С матерью сравнивает? Ничего похожего Кастет не найдёт. Я и Она абсолютно разные. Мама бизнес леди с хваткой питбуля, а я избалованная стерва с запросами мальтийской болонки. И да, я самокритична, но свои ошибки публично никогда не признаю. Пусть Земля разлетается на атомы, я буду стоять на своём.

Поворачиваюсь к нему, и делаю вид, что в душе не понимаю о чем это он. А для большей убедительности, сдвигаю бровки к переносице. Изображаю недоумение. Но, похоже, это у меня плохо получается, раз Пашу это веселит. Его усмешку я и в полумраке смогу разглядеть, а тут целая луна мне в помощь.

— Ну, как, Змейка? Мать Княгиня, брат Князь, а ты, стало быть, Княжна, — и громко цокнув, заворачивает нос. — Вот только папаша не вписывается в вашу титулованную семейку.

Мой слух тут же режет сарказм приправленный острой ревностью. Бесит Пашу мамин муж. Он и меня бесит, но моё-то раздражение понятно. Дочь недолюбливает отчима. А вот с Кастетом другая история. Неразделённая любовь к замужней и от того неприступной женщине. Хотя, про мамину неприступность я бы промолчала. Отцу она как раз таки рожки наставляла всё с тем же Студентом. Отношения с Кастетом у меня пока под вопросом.

— Вписывается холуем, и у них всё хорошо, — бурчу я, надувая губки и отводя глаза в сторону.

Не хочу, чтобы он видел в них смятение. Мне очень больно. Задыхаюсь от переполняющих меня противоречивых чувств. Хочется и плакать, и смеяться, и кричать. Но больше всего в эти самые моменты мне хочется сбежать от него. Ведь где-то там в душе всё ещё теплится надежда, что сотни километров вполне способны защитить моё сердце от любви к нему.

Кто мы мог подумать, что я стану пленницей, всего лишь, одного взгляда, утонувшего в его синих глубокий очах, и одной безумной ночи, разделившей мою реальность на до и после. Где «после» уже не имеет смысла без НЕГО. Я, словно, наркоманка в поисках кайфа. И мой кайф — это Паша Волков. Он же бандит известный в криминальных кругах как Кастет. Он тот, чьи люди переломали моему отчиму все рёбра. Олеженька после общения с ними ещё месяц харкал кровью. И он тот, от кого моя мать бежала, сломя голову в страхе оглянуться и увидеть ЕГО тень.

Господи, мама спасалась бегством от Паши, а меня, словно магнитом, тянет к нему. Ну, что со мной не так? Почему рядом с таким опасным человеком я так свободно дышу? И только ревность к собственной матери омрачает мою наполненную жизнью эйфорию. Неужели, это и есть любовь? Или я в очередной раз так жестоко обманулась?

— Ну холуем он к вам и вписывается, — повторил за мной Паша, резко свернув с дороги под зелёную арку из местной флоры.

И так же резко затормозил, что меня хорошенько потрянуло, возвратив мне хоть какую-то ясность ума. Но возмутиться его манерой вождения мне было не суждено. Только открываю рот, а на меня уже напирает Кастет.

— Ты видела меня тогда, когда я приходил к твоей матери? — спрашивает он, стараясь себя контролировать, но пульсирующая венка на его шее выдаёт всё волнение от нашей близости.

— Видела, — киваю, и словно замороженная смотрю ему в глаза.

В лунном свете они кажутся ещё притягательнее и глубже, будто самая недостижимая

бездна океана. И я тону в ней лишённая сил даже к малюсенькому сопротивлению.

— Видела и всё равно поехала со мной тогда, — шумно выдыхает он, обжигая горячим потоком воздуха моё лицо, тянется ладонью к щеке. Коснувшись её, поглаживает по коже большим пальцем. — Змейка, ты же знаешь кто я? Зачем? Зачем, девочка?

Его зрачки расширяются, пульсируя в такт нашим сердцам. Вот сейчас самое время прервать этот разговор долгим поцелуем, а не молчать, давя в себе зарождающееся желание. И голос... Господи, в его голосе столько разочарования и боли, что я готова зарыдать, лишь бы не слышать это. Неужели, Паша сожалеет о ночи проведенной со мной? И сейчас, вместо так желанного мной поцелуя, начнет объяснять почему нам больше нельзя так любить друг друга. Всё ошибка. Ошибка, совершив которую Кастет утратил последнюю надежду добиться своей ненаглядной Княгини.

Может, для него это и ошибка, но не для меня. Ловлю так желанный для меня момент. И, когда глаза желанного мужчины падают на мою слегка прикрытую рубашкой грудь, специально разжимаю пальцы. Края медленно расползаются от учащённого дыхания, оголяя уже вставшие торчком соски.

— Знала, знаю, и всё равно хочу, — шепчу я, томно выдыхая каждое слово.

А ещё знаю, что, как бы Паша не жалел о случившемся, он уже не в силах остановиться. Такова природа мужчины: за возбуждением всегда должна следовать разрядка.

Я ощущаю этого мужчину на каком-то подсознательном уровне. И мне даже не нужно касаться его, чтобы почувствовать как велико желание Паши. Вон опять же синие глаза любимого мутнеют от страсти. Он ещё ближе придвинулся и, наклонившись, еле слышно прошептал мне на ухо:

— Что же ты делаешь со мной, Змейка?

— А ты? — беззвучно шевелю губами и, подавшись немного к нему, обвиваю крепкую шею руками.

И словно по щелчку пальцев, всё отходит на второй план. Нет больше запретов. Надуманных линий. Нет больше ничего того, что разделяет нас. Есть только Я, только Он и наше ЖЕЛАНИЕ быть единым целым в этом мире.

Рот Паши накрывает мой, жадно поглощая его, пробиваясь влажным языком к моему языку. Найдя друг друга и соприкоснувшись, они словно два пламени сплетаются в играющем танце.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

А воздуха всё равно не хватает. Голова кругом, но я продолжаю отвечать на самый страстный и долгий поцелуй в моей жизни. Пусть лишусь чувств, но лишусь их в сильных руках любимого мужчины. В тех самых руках, что рвут рубашку с моих плеч, ползут по телу обжигающим вихрем к трусикам и, с треском сорвав их, швыряют куда-то в темноту тропических кустов. Потеря ещё одних трусов меня сейчас мало заботит. Всё моё естество пульсирует лишь одним желанием по-быстрее ощутить мощь Паши в себе. Невыносимая мука ожидания! Никогда не могла похвастаться особым терпением, а в эти мгновение и подавно. Так что не дожидаясь положенных прелюдий, расстёгиваю ширинку и, запустив в неё ладонь, достаю налитую сталью плоть. Глухой мужской стон срывается в ночную тишину, когда я медленно насаживаюсь на его член и начинаю постепенно увеличивать темп.

Господи, рядом с Пашей куда-то исчезает всякий стыд. И все эти бредни о девичьей скромности уже не имеют никакого значения. А стоит ему меня коснуться, как во мне

просыпается женщина. Роковая и до безумия страстная. И ей всё мало, мало и мало! Она жаждет больше, резче, острее любить его. Хочет экстаза неполного настоящим иступлением, когда обострены все чувства и ты паришь выше облаков.

Ещё несколько резких, сильных движений, и пальцы Паши, клешнями впившись в мои ягодицы, зафиксировали бёдра как можно теснее к своим. Сквозь захватившую моё тело эйфорию, я ощущаю содрогание его плоти внутри меня и ещё сильнее прижимаюсь к любимому. Всё что происходит между нами продиктовано самой природой и вполне естественно. Мы оба потеряли контроль, забыв про последствия такого соития. Ни Паша, ни, тем более, я не предохранялись. Да, и какие к чёрту презервативы, когда от источающихся друг от друга феромонов напрочь сносит башку?

Если я ещё прибывала в томительном забвении от встряхнувшего моё тело оргазма, то любимый быстро пришёл в себя.

— Старею, — прошептал он, уткнувшись лицом мне в грудь. — Ты таблетки какие-нибудь пьешь?

Вопрос поставивший меня в тупик. Таблетки? Противозачаточные, что ли? Зачем? Зачем травить свой организм, когда нет постоянного и проверенного партнёра? Только презики. А тут... Чёрт! Он кончил в меня! И мозг сразу включается в работу. Так безопасные дни. Овуляция была? Вроде, да. И до следующих женских дней осталось где-то неделя. Может, пронесет? А, может, и... Твою мать! Меня накрывает паника. Детей я точно пока не планирую. И замуж не собираюсь. Стоп! Какое на хр замуж?! Мама убьёт, когда узнает кто отец её внука. И Паша... он... Он, вообще, женится на мне?

Отстраняюсь от потенциального папаши своего пока ещё надуманного ребенка, и выпадаю в осадок. Дети Паше точно не нужны, да и я в том же прицепе лишнего в его жизни хлама. Так гормон разогнать по венам, трахая молодую девку. Свадьба, походу, отменяется, но моё убийство вряд ли. Мама меня прибьёт и даже мокрого места не останется. Кастета кастрирует. Ну, хоть в этом есть какое-то для меня удовлетворение. К другим девкам больше не пришвартуется. Якорей не будет.

— Так пьёшь таблетки или нет? — уже серьёзно спрашивает Паша, отсаживая меня обратно на своё место.

— Пью, — машинально лгу.

Привыкла уже говорить всё с точностью да наоборот. Так что ложь стала моим вторым Я.

— Ну, что за нахр, Змейка? Ничего ты не пьёшь, — раздражается Паша, суетливо заправляясь и даже не удостоивая меня взглядом. — Дежурная аптека здесь есть?

— Зачем?

— А затем, чтобы орущих ублюдков не плодить, — и посмотрев на меня, зло бросил. — Прикройся!

Такая грубость Паши стала для меня полной неожиданностью. Мужчина, которого я желала всем своим существом, вдруг круто изменился. Не было больше того улыбчивого Паши Волкова, передо мной предстал настоящий Кастет. Тот, чье имя в некоторых кругах столицы боялись даже произносить, не говоря уже о встрече с ним.

Как-то я подслушивала разговор мамы со Студентом, и она как раз говорила про её бывшего партнёра по чёрному бизнесу. Со слов матери, Кастет правая рука некоего Хозяина. Человек лишенный всяких угрызений совести, жестокий убийца и моральный урод. Но при всех его сомнительных заслугах не без своеобразного кодекса чести. Женщин не бьёт. Но это

Кастет не бьёт, а его люди? Вот здесь и загвоздка. У мужчин его рода занятий две оборотные стороны.

Паше не нужны дети, не нужна любящая девушка, не нужна семья. Его интересует только физическая сторона отношений с противоположным полом. Если это правда, тогда почему он так тоскливо смотрел на мою мать? Ей бы Паша тоже сказал про на хр не нужных ублюдков? Сомневаюсь. Мама не та женщина, которой он осмелился бы о таком даже намекнуть. Так обидеть можно только меня.

Пожаром разгорающаяся во мне досада застилала слезами глаза. Надев рубашку, я принялась за пуговицы, но чёртовы кружочки никак не хотели пролазить в петлицы. А всё потому что руки дрожали! Я плакала. Нет, сдерживала рыдания, подкатившие к горлу горькой обидой. И эти потоки слёз всё льются и льются! Психанув на последней пуговице, я принялась вытирать щёки ладонками, совсем по-детски размазывая слёзы по лицу. Не каждый день узнаешь, что от тебя детей не хотят. Даже не детей! Для Кастета наши малыши не кто иные, как ублюдки.

— Где аптека? — сухо спрашивает Паша, выезжая на главную улицу в старой части города.

— Там за углом, — всхлипывая отвечаю.

Паша притормаживает, не доезжая до поворота, и останавливает машину. Поворачивается ко мне.

— Рита, ну на хрна тебе дети? Ты сама ещё ребёнок. Жизни ещё не видела, а тут кричащий спиногрыз в люльке, требующий сиськи. Кстати, сиськи у тебя отвиснут, на жопе целлюлит с растяжками будет. Змейка, оно тебе надо? — уже более мягче начинает говорить Паша, пытаясь мой примером объяснить своё нежелание стать отцом и где-то даже оправдаться. — А я? Рита, ну какой я батя? Ещё лет десять и в сморщенного деда превращусь. Да, ты и сама через год такой жизни завоешь. Я ж, Змейка, совсем не семейный мужик. Я с бабами долго не уживаюсь. Я с ними только... — на секунду оборвал он свой монолог. — Ну ты понимаешь, что я с вами делаю. Сопли, бутылочки, подгузники, трах по праздникам, жена в ляпистом халате на кухне и минивэн не для меня.

— У меня нет ляпистого халата, — хлюпаю я носом.

— Ну вот тем более, — со вздохом сказал Паша, потянувшись ко мне, чтобы обнять.

— Нет, — запротестовала я, отсаживаясь ближе к двери.

— Ну чё опять? — насупившись спрашивает он, но не сбавляет напора. — Мы же всё только что обсудили. Никаких детей.

Я выставляю руку в попытке охладить его порывы успокоить меня. Слёзы тут же высохли и на смену им пришла злость. Мы всё обсудили?! Он всё решил! И в его решении местоимение «мы» даже не мелькало. Достала уже эта дискриминация! Что мама с братом, что теперь ОН. Все решают, что будет хорошо для меня, но при этом не спрашивая: «Рита, а как хочешь ты?». Я ведь маленькая, глупая и безответственная. А как взрослеть, когда меня так заботливо ограждают от взрослой жизни? Ну, уж хватит! Я сама решу быть мне матерью или нет. Это моё тело, а, значит, моё дело, где там будут растяжки с целлюлитом. Да, и вообще, у мамы что-то ни где ничего не отвисло. И с упругостью задницы тоже всё в порядке. На пляже в открытом купальнике щеголяет даже с пузом. И у меня будет так же. Тут главное, не разожраться до размеров слонopotама.

— Не мы обсудили, а Я решила! — злобно зашипела я, чуть ли не выламывая дверцу внедорожника.

Идиотская ручка не хотела поддаваться. И рванув со всей силы, я наконец открыла её. Выпрыгнула из внедорожника и ринулась со всех ног в направлении аптеки.

— Деньги возьми, Решала! — выкрикивает мне вдогонку Паша.

Ах, да точно! Я же гол, как сокол. И это в прямом смысле. Все мои вещи, включая сумочку с кредитками, остались в гримёрке стриптиз-клуба. Так что здесь без гордости придется обойтись. За слёзки мне в аптеке таблетки экстремальной контрацепции не дадут.

Резко разворачиваюсь и шурую обратно, а Кастет уже сидит с протянутым бумажником.

— И ни в чём себе не отказывай, — без улыбки, но насмешливо говорит он, давая мне свой увесистый кошелёк.

— Само собой, милый! — рявкаю в ответ, и напоследок чуть ли не плюю сарказмом. — Тебе презиков S-ку взять, да?

— Ох, и стерва. Вся в мамашу. — Поняв мой намёк, без злости сказал Паша и разжал пальцы, отпуская края бумажника.

Стерва? О нет! Я намного хуже. Просто милый мой, Пашенька, ты меня ещё совсем не знаешь. Но ничего у нас целая жизнь впереди. Познакомимся.

Всю дорогу домой мы ругались. Правда, если быть точнее, ругалась я, пытаюсь хоть как-то зацепить Пашу, а он, не обращая на меня никого внимания, крутил руль. Не выдержав такого игнора своей драгоценной персоны, я назвала его «петухом». Вот тут Паша среагировал. Резко дал по тормозам, остановил машину и, ни слова не говоря, вытащил меня на тротуар. Сев обратно, развернулся и уехал, оставив меня одну посреди плохо освещенной улицы.

Это по-началу мне показалось, что Паша уехал, но оглядевшись по сторонам, я заметила его внедорожник за поворотом. Он, выключив фары, наблюдал за мной. Ну, мало ли я опять во что-нибудь вляпаюсь?

Рыдать и жалеть себя несчастную перехотелось. Громко выругавшись в его адрес, и до полного своего удовлетворения показав средний палец затихорившемуся Кастету, я гордо зашагал в направлении дома. Паша же с выключенными фарами тихо поехал за мной. Провожатый, блин! Дойдя до пункта назначения, я до кучи подразнила его, по-детски высунув язык. Ну, а потом, как бы мне не хотелось со всего размаху ляпнуть дверью, показывая всё своё «фи» Пашеньке, сбавила обороты. Чувство самосохранения притупило задетую гордость.

Не дай бог, мама проснулась бы и увидела меня в таком полуобнажённом виде, да ещё в рубашке брата! Простым ответом: «ничего», я бы не отделалась. Так что пришлось тихонечко закрыть дверь и на цыпочках красться в свою спальню. А там уже, уткнувшись в подушку, голосить в три ручья.

Вот так и уснула лицом в подушке, жалея себя бедную и несчастную, всеми не понятую и покинутую. Хм... Всклипнула от горя.

Моё пробуждение принесло мне ещё один неприятный разговор.

Проснулась резко. Будто обухом по голове получила. Но с постели сразу не подорвалась, и, не открывая глаз, пыталась кожей поймать пристально-блуждающий по мне взгляд. Чьи-то глаза медленно изучали моё тело, ползая по ногам, бёдрам, ягодицам... В общем, по всему, что было открыто для их обзора.

Лежу и думаю: «Кто так смотрит?». А тут ещё вспомнила, что на мне со вчерашнего вечера только рубашка брата и больше ничего. Я не укрывалась одеялом.

Да, блин, какой одеяло?! Я лежу перед кем-то в кровати считай с голой задницей, и это не мать! Если бы это была родительница, то моё пробуждение было не таким тихим. Она сразу заорала, где я была и почему в таком виде.

Олег? Нет. Этот без стука в мой будуар не входит.

Малая сразу выпадает из списка подозреваемых. Мирка бы с разбега прыгнула на меня спящую, а не пялилась на старшую сестру.

Остаётся два кандидата. Брат и... он.

Слава? Да, нет! Он брат. Его глаза никогда так пристально не рассматривали меня. Но это было до вчерашнего вечера. Нет! Нет! Нет! Это не Слава.

Тогда Кастет? Что за бред? Паша сюда бы так просто не пробрался. Хотя... он бандит и вряд ли для него существуют какие-либо преграды.

Сглотнув слюну в пересохшее от волнения горло, я всё же резко подорвалась, прикрывая краями одеяла филейные части своего тела. И устремив глаза на незваного утреннего гостя,

застыла в ужасе.

Брат!

В моей спальне был Слава. Он сидел в кресле напротив кровати. На одном колене у него лежала моя одежда, на другом сумочка, которую он придерживал ладонью, чтобы не упала. В серых глазах брата, продолжающих блуждать по мне, не было никаких эмоций. Разве что холод.

От брата реально веяло таким холодком, что моя кожа за мгновения покрылась гусиной, а сплит-система работает в режиме комфортной температуры. Так что морозило меня не от сбоя в технике. Тут же захотелось с головой укутаться в одеяло, только бы спрятаться от серых глаз Славы. И это не стыд. Я нутром почуяла, как изменилось отношение брата ко мне после вчерашнего. В нём словно что-то надломилось. И это что-то выворачивало наизнанку всю Славкину сущность. В нём больше не было братской любви. Вместо неё в душе Славы образовалась черная дыра, постепенно заполняющаяся другими чувствами. И эти новые, непознанные и необузданные чувства пугали меня. Особенно, холодный, но так жаждущий собственную сестру взгляд.

— Слава, я... — подала я голос, всё ещё надеясь хоть как-то исправить то, чему стала причиной.

— Молчи, — с обидным бездушием процедил сквозь зубы он, и сжал челюсть так сильно, словно его пронзила острая боль.

И я молчала, опустив глаза. Боялась даже пошевелиться. А мой мозг с каким-то оцепенением блокировал возникающие в нём дикие картины предполагаемого развития событий. И до дрожи во всём теле, я гнала страшные мысли, как это быть с родным братом. Вчера я сама стёрла эту границу, а сегодня молюсь, чтобы Слава не переступил то, что делает нас братом и сестрой. А ведь кожей чувствую, с каким трудом он борется с собственными демонами, тянущими его в сторону первобытного греха.

Я ведь даже не смогу ему противостоять, если он сорвётся! Не смогу... А потом? Что будет с нами потом? Кем мы станем друг для друга?

Господи, что я наделала. И слёзы потоком хлынули по щекам.

— Хватит, Рита. Только не плачь, — шепчет Слава, как всегда не выдерживая моих слёз.

Его голос теплее. Такой родной и близкий. Хочется броситься в объятия брата. Прижаться к нему, как и раньше, в поисках защиты. Но я боюсь. Всё ещё боюсь саму себя. нового его и всего того, что страшной вспышкой мелькнуло между нами. Мы уже не дети. Давно не дети. И любое прикосновение, кроме братских утешительных объятий, как шаг в бездонную пропасть, из которой не будет пути обратно.

— Прости, пожалуйста, прости, — еле слышно тараторю я.

Наверно, впервые в жизни я искренняя в своих словах. Не лгу, не загибаю пальцы на удачу. Я признаю свою вину.

— Рита, — устало со вздохом говорит брат, будто ему что-то мешает, что-то сдавливает грудь, — ты представить себе не можешь, что я пережил вчера. Что я чувствую сейчас. И как мне больно, сестричка. Ну, в кого ты такая? В кого, Рита? В тебе столько глупости и безрассудства. Ты хоть понимаешь в какие опасные игры играла и с кем?

Боюсь ответить, и боюсь кивнуть. Боюсь, что мой малейший писк приведёт Славу в бешенство. А ведь раньше я даже и не предполагала каким жестоким он бывает. Всегда само спокойствие. Всегда уравновешен. А теперь? Теперь в когда-то родной теплоте я чувствую угрозу. Сильно-сильно зажмуриваю глаза и молчу.

— Ты думала, что просто танцевала? — продолжает брат. — Рит, у Жоржа просто не танцуют. Там все девки продаются. И тебя продали бы. Только я сказал: моя, не трогать. Я ж не знал, что ты сестра. Увидел, как танцуешь. Захотел, да всё некогда было. Приду — тебя нет, уйду — появишься. Вот и расходились наши дорожки до вчерашнего вечера.

Шумный вдох и почти со стоном выдох, режут меня по живому, но смелости поднять глаза на брата всё равно не хватает. А ему больно. И я уже всем своим естеством ощущаю эту боль, удавкой стягивающую мне горло, рыданием перекрывающую кислород.

— Там комната есть в подвале, — осекается на полуострове Слава, будто самому тошно от того, что сейчас он мне говорит. — Рит, там всё жёстко. Очень жёстко, понимаешь?

Жёстко? Как жёстко?! О чём это он? Поднимаю глаза и вижу все ответы на свои пока не заданные вопросы. Господи, я совсем не знаю своего брата. Нет. Я знаю Славу, но абсолютно не знаю мужчину сидящего напротив меня. За так родным сердцу образом старшего брата, вырисовывается настоящий хищник. Я даже не могу себе в полной мере представить эту комнату. Нет, я краем уха слышала о ней. Девочки шептались, но то что там происходило было скрыто за семью печатями. Лица тоже молчала. Да она и в лице менялась, если я задавала неудобные вопросы о... О том, кто клиенты в этой комнате и почему после них девочек долго нет.

— Что там? — еле шевелю губами, смотря на каменное лицо брата.

— То, что не каждая выдержит, — отвечает он. — Рита, особые клиенты Жоржа платят огромные деньги, чтобы там развлечься. Согласия у девок не спрашивают.

— И ты там был? — с осторожностью задаю так пугающий меня вопрос.

— Несколько раз.

Стало мне ответом, оборвавшим сердце куда-то в область желудка. Мой брат извращенец. Садист или мазохист? Но ведь и я не лучше. Тогда с Пашей. Это тоже выбивалось за рамки нормальности, а я кайфовала. И что мой брат тоже такой сумасшедший? Или жестокий? И не сорви он с меня маску, чтобы было? Они с Кастетом потянули меня в ту комнату, жёстко драть вдвоём? Да ну нафиг! Паша не такой. Стоп! Я и брата таким не считала, а он комнатки для садомазо посещает. Нервишки там щекочет, что ли? Вряд ли, хлеща девок плёткой будешь на расслабоне.

— Ты..., — еле ворочаются языком от шока. Не каждый день узнаешь о таких интимных тайнах родного брата.

— Я Лику туда заказывал. Она сама предложила. И было это по обоюдному согласию, — он запнулся, словно мысленно подбирал слова в своё оправдание. — Рита, но это со мной без особой жести, а с другими нет. Я знаю, что там происходит и кто постоянно пользуется этой комнатой. Ты туда не попала только потому что я запретил. А ещё торги отметил, — огорошил меня Слава.

— Какие торги? — округляю в недоумении глаза, но уже начинаю представлять себе невольничьи рынки колониальной Америки, и на душе сразу становится поганенько.

Дикость какая-то! Мы же живём в современном мире, где давно победили свобода, равенство и братство. Или все эти лозунги об идеальном обществе так и остались на уровне утопии? Похоже, я совсем не знаю этой жизни. Да, и как её познать, когда тебя укутывают от неё в кокон из постоянной заботы, ограждая от всего, что может навредить. Иногда я вырываюсь из искусственно созданного родными вакуума комфорта, чтобы прочувствовать все прелести свободы. Вот только из-за своей неопытности и вздорного характера вечно вляпываюсь в какое-нибудь говнище.

Твою ж мать! Хотела просто танцевать, а меня едва не выставили на торги. И снова спасибо брату. Отвёл беду своей заботливой рукой. Правда, есть один нюансик. Когда Слава покровительствовал мне, он в душе не знал, что за красotka вертит задом на пилоне. И вот маски сорваны. Девушка, которой он собирался овладеть — младшая сестра, но от этого желание брата не угасло. Оно продолжало теплящимся огоньком мелькать в серых глазах Славы, держа меня в каком-то затяжном напряжении. Вроде не злиться и говорит с привычной мне уверенностью, но голос низкий, хриплый, возбуждённый. И дыхание... Слава специально сдерживает его. Он сам страшится всего того, что с ним происходит.

— Торги, Рита. Кто даст больше, тот и хозяин, — и отвёл помутневшие от преступной страсти глаза. — Ну, что, сестричке, хочешь ещё там потанцевать?

Не хочу. Больше не хочу. Дотанцевалась уже, хватит. Шумно вздыхаю, боясь пошевелиться, чтобы ненароком не спровоцировать родного брата на воплощение в реальность его недавних эротических фантазий с Красоткой Марго. Всё-таки эта грань между нами размыта и, наверное, как прежде уже не будет никогда. Только бы её не переступить. Пусть потеряла свою чёткость, но всё ещё напоминает нам о вековом табу.

Грани, границы, линии, пропасть... Всё это лишь условные определения того, что нас разделяет. В реальности люди легко переступают через любой запрет. И только самые сильные способны противостоять искушению обрести настоящую свободу от морали, нравственности и законов. О всего того, что придумало некое наивысшее существо, чтобы хоть как-то упорядочить человеческую жизнь...

Я слабая, а Слава сильный. В нём есть нескгибаемый внутренний стержень. То, то делает мужчину мужчиной. То, что даёт его слову крепость алмаза. Но, в тот момент, мой брат не выдержал и позволил эмоциям взять над собой верх. Буквально в какие-то доли секунды Слава рванулся ко мне, схватив своей пятерней за затылок, притянул к себе. Притянул так близко, что я лишилась всякой воли к сопротивлению в его стальных объятьях. Его холодные серые глаза, пульсируя в такт моему испуганному сердцу, застыли на моих глазах. Желваки на челюстях брата нервно ходили, а тяжёлое горячее дыхание обжигало лицо. Слава напомнил мне вампира, вот-вот готового впиться в мои губы голодным поцелуем и до дна всю меня испить.

— Ты больше не будешь танцевать, и не будешь общаться с этой шлюхой Ликой, — дышал уже знакомой яростью брат, сдавливая болью мой затылок и запутывая пальцы в моих волосах. — И ещё, что за мужик избил парней убка Риккардо? И куда ты с ним ездила?

Моя подружка Лика была мне совсем не подружка. Это она предложила мне попробовать свой танцевальный талант у Жоржика. Знала тварь, что там происходит и нарочно притащила меня туда. С какой целью? А просто так. Не всё же таким, как она, страдать от мужской похоти. Не вышло. Князь наложил своё «право вето» на тело приглянувшейся ему Марго. Потом таскала меня в «Каракатицу», надеялась, что хоть там меня отымеют хором голодные до девок моряки. Опять облом. Хозяин бара не дурак. Видел меня всего один раз в компании Князя и губера на боях без правил и запомнил. Так что куда не кинется Лика Великий Комбинатор везде пролетает, как фанера над Парижем. Терпела бедняжка меня аж несколько месяцев, пока Риккардо не объявился. Подружка ему и слила ненавистную представительницу золотой молодежи. Ещё и выманить из безопасного района пообещала, что, кстати, сделала. На кидалась со мной в баре и свалила, типа, в сортир, а сама за углом наблюдала за своим маленьким триумфом. И опять все её планы по мокрому месту пошли. Нарисовался какой-то мужик и раскидал моих похитителей. Подружка в

глубокой печали. Лица моего спасителя не видела. Спиной к ней стоял. Машину тоже не разглядела. Темно было, да и быстро уехали. Расстроилась? Очень. Ещё больше расстроилась, когда Князь за вещами сестры в стриптиз-клуб заглянул и поволок в ту комнату полезное с приятным совместить. Мой брат далеко не дурак и откуда ноги растут сразу понял.

Лику жалко. Хотя, наверное, мне не стоит её жалеть, а кошки всё равно скребутся на душе, когда про неё вспоминаю. Она знала моего брата с не лучшей стороны и осознано пошла на эту аферу. Но, в данный момент судьба Лики меня мало волновала. Взбешенный не совсем нормальной ревностью брат требовал правды, а я небезосновательно боялась её говорить. Перебьют ещё друг друга! И я соврала. А что ещё мне оставалось? Сказать и трястись от страха, что в их разборках кто-то погибнет. Кто-то близкий. Кто-то любимый и... самый лучший. Я не могла потерять ни Славу, ни Пашу. Не могла. Вот и врала, задыхаясь от безысходности в руках чужого мне Князя, но такого родного старшего брата.

— Я не знаю его. Не знаю, Слава. Он просто помог мне и всё. Просто помог, — давилась я слезами, дыша через раз.

— Он был русский, — рычит брат, хищно прищуриваясь, будто так сможет распознать мою ложь.

— Нет. Просто знает наш язык, — продолжаю лгать, и набравшись смелости упираюсь руками в его тяжело вздымающуюся грудь. — Русский, украинец, поляк, болгарин. Кто угодно, Слава. Это мог быть кто угодно. Он просто довез меня домой и всё.

Глаза брата темнеют. И чтобы сломить моё сопротивление, он резко прижимает меня к себе. Ещё никогда мы не были в физическом плане настолько близки друг к другу, как в эти опасные мгновения. Его губы почти соприкоснулись с моими. Ещё чуть-чуть и он бы поцеловал меня, но какая-то невидимая сила отогнула эти противоестественные порывы. Слава грубо швырнул меня на кровать, и по-бычьей дыша медленно отступил к двери.

— Я ничего не скажу матери про твои танцы нагишом, — давясь словами, заговорил он, — но и ты помалкивай.

И вышел.

О чем мне следует помалкивать, я уже поняла. Да, и как вообще, можно заикнуться о резко возникшим нездоровом влечении родного брата к сестре? О таком действительно лучше молчать и лишней раз не провоцировать Славу. Ему и так сейчас тяжело. И опять во всём виновата Я.

Часы... Дни... Неделя... моего полного одиночества. Сажу в своей комнате и носа не кажу. Стыдно? Нет. Просто не хочу встречаться с домочадцами. Исключение составляет лишь Мирка. От неё уж никуда не спрятаться. Из-под земли достанет. Да, и до луны до прыгнет при желании. Так что редкие визиты моей младшей сестры немного скрашивают моё одиночество, отвлекают от дурных мыслей.

А мысли, и вправду, были дурнее некуда... Всё перебарывала в своём мозгу события недельной давности, пытаясь оправдать и себя, и брата, и ЕГО. И каждый раз, окунаясь с головой в мысленный вертеп, понимала, что причиной всему моё безрассудство. Будь я хоть немного ответственной, такого бы не случилось. Я не танцевала бы голой в стриптиз-клубе, и мой брат не воспылал ко мне нездоровой страстью. Да, и с Пашей всё сложилось бы по-другому. Прояви я сдержанность в нашу первую встречу и, быть может, его отношение ко мне было бы серьёзнее. А тут я сама всё испортила, прыгнув в койку, считай, к малознакомому мужику. Вот как он теперь должен меня воспринимать? Явно для Паши я не лучше какой-нибудь конченной шлюшки, годной только для ни к чему необязывающему траху.

Вот хоть вой в три ручья! Что, кстати, я и дела, лёжа на кровати и смотря в измазанную тушью подушку. Хрюндель я! Неделю не умывала лицо. А зачем? Слёзы и так его хорошенько умыли.

Пару раз заходила мама. Взволнованно интересовалась, что случилось. Но получив от меня грубый ответ: «Ничего!», вздохнув, закрывала дверь. На втором плане, кстати, я отчётливо слышала поддакивающий бубнеж её муженька.

— Оленька, ну, что ты с ней возишься? Рита уже большая девочка. Сама разберётся со своей демонстративной дурью.

Моя хандра для Студента была ни что иное, как очередная блажь. Вот захотелось мне подурковать. Лежу и дуркую, специально привлекая внимание к своей несчастной персоне. Хотелось тявкнуть и ему что-нибудь обидное, но смолчала, прикусив язык. Видно, в этот раз на меня действительно напала прям клиническая депрессия. Все симптомы на лицо, как по учебнику. Безразличие к внешним раздражителям, угнетенное состояние и полнейший упадок сил. Даже улыбнуться тяжело, не то что рукой на любимых родственников махнуть. А ещё мне начхать, как я выгляжу. Собственного отражения в зеркале избегаю, чтобы, ни дай бог, не встряхнуться от чумазных красот. Чего, кстати, совсем не хочу. Пока мне и в таком удручающем состоянии удобно.

Удобно себя несчастную жалеть...

Жалею... Жалею. И тут до моего жалостливого кокона из не первой свежести постельного белья доносятся голоса. Не просто голоса, а целая какофония из голосов, в которой громче всех визжит мамин.

И визжит она:

— Убью! Я тебя убью!

Студент, как всегда, на втором плане повизгивает. Жену защищает подкаблучный мужёнок. Стеф там тоже что-то вякал, но тут же то притухал, то взрывался, разлетаясь эхом по коридорам. И голос брата, словно сталь, резанул слоёный пирог из истеричных звуков.

Тишина. Долгая, звенящая, прощупывающая тишина повисла во всём доме, уступая

ведушую партию уже знакомому мне мужскому голосу. Паша?! Он здесь!

Пулей выпрыгиваю из постели и, шлепая босыми ногами по кафелю, бегу на первый этаж. Моё состояние не стояния, как рукой снимает, стоит только услышать его низкий с намёком на хрипотцу голос. Сбегаю по лестнице и, подкравшись к дверям гостиной, замираю, вслушиваясь в каждое слово любимого.

— Да ладно, ты обиделся? Реально, что ли? — это Паша обращается к мамкиному муженьку. Тот дуется, словно клоп, и глазками бегаёт по всем присутствующим. Поддержку ищет, бедняжка. — Ну, подумаешь мои парни немного бока помяли и фэйс подправили. Во беда?! Если бы я на каждого костолома обижался, так маслята мне с горстями отсыпать не успевали.

— Немного?! — завопила мама, напирая на отступающего от её живота Кастета.

— Воу! Воу! Княгиня! — поднимет руки вверх приофигевший Паша, косясь на пузо бывшей партнёрши по чёрному бизнесу. — Придержи, родная, коней! Мы с твоим хахалем уж как-то сами разберёмся. Хля ты лезешь в мужские разговоры? Да тебе сейчас не о том беспокоиться надо, — намекает он на мамино положение.

— А о чём?! — взвизгнула родительница, ловко выхватывая из руки Олега пистолет и направляя его на Пашу. — Вот сейчас грохну тебя и беспокоиться больше не буду.

Это мама сказала с настоящим оскалом хищницы. Побледнел не только бывалый бандит, но и все присутствующие в гостиной. Особенно, перепугался Олеженька, осторожно потянувшись за вырванным секунду назад у него пистолетом.

— Оленька, любимая, не нервничай, — шепчет Студент. — Отдай мне оружие.

— Да, да, Княгиня, отдай своему мужику железяку, пока делов не наделала — вмешался Паша.

Он, конечно, не впервой смотрит в упор дула пистолета, но нервишки-то всё равно шалили. Желваки на челюстях заходили, и руки сжались в кулаки. Вспомнил что-то неприятное Пашенька.

— Отдам, когда он уберется из нашей жизни раз и навсегда, — прошипела мать, сверля недруга, как мне показалось, ещё большем убийственным взглядом, чем тысяча пуль. — А уберётся он из неё только ногами вперёд.

Капец. Мама разозлилась. Нет! Она в ярости. Если сейчас не произойдёт чудо, то Паше точно уберется из нашей жизни вперёд ногами, в ковре и в багажнике автомобиля отчима. Там попросторнее и такая туша поместится. А потом на корм рыбам где-то в открытом море. И только собралась взять на себя роль Чуда в перьях. В моём случае, заспанного хрюнделя. Как снова вмешался брат.

Он спокойно подошёл к психующей матери. Так же без эмоций забрал у неё пистолет. И, вернувшись, сел обратно в кресло. Никто даже не вякнул. Только Кастет одобрительно кивнул в его сторону. Мужик, одним словом!

— А теперь поговорим без драматизма, — без каких-либо намеков на злость в голосе сказал Слава, но я отлично видела из своего укрытия, что вся эта нервная обстановка немного на него давит. Особенно, мама срывающаяся частенько на скандалы. — Кастет пришёл сюда не просто так, а по делу и по моему приглашению.

Мама хотела взбрыкнуть, но во время обнявший за плечи Олег, потушил её разгорающийся пожар негодования. Промолчала, скрепя зубами, и вместе с мужем отошла к дивану. Усевшись поудобнее, как только возможно в её щекотливом положении, закинула высокомерно нос. Мол, я слушаю, но знайте, что терплю! Тем временем Паша достал из

кейса, лежащего на барной стойке, какую-то тетрадь грязного коричневого оттенка и, повертев чуть ли не над головой, гордо её продемонстрировал.

— И что это твой школьный дневник? — первой само собой не выдержала мать.

— Обижаешь, Княгиня, — одарив её лучистой улыбкой, сказал Паша. — У меня его, вообще, не было.

— Оно и видно, что ты школу стороной обходил, — буркнула обожаемая им женщина.

А Кастет продолжил.

— Это дневник Диего Ромеро де Морро, испанского идадьго и участника конкисты. В 1542 году Диего вместе с небольшим отрядом откололся от экспедиции Франсиско де Орельяна и сам отправился на поиски Эльдорадо. Судя по дневнику, ему это удалось.

— Беру свои слова обратно, — хохотнула сарказмом ярая ненавистница Паши, услышав знакомые ей со школьной скамьи слова.

Конкиста — завоевание Америки. Уму непостижимо! От куда у Кастета дневник конкистадора? Хотя, зная чем он занимается, могу предложить, что такой артефакт попал к нему в руки не совсем законно. А мама, кстати, хоть и изображает из себя саму невозмутимость, но глазки-то загорелись. Мозг уже выстроил любимую цепочку маминых жизненных ценностей: дневник, конкистадор, конкиста, Южная Америка, Ацтеки-Инки-Мая, ЗОЛОТО! Так что дальше Паша мог не распинаться, его драгоценная Княгиня додумала всё сама. И тут же на лице мамы мелькнуло сомнение. Слишком баснословные суммы пляшут в её мозговом калькуляторе, чтобы это выглядело правдоподобно.

— Хочешь сказать, что дневник пятьсот лет никто не читал и ты первый нарушил его девственность? Кастет, не смей меня, — озвучила свои сомнения мама. — Эльдорадо — это миф и только. Сказочка для жадных дураков.

— Может, миф, а, может, и правда, — пожал плечами Паша и положил дневник на край барной стойки. — Но мы не узнаем это, пока сами не увидим. Только мне, да и не мне одному, сдаётся, что это не фуфло. Дневник хранился в усыпальнице рода де Морро, и написан он на латыни. И ещё, — он быстренько достал из кармана золотое украшение округлой формы, больше похожее на амулет, и протянул его моей матери. Студент привычно метнулся и уже через секунду услужливо подал золотую безделушку жене. Сам при этом громко присвистнул. — Это было в усыпальнице Диего де Морро. — Пояснил Паша, наблюдая как Княгиня и её муженёк рассматривают украшение.

— Похоже на культуру ольмеков. Голова ягуара, — по-профессорски сощурился Олег. — Нам такие попадались на затонувших галеонах.

— Похоже, но не они, — внесла свои коррективы мама. — Линии чётче и, посмотри, — провела она пальцем по голове, — изящнее, что ли. Это точно было в усыпальнице?

Оторвала от украшения свой изучающий взгляд Княгиня и, сведя брови к переносице, выжидательно буравила глазами бывшего партнёра. Будто хотела увидеть подвох, пусть не в словах, но хотя бы в действиях. В его последовательности. И расстраивалась, ничего не находя. В этих поисках мама останется не в удел.

— Да, — уверено ответил Паша и, кивнув на дневник, добавил. — Зарисовка этой вещицы есть и в дневнике Диего.

— Чего ты хочешь, Кастет? — с какой-то обречённостью и болью спросила она, плавно возвращая взгляд на золотой артефакт. — Только не говори, что пролетел тысячи километров по доброте душевной. И не лей в уши про соскучился, Княгиня.

— Так должок за тобой, — напомнил о старых косяках бывшей партнёрше Паша.

— Кастет, я по своим долгам расплатилась рыжиком немецким.

— Это ты от меня откупились, Княгиня, а не от Хозяина. Знаешь чего ему стоило придержать братков кинутых тобой? Так что, Оленька, ты в дерме по самые помидоры, — и осклабился, как заправский хищник, дожимая до паники невозмутимую Княгиню.

— А я грешным делом подумала, что это ты, Паша, за меня вписался перед братками. И сорока на хвосте приносила, как Кастет мясорубку на сходке устроил. Если бы не Хозяин тогда, то бока тебе пикой пощекотали, или девять граммов ко лбу примерили, — оскалилась в ответ мама.

До её панических настроений было, ох, как далеко! Не на тот хвост давил Кастет, поэтому пропитанная цинизмом Княгиня так комфортно себя чувствовала в его обществе. Тем более, как я поняла, глядя на ухмыляющуюся мать, она слишком хорошо знала бывшего партнёра и даже в интонации его голоса улавливала блеф. Наверно, в этом мы с ней и похожи. Мы видим мужчин насквозь.

— Хорошо, допустим я должна твоему Хозяину. Разберёмся с этим, — и наклонив голову набок, кокетливо добавила, — договоримся. Но вот объясни мне, Кастет, где в цепочке «Эльдорадо — списание долга» присутствую Я? Неужто твой Хозяин так истрепался, что сам не в состоянии снарядить экспедицию? Нет, — с видом сытой кошки ухмыляется мама, продолжая разносить в пух и прах самоуверенность Кастета. — Наш Хозяин хозяин паровозов с пароходами. Ну, очень богатый дядька и мой долг для него всего лишь пшик, не требующий особого внимания. Так что гонишь ты тут чё-то, Кастет. Ох, и гонишь, родной. Сам решил Эльдорадо найти, а денег не хватает. Вот и припёрся ко мне про долг задвигать, — и грузно поднявшись с дивана, впервые без помощи Олеженьки, уже с уверенным видом сказала. — Знаешь что, Паша Катет, иди ты в свою Эльдораду сам и желательно там и останься.

— Ладно, Оль, не с того начали, — напрягся Кастет, испугавшись, что Княгиня решит окончить и так затянувшуюся аудиенцию.

— Да, что ты? — вскинула бровь мама, по Станиславскому изобразив удивление.

— Не прав, признаю, — сделал шаг к ней Паша, но тут же отступил обратно. Лицо мамы исказила такая гримаса презрения, что Кастету стало не по себе. Он шумно выдохнул, прежде чем продолжить свои уговоры. — Я не долги приехал списывать, а с предложением. Димка... Хозяин, — тут же поправил он себя, будто этот страшный мужик его услышит. Или специально для солидности так осекся? Всё-таки иметь в друзьях такого босса боссов огромная плюшка в карму. Только мамой и всеми присутствующими это спланированная оговорка должным образом не была отмечена. — В общем, тема с Эльдорадо принадлежит Хозяину, но сам он ей заняться не может. Жена у него на сносях. Вот-вот родить должна. Он мне предложил поучаствовать под процент пятьдесят на пятьдесят. За хозяином полная материальная часть, а за мной организация и подборка кадров. В общем, от моей доли тебе половина. Всё по-чесноку, Княгиня. Не кину, — это Паша уже в упрёк маме сказал, как бы лишний раз напомнил почему она пузико греет у чёрта на куличках, а не в Париже, например.

— Ты, Паша, ослеп? Я тоже на сносях! — взвизгнула она недовольно.

Наверно, впервые в жизни мама пожалела о своём положении, а то бы рванула по джунглям, как по белорусским лесам, бегать.

— Ну, почему ослеп? Вижу, — и его глаза теплеют, опускаясь на живот моей матери.

Ревность — это самое подлое чувство живущее в человеке, и оно прочно поселилось в

моей душе. Никогда ничего подобного не испытывала. Даже обида на мать растворялась в накативших волнах зависти. Он её любит. Любит! Смотрит на мою маму, как на божество, готовый упасть перед ней на колени.

Ну, чем она его зацепила? Красотой? Да, моя мама красива, но она уже прочно стоит на пороге своего увядания. А ещё эта не к месту беременность прибавила ей морщин. Лицо приобрело нездоровый серый оттенок, сменяющийся то бледностью, то зеленушкой. В зависимости от маминого физического или психического состояния. Все девять месяцев Княгиня то блюёт, то скандалит. Или, может, мамин характер стал для Паши якорем? Сомневаюсь. С ней смог ужиться только подкаблучник Олеженька. Мама привыкла всё контролировать и распоряжаться чужими жизнями. Я задыхаюсь рядом с ней, представляя, как её руки затягивают удавку на моей шее. И не вздохнуть свободно, и не сбежать от её контроля, и не спрятаться от вездесущего взора. Она так же тиранит и своего муженька. Только Студент или ослеп от своей любви, или действительно с мамой из-за денег. Она богата. Хотя, и Олеженька не бедствует. И всё равно терпит капризы взбалмошной бабёнки. Похоже, это всё-таки любовь.

Ладно этого понимаю, а Пашу нет. Мне говорит, что семья не для него, а сам с таким умилением рассматривает её раздувшийся живот, что хочется наброситься на него с кулаками. Мне, значит, таблетки глотай! Ублюдки ему не нужны, но деток с Княгиней заимел бы с радостью. Вот как здесь не вспылить? Да так, чтобы дом сотрясся от моего гнева. Но, я стояла за дверью и тихо глотала обиду, изнывая от бушующей во мне ярости. Радовало лишь одно, оно же давало мне надежду. Как бы Паша ни любил мою мать, она никогда не снизойдёт к нему.

Люди, как магниты, и притягиваются к друг другу только противоположности. Нам с Пашей просто нужно больше времени. И желательно подальше от вечно раздражающей матери.

— Оля, всё понимаю, — разводит он руками, — вот поэтому и договаривался с твоим сыном.

— Что?! — заорала мама, выпучивая глаза.

«Ну, — думаю, — сейчас и любимчик отгребет по-полной!».

Но, нет. Слава отделался лишь эмоциональным всплеском и то коротким. Мама повернулась к сыну, глядя на него в упор, и всем своим видом демонстрируя, что ждёт объяснений.

Скандал любимому Славику родительница и не собиралась закатывать. Он же мамина гордость! Да, и мой брат не спешил оправдываться. С только ему свойственной невозмутимостью Слава поставил её перед свершившемся фактом: «Мам, всё уже договорено». Другими словами, делай что хочешь, мамочка, но твой сынулька взрослый мужик и сам всё решает. В принципе, как всегда. Мой брат никогда ни с кем советовался. Только его решения, только его мнение, и только его жизнь. Вот прям весь в маму!

— Ты знал? — это уже вопрос Олеженьке и мама подозрительно спокойна.

Вот как затишье перед бурей.

Стеф только почувствовав, что запахло жареным, ретировался на безопасное расстояние от эпицентра намечающегося скандала. То бишь свалил на веранду, плотненько закрыв за собой стеклянную дверь. Друг Студента, вообще, не переносил выяснений отношений. Он и с моей крестной расстался легко и спокойно. Тётя Света просто ушла, а Стеф просто забыл о том, что она была в его жизни. Ей вот только не забыть. Премиленький

карапуз стремглав носится по квартире и улыбаясь зовёт её «мама». Да, ещё и на Стефа похож. Это залёт, товарищи! Но самый любимый тёткин залёт.

— Оля, милая... Я... я знал, но... Нет. Я догадывался и..., — сбивчиво оправдывался Олеженька, поглаживая плечи жены, как отвлекающий манёвр.

Правда, маму уже начинало распирает от злости. Её лицо покрывалось пунцовыми пятнами. Заметив это не слишком красивое преобразование супруги, Студент тут же перестал мямлить и перешёл к уговорам, напоминая, что ей нельзя нервничать. Доктор же запретил. Никаких потрясений.

Да, блин, каких потрясений?! Тут маму, считай, кинули. И кто? Родной сын. И как? Договорился за её спиной с врагом. Ещё и проценты обсудили. И муженёк хорош. Знал, и молчал.

Мама была на волосок от нервного срыва. И вернуло ей душевное равновесие не нытьё Студента, не влюбленные гляделки Паши и не пропитанный холодностью взгляд взрослого сына. Она выдохнула весь свой гнев, когда увидела меня, стоящую у аквариума и опускающую в воду дневник испанца.

А что? Они тут в экспедицию намылились, а меня по-бороде, значит? Ну, уж нет! Еду с ними, или эти пережившие пятьсот лет бумажки найдут своё последнее пристанище в аквариуме с маминой золотой рыбкой. Да, я стерва! Ни мне, так никому.

— Рита, — шепчет мама, мотая головой.

И тут же все переключают своё внимание с истерик беременной женщины на её не менее эксцентричную дочь. Вот это эпичный момент! Студент побелел. Паша громко ругнулся матом. Даже у Славы с лица схлынула вся его хваленая невозмутимость. Похоже, я двигаюсь в правильном направлении, по миллиметру приближая дневник к воде. Вот уже и рыбка подплыла полюбопытствовать, что это там такого большое ей сейчас обломится.

— Змейка, отдай тетрадочку дяде Паше, — хрипит Кастет, осторожно делая в мою сторону шаг, и тянет руку.

А я ещё на миллиметр вниз. Синхронный стон разлетается по комнате, от чего моя довольная улыбка становится ещё шире. Так нервишки потрепала, теперь можно немножко закрепить результат и озвучивать свои требования.

— Не отдам, — ехидничаю я и вожу уголком дневника туда-сюда у самой кромки воды.

— Рита, отдай дневник. Не дури, — вмешивается брат, а голос у него впервые дорожит, и взгляд устремлён куда-то поверх моей головы.

Он всё ещё не может смотреть мне в глаза. Даже прозвище, которым меня назвал Кастет, осталось для Славы не замеченным. Видать, брат сильно переживал все эти дни, забыв даже про такие простые человеческие потребности, как сон. Слава выглядел изрядно помятым, будто сутки на пролёт бухал не просыхая. Правда, запах перегара мой нос не улавливал. Поэтому я и решила, что братика мучила бессонница. Если в этой компании он ещё мог изображать крутого пацана с претензией на альфаца, то с моим появлением это у него плохо получалось. Терялся всем известный Князь... Да, и на меня Слава больше так не действовал, как раньше. Осознав за эти несколько дней, какую теперь я имею власть над братом, моя зависимость перед ним бесследно испарилась. Такие чувство, что будто бы ярмо с шеи сбросила.

— Нет, — твёрдо сказала я, взглядом бросив вызов брату.

Мол, всё братик, кончалось твоё потакание мной. Сомневаешься? Тогда рискни и все узнают о твоей маленькой тайне. Мама расстроится... Очень расстроится, Слава.

Брат всё понял и отступил, отдав главную партию в решении назревающего конфликта Кастету с мамой. Студента не беру в расчёт. Он во всём поддакивает жене, и своего мнения у него я никогда не наблюдала. Как любимая жёнушку скажет, так и будет, а он поддержит. Как же без этого? А потом гордо скажет: «Это мы решили!». Тьфу, а не мужик!

Вот только мама сейчас ничего не решала. Ее мутило. Нервное напряжение спровоцировало новый приступ тошноты. И она пыталась справиться с ней, дыхательной гимнастикой. Вдох-выдох. Вдох-выдох... Вроде легче желудку, а желания прибить родную дочь не убавилось. Это я в маминых злощих глазищах прочитала.

Ну, и пофиг! Не в первый раз она меня так ненавидит. Переживём! Главное, чтобы Паша меня любил, а всё остальное для меня уже не имеет значения.

— Чё ты хочешь? — процедил сквозь зубы он вопрос.

Злой. Нет. Даже не злой, а в ярости! Аж кулаки до синевы в костяшках сжал. Но всё равно держится. Борется с ярко выраженным желанием разmozжить дурную мою голову.

— Я еду с вами в экспедицию. И это не просьба, а уже свершившийся факт, — говорю я, смотря прямо ему в глаза. — И ещё тебе крупно повезло. Я в совершенстве знаю латинский.

Твою мать, если бы не кончик дневника почти коснувшийся воды, Паша со скоростью зверя рванул бы с места и утопил бы меня в этом аквариуме. Столько бушующей ярости в глазах мужчины я ещё никогда не наблюдала. Даже мой брат в тот момент показался мне плюшевым зайчиком, по-сравнению с Кастетом. Наверно, я первая и единственная особь женского пола осмеливавшаяся испытывать на прочность его нервную систему, ставя свои смехотворные условия.

И всё же он сказал:

— Хорошо.

Мама пошла на вынужденную мировую с Кастетом и уже дня три с завидным равнодушием терпела его визиты к нам. А в гости Пашенька зачастил, оправдывая это подготовкой к экспедиции.

Хотя какая экспедиция? Все вопросы он уже обсудил с моим братом. Мы повторим путь Диего Ромеро де Мора и начнем наши поиски с Ямайки. А точнее с города Сент-Энс Бей. Он же в эпоху конкисты Севилья ла Нуэва. Именно туда прибыл испанский идалго, прежде чем отправиться в порт Номбре-де Дьос, потом в Панаму и оттуда уже в Перу.

Яхту до Ямайки нам предоставит какой-то Хозяин. Щедрый, но жуть какой опасный тип. Он же раскошелится на всё оборудование и обмундирование для группы. А ещё этот дядя каждые два дня будет ждать от Кастета устный отчёт по спутниковому телефону. Контроль? Может быть. Но Пашу такая дотошная забота начальства нисколько не смущала, а наоборот придавала какой-то уверенности. Слышала как он заверял свою ненаглядную Княгиню, что при малейшей опасности за нами тут же прилетит вертолёт с бравыми парнями и железными аргументами. Так что беспокоиться не о чем.

Но мать есть мать...

Выслушав Кастета она прозрачно намекнула ему, употребив все известные ей ненормативные эпитеты, что его ждёт, если не дай бог с голов деточек упадёт хоть один волосок. А в конце маминого монолога с явными угрозами Паша недовольно буркнул: «Вот за дочку твою и сам чёрт не впишется. Ты Ритке тоже не указ!». Это уже Паша деликатно намекал Княгине, что она, как мать, со мной справиться не может, а требует от чужого человека невозможного. И ещё добавил, что неплохо бы, свистнув у меня дневник конкистадора, слинять быстренько в закат. Маме такое предложение понравилось и, одарив Кастета снисходительной улыбкой, она вызвала у Студента шквал негодования в виде демонстративного ухода на улицу. Он даже дверью ляпнул для большего эффекта.

Приревновал Олеженька жёнушку к её бывшему партнёру. Чего, кстати, за отчимом я раньше не замечала. И мама впервые за пять лет их совместной жизни не побежала вытирать муженьку сопли. Она просто отвела бесцветный взгляд в сторону от выжидающе застывшего на террасе Олега. Бедолага думал, что жена поспешит объясниться. Только Великая Княгиня никому никогда не позволяла манипулировать собой и все капризы Студента были бессмысленны. К ни го ед . нет

В тот момент я посочувствовала Олегу. Сама испытывала такую же невыносимую боль. С одной только разницей, женщина, которую он любит, знает причину его ревности и, быть может, позже попытается всё исправить. Паша даже не замечал меня, устремив всё своё внимание на мою мать. А я стоя за дверью, вытирала ладонями потоки слёз и проклинала тот день, когда ему в голову пришла идея привлечь моё семейство к чертовым поискам этого мифического Эльдорадо.

И тут мать окончательно добивает меня, приглашая Пашу поужинать с нами. От такого гостеприимства мы с Олежей были не в восторге, чего не скажешь о Паше. Он прям приободрился, расплываясь в придурковатой улыбке адресованной хозяйке дома.

Как прошёл ужин? Ужасно.

Мама весь вечер болтала с Кастетом. Она видите ли, нашла с ним общие точки соприкосновения. Паша не принуждено шутил, ухаживая за ней с галантностью английского

джентльмена. Олеженька злился, вливая в себя конские порции бурбона и покрываясь красными пятнами от злости. Стеф ковырялся вилкой в тарелке, настороженно поглядывая то на багровеющего от ревности друга, то на мило щебечущую парочку в конце стола. Слава на ужин не пришёл. Полагаю причина во мне. После того, то между нами произошло, брат намеренно избегал моей компании. А когда этого у него не получалось, старался даже не смотреть в мою сторону. Я словно умерла для него... А, может, отгородившись так от своей непутёвой сестры, он пытался справиться с терзающими его чувствами? Не знаю... Но мне до боли не хватало брата. Того брата каким он было до стриптиз-клуба.

Я... Что дела я на этом чертовом ужине? Пила как отчим? Нет. Даже если бы я захотела ужраться до поросычьего визга, мне не представилось бы такой возможности. Мама хоть и была поглощена общением с Кастетом, но зорко следила сколько и что я пью. Стоило мне только подтянуться за бутылкой бурбона, и строгая родительница сделала замечание, а Паша поддержал. Пришлось сесть на место и продолжить без особого аппетита расчленяться вилкой какое-то водоплавающее существо.

Вот засада! Самый отвратительный ужин в моей жизни. Будь мама моей ровесницей, и я бы показала ей — где раки зимуют. Нет, не набросились бы на неё с кулаками, и не вцепилась бы в аккуратно уложенную гриву. Я действовала бы грязно и подло. Исподтишка... Но она моя мать. Мать, да ещё и носящая под своим сердцем моего маленького братишку. И мне пришлось весь ужин тихо давиться своей ревностью.

А поздно вечером, будто почувствовав что-то неладное, она пришла, как когда-то в детстве, пожелать мне спокойной ночи.

— Ты куда-то собралась? — спросила мама, осторожно прикрывая за собой дверь.

Собралась. Позвонила Мегги и вытащила её в бар. Ну, не могла я больше сидеть в этой тюрьме под названием — семья! Задыхалась!

— Да, — быстро отвечаю, докрашивая ресницы.

Я не обернулась. А зачем? Мамино отражение в зеркале и так хорошо передавало её немое возмущение. Почти глубокая ночь, а дочка куда-то намылилась. Не порядок!

— А не поздно родная?

— Нет, — стараюсь не сорваться на скандал, но тупые вопросы уже подбешивают.

— А...

— Мам, ты что-то хотела? — бросив небрежно тушь на столик, резко поворачиваюсь.

— Хотела, — со вздохом говорит мать, и грузно садиться на кой моей кровати. — Я знаю у нас не простые отношения, — начинает лечить меня. — Но я люблю тебя. Очень-очень люблю. Милая, я чувствую, что в последнее время с тобой что-то происходит. Ты изменилась. А ещё эта твоя недавняя хандра. Скажи, причина в Алехандро? Вы расстались?

Вот дался ей этот Алехандро! Меня прям выворачивает уже от одного упоминания о нём. Не хотела ругаться. Правда, не хотела, но резко всплывшие картины проклятого ужина тротиловой шашкой взорвались внутри меня, разнося взрывной волной всю мою накопившуюся ревность по венам. Сорвалась. Черт возьми, я сорвалась!

— Расстались, мам! Я бросила Алехандро! Но не из-за этого мне так хреново, мама. Мне плохо, мам! Плохо! И плохо от того, что мужик, которого я люблю, любит другую женщину! А знаешь кто эта женщина?! — задыхаясь, хриплю я злостью и бегаю глазам по испуганной матери. — Эта баба — ты!

— Рита, — хлопая ресницами, как дурочка, шёпотом протянула она моё имя и ужас искажил её лицо.

Первое что пришло матери в голову это: «Олег». Вот поэтому она так испугалась. Но я не стала выжидать большего драматического момента и в лоб назвала имя мужчины. Вы думаете ей стало легче? Нет. Мать схлынула с лица и, прижав ладонь к левой груди, тяжело задыхалась. Ей будто резко стало не хватать воздуха.

Открывая рот, как выброшенная на берег рыба, мама еле слышно зашептала:

— Рита, что ты такое говоришь? Ты же его совсем не знаешь. Он убийца. Жестокий убийцы. Палач Хозяина.

Её речь сбивалась прерывистыми вздохами, от чего казалась какой-то заторможенной. И мне бы остановиться, пожалеть чувства родной матери, но я уже не могла. Внутри меня всё клокотало от распирающей ревности. Казалось, я злюсь на весь мир, но больше всего на неё.

Вот что в моей матери такого, чего нет во мне?! Почему Паша после стольких лет разлуки, да ещё после такого подлого предательства, продолжает восхищаться своей Княгиней? Чем она так зацепила его за живое? Дерзостью? Гордостью? Смелостью? А может, просто тем, что когда-то была в его жизни, и уходя оставила в черствой душе палача рваную кровоточащую рану.

Она ранила, а я залечу!

— Ты ошибаешься, мама. Я знаю его так, как не знаешь ты. Я знаю каждый миллиметр его тела. Знаю, как он дышит, когда спит. Знаю, его запах, потому что, вдыхая его, я схожу с ума. Я знаю все его темные желания, потому что живу в них. — Замолчала я, медленно поднимаясь и возвышаясь над собственной матерью. И пусть это звучит подло! Но я наслаждалась своим триумфом. Я будто забирала у неё то, без чего не могла больше жить. Я вырывала из её лап ЕГО сердце. — Я люблю его! Люблю таким какой он есть. И мне плевать сколько крови на Пашиных руках!

— Рита, что ты такое говоришь? Девочка моя... Доченька моя, он погубит тебя, — еле шевеля губами, всхлипнула мать.

— Ну, и пусть, но я ни о чём не жалею!

И я пулей выскочила из комнаты. Прочь из этого удушающего материнской заботой дома.

Мегги... Бар... Алкоголь... Много алкоголя. Не помню сколько бокалов я выпила, но каждый пробуждал во мне безрассудную смелость. И мне уже было неважно, что подумает Паша, заявись я к нему в таком расхлябанном виде. Я бросила Мегги у барной стойки, вызвала такси и поехала к нему.

— Девушка, вы куда? — окликнула меня администратор, когда моё шатающееся тело ввалилось в холл гостиницы.

— Туда! — буркнула я, вышагивая не слишком твердой походкой к лестнице.

— Вы к кому? Уже поздно! Вы здесь живёте? — тут же посыпались вопросы, на которые я даже ухом не повела, в наглуую шлёпая дальше.

— Я вызову полицию! — запищала она, дёрнувшись ко мне.

— А я Мартинесу!

Специально называю фамилию губернатора, и девушку прям стопорит на месте. Всё инцидент исчерпан. Не будет ни полиции, ни охраны, ни скандала. Иди дальше куда шла. Хоть ползи пьяная, никто не вякнет. И я, спотыкаясь о каждую ступеньку, погребла вверх по лестнице. Где номер Паши я хорошо запомнила. Так что найти его особого труда мне не составило. Тем более, эту элитную местную ночлежку я знала, как своих пять пальцев. Жили

здесь с разлюбезными родственниками несколько месяцев.

Дойдя до заветных дверей, поправляю растрёпанную прическу. Стучу. Тишина. В номере что ли нет? Стучу сильнее. И где-то на второй минуте моего ляпанья ладонью, дверь открылась.

В полумраке номера показалась сонная рожа Паши. Протирая заспанные глаза, он несколько мгновений прибывал в некой отрешённости, не совсем понимая зачем я припёрлась. Вроде в гости не приглашал. Да, и на днях намекнул, чтобы на продолжение я особо не рассчитывала. Было не было, это уже неважно. Главное, что больше между нами ничего не будет. Но это Паша так решил, не я.

— Привет! — улыбаюсь и, заштормив в сторону, упираюсь рукой о дверной косяк, чтобы не упасть.

— Бухая, — спокойно заключает он, почуяв крепкое амбре витающее вокруг меня.

— Не, трезвая, — кривляюсь, всё ещё пытаюсь устоять на ногах.

— Домой пошла, — без эмоций говорит Паша, и закрывает прямо перед моим носом дверь.

Обидно.

Домой? Серьезно? Ну, уж нет! Ты откроешь мне эту чёртову дверь. Разворачиваюсь и начинаю молотить в дверь ногой. Молочу так, что каблук гнётся, и по всему коридору разлетается цоканье набойки о дерево, на которое из соседнего номера высовывается любопытная женская морда.

— Я буду жаловаться! — на английском языке бубнит пожилая туристка, а сама зыркает во все стороны.

— Дверь закрой курица! — гаркнула я на неё, сопровождая это неприличным жестом безымянного пальца.

Тут же искажившееся негодованием лицо бабки скрылось от греха подальше. Побежала кляузничать по телефону администратору гостиницы. Ну и пофиг.

— Паша, открывай! Слышь, Паша?! Тут, милый, два варианта: либо ты открываешь, и я тихонечко вхожу, либо все постояльцы вызывают админа, а тот полицию! Оно тебе надо?! Паш, я просто в гости!

Ору что дурная и со всей силой молочу ногой. А гости элитного отеля уже по очереди высовывают свои рожи и тут же прячутся за узкой щелочкой между дверью и косяком. Ещё и девка с ресепшена мелькнула на лестнице. Сто пудово. побежала звонить копам.

— Паша, местные мусора уже в пути! — крикнула я и провалилась назад прямо ему в руки.

Кастет всё таки открыл дверь.

— О, Пашенька! — улыбаюсь, смотря на недовольное лицо скалой возвышающееся надо мной. — Выпить есть?

— Есть, — процедил сквозь зубы милый и, одним рывком взвалив меня на плечо, потащил в направлении ванны.

— Я не рыбка мне столько не надо! — кричу и луплю его кулаками по спине, смутно осознавая зачем он меня туда несёт.

Но Паша никак не реагирует на мои протесты. Распахнув стеклянные створки душевой кабины, он чуть ли не швыряет меня на кафель и проворачивает ручку крана с водой.

На мою голову тут же обрушивается ледяной поток. Я с крик прихожу в себя и рвусь к выходу, но Паша горой встаёт на моей пути к спасению от колющих капель воды. Он грубо

возвращает меня обратно в самый эпицентр мокрого холода и напирает сам, едва не вдавливая в стену.

— Скотина! Ты скотина, Паша! Гад и сволочь! Ненавижу тебя! — реву я, продолжая награждать Кастета мышинными ударами своих ладоней.

Я пришла к нему, а он?! Сначала выставил за дверь, а потом бросил под холодный душ! Аааа... Ещё тушь, походу, потекла! И я сейчас такая жалкая. Ненавижу его! Ненавижу...

— Дура ты, Змейка, — прошептал Паша и жадно впивается ртом в мои губы.

И я снова пьянею от привкуса виски на кончике его языка. А вода... вода уже не кажется такой холодной. Прижимаюсь к Паше, обхватывая руками его шею. Его пальцы, вжавшись в мои ягодицы, подсаживают вверх, ещё плотнее вдавив меня спиной в стену. Промежностью ощущаю, как его каменный член упирается в неё. Его губы отрываются от моих и шлепками скачут по шее вниз. Добравшись до декольте, он на мгновение останавливается спускает меня на кафель, но только для того, чтобы разорвать к чертовой матери так мешающее нам платье. И когда на мне из одежды остаются только трусики, Паша разворачивает меня спиной к себе, резко сдирает их, а его налитый кровью член, одним глубоким толчком входит в меня, срывая с моих губ восторженный вопль. Любимый ощутимо кусает мою шею, и делает одну за другой такие же проникновенные фрикции, заставляя меня стонать от накрывающегося моё тело экстаза. И, когда я в миллиметре от маленькой смерти в его руках, он до краёв наполняет меня собой. Я чувствую это в пульсации его члена. И с каждым таким сокращением внутри меня от клеточки к клеточке расплзается сладкая нега.

Мне больше ничего не хочется. Я, как искра, потухла. Не хочу скандалов. Не хочу слёз. Не хочу домой. А хочу так и остаться с ним одним целым. Одним целым навсегда, а не только на эти скоротечные мгновения.

Ну почему с этим мужчиной я сама не своя? Может, потому что я ЕГО? Только его. Всегда была его. И так будет вечность.

ИЗ ДНЕВНИКА ДИЕГО РОМЕРО ДЕ МОРО.

'1539 год от рождества Христова, пятый день июня.

Я сегодня видел её. Теперь она сеньора де Геррат. Жена кузена губернатора Панамы. Достопочтенная, благородная, благочестивая сеньора с самой кристальной репутацией. И никто в этом не усомнится. Никто не осмелится утверждать обратное. И только для меня она, всего лишь, Каталина. Прекрасная Нимфа из моей буйной юности.

Двадцать лет минуло с нашего последнего свидания в Мадриде. Двадцать лет... Закрываю глаза и кажется, что оно было только вчера. Вчера Каталина улыбалась мне, окутанная с ног до головы лунным светом. И пряча бесстыжие глаза под бархатом густых ресниц, шептала, как сильно меня любит. И вчера из ревности я убил её жениха Хулио де Переса. Потом бежал во Фландрию, и Новый Свет.

Двадцать лет скитаний. Двадцать лет сражаясь под чужими знамёнами. Двадцать лет и тысячи смертей отделяли меня от неё. И вот я снова вижу свою Каталину и понимаю, что эти годы для нас не прошли бесследно. Нет, она всё так же притягательно красива, а я всё так же вождедею её. Но теперь между нами непреодолимая пропасть. Её муж, её дети и моя репутация наёмника. Я конкистадор. Я жестокий завоеватель, проливший реки крови. И всё, чего я добился в моей теперешней жизни — это заслуга изворотливого ума и острого клинка. Нет во мне больше благородства рода де Моро. Я утратил его в ту злополучную ночь, когда всадил нож в сердце соперника и трусливо сбежал. И юность тому не оправдание.

Она улыбнулась, делая вид что не знает меня. Охотно шутила, манящей помахивая веером, и шаг за шагом удалялась в темноту галерей.

— Диего, милый мой, Диего, — шептала она в тревожной тишине семейных портретов мужниных предков. — Наша встреча судьба. Так решили звёзды.

— Нет, Каталина, ни судьба, ни звёзды, ни Господня воля здесь ни при чём, — говорил я, покрывая её поцелуями и стаскивая с мягких плеч кружева. — Так решил я. Это я пошёл за тобой. Я захотел тебя...!.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net